

НЕОБЫКНОВЕННАЯ ВСТРЕЧА ФРАНЦУЗА И КЫРГЫЗА. Алай, 1906 год

Гзавъе АЛЛЕЗ

Гзавъе АЛЛЕЗ

НЕОБЫКНОВЕННАЯ
ВСТРЕЧА
ФРАНЦУЗА И КЫРГЫЗА

Алай, 1906 год

*Путевые заметки Поля Пеллио
и фотографии Шарля Нуэта*

**MUSÉE
GUIMET**

НЕОБЫКНОВЕННАЯ ВСТРЕЧА
ФРАНЦУЗА И КЫРГЫЗА
Алай, 1906 год

Под редакцией Гзавье Аллеза

БИШКЕК 2023

УДК 94 (100-87)
ББК 63.3 (5Кир)
Н 52

Гзавье Аллез [Xavier HALLEZ] (старший научный сотрудник Французского Института Исследований Центральной Азии – IFEAC, Бишкек-Кыргызстан) – историк, исследующий политические и социальные преобразования в Центральной Азии с XIX века до наших дней.

Н52 Необыкновенная встреча француза и кыргыза – Алай, 1906 год.:
Путевые заметки Поля Пеллио и фотографии Шарля Нуэта / под ред.-
Гзавье АЛЛЕЗ; IFEAC-MNAAG – Б.: «Улуу тоолор», 2023. – 160 с.

ISBN 978-9967-29-626-8

Французская научная миссия в Центральную Азию, которую Поль Пеллио возглавил между 1906 и 1908 годами, была решающим моментом в истории исследования Центральной Азии, Китая, буддизма и несторианства. Отрывки путевых заметок Пеллио, хранящиеся в Национальном музее азиатских искусств им. Гиме в Париже и переведенные в этой книге, представляют собой уникальный документ о кыргызах Алая в 1906 году. На этих страницах записана необыкновенная встреча Асанбека, сына Курманджан Датки с Пеллио. Путевые заметки сопровождаются комментариями Гзавье Аллеза и фотографиями Шарля Нуэта, участвовавшего в этой знаменитой экспедиции. Фотографии, сделанные на юге современного Кыргызстана до сих пор не были опубликованы, в отличие от остальной фотоколлекции. В этой книге они публикуются впервые.

1 Поль Пеллио в Урумчи (1907) (стр. 2)

УДК 94 (100-87)
ББК 63.3 (5Кир)

ISBN 978-9967-29-626-8

© Xavier Hallez, 2023
© Institut français d'études sur l'Asie centrale, 2023
© Musée national des arts asiatiques Guimet, 2023

Предисловие

*«Человечество в основе своей,
состоит из встреч»*

Абдеррахман Сиссако

Эта книга - плод встреч, бесед и исследований. Все началось с календаря, подаренного Эмилем Тилековым, дизайнером и исследователем традиционного кыргызского костюма и быта, в котором он воспроизвел старые черно-белые фотографии в цвете: одной из них была знаменитая фотография Курманджан Датки с Густавом Маннергеймом в 1906 году. Также на этом снимке присутствует редко упоминаемый французский учёный Поль Пеллио, хотя он является важной фигурой для любого исследователя, интересующегося древней историей Центральной Азии, Китая и буддизмом. Понимая, что его мало знают в Кыргызстане, в отличие от Маннергейма, который сопровождал его в научной экспедиции по Центральной Азии, я хотел рассказать о его важном вкладе в историю региона. Фотография Курманджан Датки, ставшая памятным достоянием Кыргызстана, позволила узнать о пребывании Пеллио на юге страны. Однако эта алайская часть его экспедиции была полностью забыта исследователями, в отличие от китайской.

В Национальном музее азиатских искусств им. Гиме хранится весь архив научной миссии Поля Пеллио в Центральной Азии. К столетию экспедиции - в 2008 году - были изданы ранее неопубликованные путевые заметки Пеллио. Изучая их в библиотеке музея, я был удивлён уникальным описанием его путешествия через Алай и беседами с Асанбеком, сыном Курманджан Датки. Фонды экспедиции Пеллио также включают в себя фотографии Шарля Нуэта, который сопровождал данную экспедицию. Обнаружение его снимков, сделанных на Алае сразу же подтолкнуло меня на мысль о необходимости передачи Кыргызстану законного наследия, дремлющего в европейском музее: в этой книге данные фотографии публикуются впервые¹.

Бесценная поддержка, оказанная музеем Гиме, позволила этой публикации выйти в свет и является результатом соглашения научного сотрудничества между Национальным музеем азиатских искусств им. Гиме и Французским Институтом Исследований Центральной Азии. Выражаю особенную благодарность бывшему директору музея Гиме Софи Макариу (Sophie Macariou); дирек-

---

¹ В марте 2023 года музей Гиме выпустил онлайн-каталог фотоколлекции экспедиции Пеллио: <https://guimet-photo-pelliot.fr/>

тору отдела консервации и коллекций Венсану Лефевру (Vincent Lefèvre); хранительнице коллекций буддийского Китая и Центральной Азии Валери Залески (Valérie Zaleski); хранительнице фотографических коллекций Лоранс Мадлин (Laurence Madeline); хранительнице библиотеки Кристине Крамеротти (Cristina Cramerotti) за её теплый прием; и секретарю по документации Доминик Файоль-Ренинжер (Dominique Fayolle-Reninger) за её активное участие и помощь.

Я хотел бы также отметить незабываемую роль китаеведа и бывшего директора Французского Института Дальнего Востока (EFEO) Жан-Пьера Дрежа (Jean-Pierre Drège), беседы с ним, а также его статьи о Пеллио и французской миссии в Центральной Азии, которые являлись важным источником информации. Также любезно приняла меня и поделилась своими работами и рассказами о Пеллио, переданными несколькими поколениями исследователей Азии, специалист по рукописям из Дуньхуана и почетный профессор EFEO Лиин Куо (Liying Kuo).

Поэт и писатель Кубатбек Жусубалиев познакомил меня с Алайскими горами, с теплотой встретив в своем доме. Этот мой первый визит в 2021 году эхом отразил во мне слова Пеллио, прочитанные в его путевых заметках. Я также благодарен Аттокуру Каланбаеву за его помощь. Второй мой визит, организованный IFEAC в августе 2022 года при содействии Жамбы Жусубалиевой, Бакая Маратова и Тамирис Аллез позволил проехать по дороге, по которой прошел Пеллио от Оша до Иркештама. Моя искренняя благодарность акиму Алайского района Каныбеку Апбасову и акиму айыла Кабылан-Коля Баатырбеку Абдиеву, рассказавшим нам историю своей долины, через которую когда-то проходил Шелковый путь.

Мы благодарим за перевод Амантура Жапарова из Института истории, археологии и этнологии Национальной Академии наук Кыргызстана, Жамбы Жусубалиеву, Кубанычбека Аркабаева, Диану Скиба, Айназик Жолдошеву и Сауле Аллез.

Этот проект получил поддержку посольства Франции в Кыргызстане и мы благодарим за это посла, г-на Франсуа Делауса.

Наконец, хотелось бы выразить особую признательность всему коллективу Французского Института Исследований Центральной Азии и его директору Адриану Фов.

Гзавье АЛЛЕЗ

Поль Пеллио – уникальная судьба исследователя Азии

Жизненное описание Поля Пеллио открывает нам все уголки азиатского континента, переносит сквозь эпохи – из первого тысячелетия до двадцатого века – и познакомит нас с языковым богатством Азии. Пеллио увлекся новыми областями исследований, которые открывались в Центральной Азии и на Дальнем Востоке на перекрестке XIX и XX веков и стал одной из важнейших фигур среди международных ученых, исследовавших Азию. Его работы насчитывают более восьмисот научных статей, освещающих самые разнообразные области наук и эти труды по сей день продолжают оставаться эталоном для исследователей². Скрупулезный филолог, одаренный безграничным любопытством и потрясающей памятью, он всегда поражал своими лингвистическими знаниями. Каждая его поездка предоставляла возможность изучать новые языки, будучи полиглотом, он в совершенстве владел китайским, а также тюркскими, монгольскими, тибетским, персидским, пушту, тагальским, древне уйгурским, санскритским, тохарским, согдийским, и хотанским языками.

ОЗАРЕНИЯ

Поль Пеллио родился в мае 1878 года в Париже и вырос в Сен-Мандэ, на краю Венсенского леса. Его отец – Шарль Пеллио (1847-1930), подобно многим предпринимателям XIX века, был торговцем химических товаров и библиофилом³. Он придавал большое значение образованию своих семерых детей. Поль сначала воспитывался в особняке своей бабушки по материнской линии, затем в престижных частных школах Парижа. С детства он отличался своей памятью и умом. Сначала он планировал посвятить себя дипломатии и поступил с этой целью в Школу политических наук (ныне SciencesPo) и на отделение китайского языка в Школу живых восточных языков (ныне INALCO). Посещение курсов Эдуарда Шаванна (1865–1918) – одного из ведущих французских китаеведов и Сильвена Леви (1863–1935) – знаменитого индианиста, с которым он изучал

---

2 Walravens H., *Paul Pelliot (1878-1945). His life and works - a bibliography* (Bloomington: Indiana University, 2001).

3 Коллекции Шарля Пеллио были выставлены на продажу после его смерти: *Catalogue des manuscrits, lettres, autographes et documents originaux composant la collection de Charles Pelliot (amateur normand) - Vente les 28 et 29 Novembre 1933 Salle 9*. [Каталог рукописей, писем, автографов и подлинных документов, составляющих коллекцию Шарля Пеллио (нормандский любитель) - Продажа 28 и 29 ноября 1933 г. Зал 9.] (Paris: Georges Andrieux, 1933).

санскрит, убедило его посвятить себя исследованиям, а не дипломатии. После получения диплома о знании китайского языка и политологии в 1897 году, он проходил военную службу

Его научная деятельность началась в 1899 году с избранием на только что открывшуюся должность учителя китайского языка во Французском Институте Дальнего Востока (EFEO) в Ханое, созданном в 1898 году по инициативе востоковедов Академии Надписей и Изящной Словесности⁴ с одной стороны и генерального правительства Индокитая - с другой. Основными целями были поощрение пребывания исследователей в Азии - по примеру того, что уже сделано в Афинах, Риме и Каире⁵ - и создание учреждения, которое могло бы взять на себя ответственность за описание и сохранение индокитайского культурного наследия⁶. Пеллио официально числился в EFEO до 1911 года, но многогранная деятельность держала его вдали от Ханоя большую часть этого десятилетия. Он объехал Азию и собрал ряд рукописей, книг и произведений искусства не только из Индокитая, но и из Китая и Центральной Азии, самым ярким образом участвуя в составлении богатых коллекций библиотеки EFEO, а также Лувра, Музея азиатских искусств им. Гиме и Национальной библиотеки Франции.

Слава настигла его в Пекине, где он находился, чтобы купить книги и рукописи для будущей библиотеки EFEO. Вспыхнуло Боксерское восстание⁷, вследствие чего иностранные посольства оказались в осаде в течение 55 дней. Пеллио отличился тем, что защищая дипломатические миссии сумел захватить знамя боксеров с двумя матросами - за боевые подвиги он был награжден орденом Почетного легиона. В день затишья он объявил своим товарищам, что собирается выпить чаю с боксерами по ту сторону баррикад. Попрощавшись с врагом, он вернулся ближе к вечеру, с фруктами в руках: он, якобы, сказал китайцам, что у европейцев, осажденных в дипломатических миссиях - высокий боевой дух, но фруктов не хватает. Пеллио был известен своими бравадами,

---

4 Основанная в 1663 году Академия Надписей и Изящной Словесности позже была преобразована, чтобы возложить на нее все еще текущую миссию: продвижение и распространение знаний об Античности, Средневековье и всех цивилизациях Ближнего и Дальнего Востока.

5 Французские институты в Афинах, Риме и Каире были открыты в 1846, 1875 и 1880 годах соответственно.

6 Clémentin-Ojha C., Manguin P., *Un siècle pour l'Asie. L'Ecole française d'Extrême-Orient, 1898-2000* (Paris: Les éditions du Pacifique/EFEO, 2001).

7 Восстание боксеров («движение союза справедливости и согласия») было организовано тайным обществом, символом которого является сжатый кулак, отсюда и прозвище боксеры. Оно проходило в Китае с 1899 по 1901 год и сопровождалось убийством многих иностранцев. Это движение, первоначально выступавшее против реформ, иностранных поселенцев и маньчжурской династии Цин, было направлено против европейского присутствия, что привело к осаде иностранных представительств, присутствующих в Пекине с 20 июня 1900 года. Оно закончилось победой европейцев, Японии и Соединенных Штатов и разграблением Пекина.

о которых было сложено множество легенд. Он действительно свободно перемещался по городу в разгар восстания, благодаря превосходному знанию китайского языка и культуры. Впоследствии его мужество и характер человека действия всегда сочетались с его качествами человека науки.

Его первые важные исследования были посвящены Юго-Восточной Азии и, в частности, Камбодже: он заложил основы исторической географии региона, опираясь на китайские источники и на свои навыки филолога⁸. Одна из его основных статей была посвящена путешествиям китайцев по Южной и Юго-Восточной Азии в первом тысячелетии⁹. Исследования, путешествия и открытия настолько страстно увлекали Пеллио, что он был готов сразиться с любыми научными задачами. Великий швейцарский китаевед Поль Демьевиль (1894-1979) говорил о Пеллио: «Ничто не останавливает его, вернее, всё останавливает его: древние названия Китая, истоки Сиама, Цейлона, Малайского архипелага и Малайзии, путешествия Кан Тай¹⁰, Сюань-Цзана¹¹, И Цзина¹² и Марко Поло - всех тех исследователей, судьба которых всегда привлекала его, потому что они, как и он, шли вперед в неизвестность, увлекаясь загадками!»¹³ Пеллио представлял себя идущим по стопам Марко Поло!

В ПОИСКАХ УТРАЧЕННОГО ВРЕМЕНИ

Между 1906 и 1909 годами Пеллио совершил самое важное путешествие его жизни. Долгая экспедиция началась на поезде от Москвы до Андижана и продолжилась верхом по югу современного Кыргызстана до середины Китая, а затем по железной дороге достигла Пекина. Эта научная миссия стала краеугольным камнем его карьеры и решающим событием в истории изучения Центральной Азии, Китая, несторианства, буддизма и древних языков региона.

Центральная Азия была довольно малоизвестным и плохо картированным регионом. Шелковый путь больше не представлял собой главную геополитическую ось.

---

8 Его работы были собраны и опубликованы посмертно: Pelliot P., *Mémoires sur les coutumes du Cambodge de Tchou Ta-Kouan* (Paris: Maisonneuve, 1951).

9 Pelliot P., «Deux itinéraires chinois de Chine en Inde à la fin du VIIIe siècle», *Bulletin de l'EFEO*, n°1-2 (1904), 131-413.

10 Кан Тай был китайским путешественником в середине третьего века, который посетил Юго-Восточную Азию.

11 Сюань-Цзан (600-664) совершил паломничество в Индию, чтобы перевести буддийские тексты на китайский язык. Он написал очень подробный отчет о своем путешествии.

12 И Цзин (635-713) был последним китайским буддийским монахом, совершившим паломничество в Индию, труды которого дошли до нас.

13 Renou L., «Notice sur la vie et les travaux de M. Paul Pelliot, membre de l'Académie», *Comptes-rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et des Belles Lettres*, n°94/2 (1950), 132.

тическую и торговую ось. С середины XIX века внимание к этому пространству снова возрос в связи с конкуренцией между Россией и Англией. Российской Империи удалось завоевать казахские степи и центральноазиатские ханства и тем самым расширить исследования на этой территории. В 1873 году в Париже состоялся первый международный конгресс востоковедов и многочисленные российские доклады были посвящены истории культур Туркестана, зарождая научный интерес. Публикация рукописи на санскрите, купленной Гамильтоном Бауэром (1858-1940), офицером разведки британской армии в Индии, во время миссии в Восточном (или Китайском) Туркестане в 1889-1890 годах, произвела фурор в индологии. Индианисты обнаружили существование буддийской цивилизации, процветавшей там в первом тысячелетии нашей эры.

Географическое и этнографическое исследование Центральной Азии резко активизировалось, особенно в области археологии: изучение индийского, а также иранского и греческого влияния в Восточном Туркестане стало первоначальной движущей силой. Все европейские державы, а также Япония являлись участниками этого движения, которое усилилось на рубеже XIX и XX веков. В целях координации экспедиций и содействия международному научному сотрудничеству, в 1899 году была создана Международная Ассоциация Историко-Археологических, Лингвистических и Этнографических Исследований Центральной Азии и Дальнего Востока. Цели этой организации охватывали изучение материальных памятников, их сохранение и международное сотрудничество в изучении региона. Не исключая полностью политическую и военную разведку, научные соображения взяли верх. Именно в таком междисциплинарном научном контексте будет осуществляться миссия Пеллио. Были четко определены цели - задокументировать археологические находки в Восточном Туркестане и собрать предметы искусства и древние рукописи.

Франция в начале двадцатого века существенно отстала от Германии, Великобритании, Российской Империи и Японии, которые к тому времени уже успели осуществить несколько экспедиций в регион¹⁴. Именно по этой причине французское отделение Международной ассоциации под руководством индианиста Эмиля Сенара¹⁵ взяло на себя инициативу по подготовке экспедиции

---

14 Hopkirk P., *Foreign devils on the Silk Road: The search for the lost cities and treasures of Chinese Central Asia*. (London: John Murray, 1980).

15 Эмиль Сенар (1847-1928) - индолог, был центральной фигурой, связывающей французских и международных востоковедов с конца XIX века до своей смерти. Его ученик - Альфред Фуше так говорит о нем: «Именно он [Сенар] всегда стоит у истоков всех археологических экспедиций, которые в течение последних тридцати лет работали в Индии, Центральной Азии, Китае или Афганистане. И эти экспедиции он не просто вдохновлял, организовывал или субсидировал; он был с ними душой и сердцем, с невероятным неослабевающим интересом следил за ними, как во время далеких странствий, так и после возвращения, когда постепенно публиковались результаты миссий» (Foucher A., «Émile Senart», *Journal asiatique*, n°212 (1928), 5).

в Центральную Азию. Возглавить её было предложено Пеллио, самому молодому члену Ассоциации - его навыки, знание языков и характер, проявленный в Пекине во время восстания боксеров, делали его идеальным кандидатом.

Одним из достоинств Пеллио по сравнению с большинством специалистов, исследовавших Восточный Туркестан в то время, является его знание языков, используемых в регионе: его коллегами и «конкурентами» чаще всего были археологи - индианисты или иранисты, тогда как Пеллио в совершенстве владел китайским языком в дополнение к санскриту и персидскому языку. В ходе самой экспедиции ему удалось ознакомиться со среднеазиатскими языками (узбекским, кыргызским и уйгурским). Отношения с представителями Центральной Азии или Китая были значительно облегчены. Таким образом, он собрал ценную информацию, которая оказалась решающей на нескольких этапах экспедиции.

Подготовка началась летом 1904 года под эгидой нескольких французских учреждений. Средства были выделены Министерством народного просвещения, Академией наук, Академией Надписей и Изящной Словесности, Музеем естественной истории, ведущими географическими обществами и несколькими частными лицами. Среди них были принц Ролан Бонапарт (1858-1924), внук одного из братьев Наполеона, который был географом и ботаником и богатый франко-американский филантроп Жозеф-Флоримон, герцог де Луба (1831-1927).

Для этой важной миссии со столь большими ожиданиями Пеллио сам выбирает своих попутчиков - его друг детства, врач колониальной пехоты Луи Вайян и независимый парижский фотограф Шарль Нуэт.

Луи Вайян (1876-1963) родился в Париже и учился в школе вместе с Полем Пеллио. Его семья была родом из Артуа на севере Франции. Отец - Леон Вайян (1834-1914) был известным зоологом, профессором Музея естественной истории в Париже. Как специалист по рептилиям и рыбам он участвовал во многих экспедициях в Индийском и Тихом океанах. Его сын вырос в этой атмосфере исследований и научных открытий. Защитив медицинскую диссертацию по змеиному яду, Луи выбрал военную карьеру в качестве военного врача. Участвуя в колониальных завоеваниях, он проявил себя в Тонкинской кампании 1902-1904 годов. По возвращении Луи в Париж Поль Пеллио обращается к своему другу с убедительной просьбой поехать с ним в Центральную Азию, чтобы заняться картографией и географическими исследованиями. Для подготовки к экспедиции Вайян в 1905 году самостоятельно прошел обучение в обсерватории Монсури (Париж) - в бюро долгот и в географической службе армии, которые предоставили ему для экспедиции - теодолит, телескоп-рефрактор и высокоточные часы (3 штуки).

2 Луи Вайян, Поль Пеллио и Шарль Нуэт в Куче (1907)

Во время экспедиции он исследовал 2500 км маршрута между Кашгаром и Ланьчжоу и точно определил многие географические положения, исправив ошибки предыдущих карт. Он также провел много наблюдений в области физической и социально-экономической географии Восточного Туркестана. Не забывая о работе своего отца, он собрал множество экземпляров земноводных и рептилий, которые были переданы на хранение в коллекцию Музея естественной истории. Систематик и куратор музея Франсуа Моккар (1834–1917) описал их в статье 1910 года и установил два новых вида: змею из семейства ужеобразных (*Elaphe dione*), которую он назвал в честь Поля Пеллио – *Zamenis Pellioti* и земноводное (*Bufores pewzowi*), названное в честь Шарля Нуэта – *Bufo Nouettei* (Mocquard F., «Voyage de M. le docteur Louis Vaillant dans l'Asie centrale (Mission Pelliot)», *Bulletin du Museum national d'histoire naturelle*, n°16 (1910), 145-154).

Помимо важности этих исследований, Вайян никогда не забывал, что он – врач, и во всех городах, где останавливается экспедиция, он оказывает населению посильную помощь, каждый раз открывая настоящую маленькую «клинику». Его репутация помогала им в путешествии и сыграла большую роль при встрече с населением. После возвращения во

Францию он посвятил себя именно врачебной практике на земле предков, в Артуа. Он создал комитет гигиены Па-де-Кале, организовал сеть диспансеров и обучил первую группу будущих социальных работников.

Как член многочисленных научных обществ он читал лекции и публиковал статьи о своих географических наблюдениях: научная экспедиция в Центральную Азию была единственной для него, но это был опыт, который запомнился ему до конца жизни.

Шарль Нуэт (1869–1910) – парижский фотограф, спустя шесть месяцев после своего возвращения во Францию умер, о нем очень мало информации. Он родился в Монлери, небольшом городке к югу от Парижа, в семье торговца углем. Работая с электроустановками, он проявил большую изобретательность, но проблемы со здоровьем вынудили его бросить эту профессию. Затем он самостоятельно занялся фотографией и добился потрясающих результатов в то время, когда фотографическая техника постоянно развивалась и требовала именно изобретательности. Его студия находилась недалеко от Люксембургского сада – в V-м округе Парижа. Как указано в «Ежегоднике торговли и фотографической промышленности» за 1902 год, он специализировался на воспроизведении документов и предметов – «увеличение и уменьшение чертежей, машин, архитектурных объектов, ювелирных изделий, тканей, одним словом, все фотографии, предназначенные для каталогов и различных испытаний, которые необходимо сохранить или выгравировать. (...) Все форматы. – Цена в зависимости от формата и сложности». (Mendel C. (ed), *Annuaire du commerce et de l'industrie photographique* (Paris, 1902), 224).

Этот опыт стал причиной, по которой Пеллио связался с ним. Нуэт сразу же с энтузиазмом воспринял идею участия в экспедиции. Между 1905 и 1906 годами они обменивались письмами, в которых обсуждали методологию археологической фотографии и выбор фотографического оборудования. Отдавая предпочтение качеству и резкости снимков, был выбран вариант портативной фотокамеры с пластинами, для которой требовалась подставка. Фотографическая коллекция экспедиции, хранящаяся в музее Гиме, включает 1530 негативов, большая часть из которых находится на стеклянных пластинах. Она состоит из видов археологических памятников и пейзажей в панорамном виде, соответствующих требованиям археологической фотографии; репродукций рукописей и предметов искусства; фотографий, документирующих саму экспедицию. Часть этих фотографий, посвященных Восточному Туркестану, была опубликована еще в 1914 году (Pelliot, *Les grottes de Touen-Houang* (6 grands volumes), Paris: Librairie Paul Geuthner), впоследствии снимки Нуэта получили широкое распространение, за исключением видов, сде-

ланых на юге современного Кыргызстана. (см. Cabos M., «Creating Heritage and the Mission Paul Pelliot: Early Photography of Dunhuang and their legacy», *The Chinese Historical Review*, 25/2 (2018), 97-117; Pelliot P., «Charles Nouette [Nécrologie]», *T'oung Pao*, Vol. 11/2 (1910), 293).

Первоначально Пеллио отправился в Москву и провел там несколько месяцев, изучая русский язык. Революция 1905 года задержала подготовку экспедиции, только в начале 1906 года Пеллио смог приступить к ней. Самым важным были переговоры с российскими властями по организационным вопросам, касающимся поездки. В то время Франция находилась в хороших отношениях с Россией, ее зона влияния была сосредоточена в Индокитае, вдали от Большой Игры в Центральной Азии. Таким образом, это существенно упрощало переговоры Пеллио с российскими властями: французская экспедиция получила разрешение пересечь российскую территорию, чтобы достичь китайской границы в Иркештаме и добраться до Кашгара. Также была удовлетворена просьба о предоставлении охраны из двух казаков для проезда через нестабильные и опасные регионы, где восстания и бандитизм были достаточно распространенным явлением. Взамен научную экспедицию должен был сопровождать русский офицер, в обязанности которого, в первую очередь, входила разведка на китайской территории под прикрытием французской экспедиции. Пеллио не хотел этого, но не мог в ответ ничего возразить. Выбор пал на военнослужащего российской армии финского происхождения - Карла Густава Маннергейма (1867-1951), недавно получившего звание полковника. Он служил в Маньчжурии во время русско-японской войны и имел некоторые знания о Китае, также отлично владел французским. Его преимущество заключалось в том, что он мог воспользоваться финским паспортом, а не российским и таким образом был менее подозрительным в глазах китайских властей. Учитывая четко обозначенные цели французской миссии, в которых не было ничего военного, следовало придать российской стороне явно научный формат: Финно-Угорское Общество (*Suomalais-Ugrilainen Seura*), основанное в 1883 году в Хельсинки, организовало курсы этнографии и лингвистики для Маннергейма и поручило ему собирать этнографические данные от его имени. Официально возложенная на него миссия была полностью гражданской.

Записки Поля Пеллио:

«Г-н Пеллио по просьбе Министерства иностранных дел Франции изъявляет российскому правительству любезно принять в качестве компаньона г-на М. [Маннергейма] при следующих условиях:

1° Предполагается, что Г-н. П. [Пеллио] не знает настоящий статус г-на М.

2° Сторонами принято, что г-н М., предприняв частную поездку в китайский Туркестан, случайно встретился в Оше с экспедицией П. и там получил от г-на П. разрешение отправиться с ним в путь. Другими словами, г-н М. не будет включен в экспедицию П., а присоединится к ней».

Документы Пеллио, музей Гиме, Мi 2

Перед отъездом Маннергейм обменялся мнениями с Пеллио и особенно с Шарлем Нуэтом по поводу выбора фотографического оборудования, которое должно было использоваться им для документирования информации, собранной на месте. Нуэт посоветовал ему «Ernestmann Klapp», подходящий для репортажной и спортивной фотосъемки и дал ему множество рекомендаций, предназначенных для начинающего фотографа. Первые фотографии, сделанные Маннергеймом во время экспедиции, чаще всего идентичны с фотографиями Нуэта, который выбирал объекты и ракурс съемки.

Пеллио и Маннергейм обладали сильным характером и высокой самооценкой, что осложняло их отношения. Напряженность, возникшая во время путешествия, привела к тому, что они расстались, и после Кашгара Маннергейм продолжил свою экспедицию независимо от Пеллио. Путевой дневник Маннергейма был опубликован еще в 1940 году, но версия была отредактирована, в нем в частности, не упоминалось о Поле Пеллио и французской экспедиции, которую он сопровождал: Mannerheim G., *Across Asia from West to East in 1906-1908* (Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1940). В 2008 году к столетию экспедиции вышла полная публикация: Mannerheim G., *Across Asia from West to East in 1906-1908* (Helsinki: Otava, 2008).

ВСТРЕЧА С ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫМИ ЛЮДЬМИ

Пеллио отправился на поезде в Ташкент, до которого он добрался 25 июня 1906 года и в середине июля отправился в Самарканд, где впервые встретился с Маннергеймом. Затем они отправились в Коканд, чтобы дождаться таможенного оформления своего груза, который состоял из 67 ящиков или 3 тонн различного снаряжения и провизии, включая ящик с шампанским, ящик с ромом и арманьяком.

Во время экспедиции Пеллио предлагал шампанское «Coste-Folcher», которое он специально выбрал, своим уважаемым гостям. Он был известен как гурман и эстет. Как отмечает Денис Синор: «Пеллио ценил элегантную компанию и хорошую еду». Известный в начале двадцатого века дом «Coste-Folcher» производил шампанское в Эперне до начала 1940-х годов, прежде чем его деятельность угасла. В 2016 году она была возрождена двумя виноделами, одним - из Бургундии, а другим - из Шампаня.

3 Этикетка шампанского «Coste-Folcher»

По прибытии в Ош 29 июля они подготовили караван для перевозки этого внушительного груза через Алай и Восточный Туркестан: он состоял из 24 вьючных лошадей, 5 седельных лошадей и 9 арб. Через месяц они достигли Кашгара.

Экспедиция отправилась по хорошо известному маршруту, одному из древних маршрутов Шелкового пути, проходившему через Алайскую долину на юге современного Кыргызстана, чтобы подняться на высокое плато, граничащее с Памиром и добраться до Кашгара и Китайского Туркестана через пограничный переход Иркештам. После царского завоевания Центральной Азии многие европейские путешественники отправились открывать для себя эти далекие и малоизвестные регионы по этому маршруту, который также использовался торговыми караванами и паломниками. Он был одним из основных направлений распространения ислама и учения суфийских братств в Восточный Туркестан и Индию¹⁶: «Алайская долина также является важным звеном в цепи коммуникаций, которая соединяет Восточный Туркестан с Каратегинном и Бухарой, а следовательно, и с дорогой паломников в Мекку и Медину; так что в теплые месяцы года многие торговые караваны и паломники проходят эту долину»¹⁷.

Дорога Ош-Иркештам: После царского завоевания в 1893 году были начаты работы по расширению и укреплению дороги. Местные кыргызы внесли свой финансовый вклад в благоустройстве дороги.

«Зимой 1892 года была проектирована дорога от укрепления Гульчи (Ферганской области) в южном направлении по ущелью реки Гульчинки, протекающей между северными отрогами Алайского хребта, через перевал Талдык в Алайскую долину, откуда дорога предполагалась в восточном направлении к пограничному с Китаем пункту Иркештаму. Путь этот, длиною приблизительно в 200 верст, связывающий нашу богатую Фергану с китайской Кашгарией, приобретал большое торговое значение, так как с проведением его можно было установить постоянное колесное сообщение между Кашгаром и городами наших среднеазиатских владений; до того времени существовало лишь вьючное караванное движение, несмотря на то, что количество грузов, перевозимых в виде товаров, доходило до 140.000 пудов, на сумму до 1.000.000 рублей. Он имел и немаловажное военное значение, так как позволял подвезти к самой границе Китая артиллерию и сосредоточить здесь более или менее значительные силы; с другой стороны, он приближал нас к известному Памирскому плато, куда дорога отходит из долины Алая в южном направлении.

16 Zarccone T., «Une route de sainteté islamique entre l'Asie centrale et l'Inde: la voie Ush-Kashghar-Srinagar», *Cahiers d'Asie centrale*, n°1-2 (1996), 227-254.

17 Hedin S., *Through Asia* (New Delhi: Book Faith India, 1993[1898]), 176.

a Маршрут французской научной экспедиции в Центральной Азии (установлен в 1909 г.)

На этом основании вновь проектированная дорога получила название военно-торговой. (...) Большую пользу принесли данные, имевшиеся о прежней разработке этой же дороги в 1880 году, когда она приспособлялась для провоза артиллерии на особых тележках с узким ходом; так как за последние 12 лет дорога вовсе не ремонтировалась, то от прежней разработки не осталось никаких следов и она превратилась в едва заметную вычужную тропу. Как оказалось впоследствии на деле, проект был составлен весьма близко к действительности и был выполнен почти без поправок. Главнейшие данные проекта были следующие: 1) Дорогу до перевала, длиною около 90 верст, предположено вести шириною от 5-ти до 6-ти аршин, чтобы свободно можно было двигаться на арбах (местная двухколесная телега), а местами и свободно разехать в разные стороны. 2) Продольные уклоны дороги делать не более $1/10$ допуская, лишь как исключение, уклон в $1/7$. 3) На означенном протяжении выстроить девять деревянных мостов шириною в 5 аршин через реку Гульчинку, оставив у Суфи-Кургана [Сопу-Кор-

гон] (на 43-й версте) брод, который при ширине около 1/2 версты требовал бы слишком капитальных мостовых работ.» (Буровский В., «Проведение дороги через Алайский хребет», *Военный сборник*, 1 (1895), 220).

В 1990-х годах при поддержке нескольких международных организаций был начат крупный проект по развитию этого маршрута. Китайские и турецкие инвестиции позволили завершить его в последующие десятилетия.

Получив официальную поддержку российских властей, французская экспедиция также воспользовалась помощью местной администрации, которая поручила кыргызским представителям оказывать всевозможную поддержку на пути от Оша до Иркештама. Кыргызскими волостными управителями в Алайском уезде с момента основания Ферганской области в 1876 году были сыновья Курманджан Датки и Алымбека Датки. Они часто помогали и сопровождали европейских путешественников на этом маршруте: их упоминают во многих источниках, где их описывают одновременно как менее «цивилизованными» с европейской точки зрения и обладателями сильной харизмы. В 1906 году в живых остались двое – Асанбек (1849–1909) и Маамытбек (1843–1913). Они встретили участников экспедиции в Оше, а затем Асанбек сопровождал их от Гульчи до Иркештама, установив на каждом этапе по две юрты. Знание языков позволило Пеллио тесно пообщаться с Асанбеком. Любопытность Пеллио и его скрупулезность в записывании слов Асанбека делают эти страницы из путевых заметок Пеллио уникальным и исключительным документом о кыргызах начала двадцатого века. Хотелось бы прочитать или услышать слова Асанбека о встрече с Пеллио.

За время путешествия Пеллио и Асанбек установили дружеские отношения. Перед тем как покинуть Алай Пеллио поблагодарил Асанбека и подарил ему халат. Будучи исключенным из этих дружеских взаимоотношений, Маннергейм с горечью отмечает: «Асанбек обещал поискать для меня возможность купить кое-какие предметы, но Пеллио отнял у него так много времени, что это ни к чему не привело»¹⁸.

Французский исследователь Гастон Бонвало (1853–1933), один из предшественников Пеллио на алайских дорогах, отправился в зимнее путешествие в 1882 году и опубликовал заметки о нем в конце XIX века. Он, в частности, описывает свою встречу с сыновьями Курманджан

18 Mannerheim G., *Across Asia from West to East in 1906–1908* (Helsinki: Otava, 2008), 47.

Датки - четверо из них были еще живы - без помощи которых он, безусловно, не смог бы добраться до Памира.

«У кара-киргизов Алая начальниками, которых они избирают, являются четыре брата, мать которых пользуется у них большим уважением. Избрание этих начальников утверждается русскими властями, которые поручают им распределение и сбор налогов. Они оказывают большое влияние на людей своих племен и будут нам очень полезны. Их вызывают в Ош. Им было рекомендовано предоставить нам гида, если это возможно. И однажды утром прибывают всадники на хороших конях, это ханы [сыновья Курманджан Датки], а за ними - их слуги.

Представляем ханов. Все они - высокого роста, у них - маленькие глаза, круглые головы на бычьей шее, утопающей в широких плечах; на них - коричневые кожаные сапоги, накидки, камчы в руках. Они ходят, покачиваясь на кривых ногах. Виднеются снежинки на редких волосках их бороды и на мехе шапок; только один из них носит тюрбан - Баатырбек - старший, грамотей, умеющий свободно читать и писать, и живущий в Оше. Кыргызы отзываются о нем плохо: недовольные старики приписывают ему повадки сарта. (...) Маамытбек [Махмуд] живет недалеко от Талдыка.

(...) Никто не посещал [Алайскую долину] зимой. Все думают, что есть снег, но его мало. Баатырбек говорит, что можно допросить джигита его старшего брата Абдылдабека [Абдулла-хана], который сражался против Скобелева и умер в Кабуле, где он был беженцем. Садик, так звали верного слугу, сопровождал его по Памиру, Вахану, Бадахшану; он знает путь на Памир, где в хорошее время года часто промышлял барантой [барымта]. Это прославленный барантаци [барымтачы]. После смерти Абдылдабека он живет в ауле второго брата Баатырбека и всецело предан ему».

Bonvalot G., *Du Caucase aux Indes à travers le Pamir* (Paris: Plon, 1889), 272-275.

Вступив в Восточный Туркестан в сентябре 1906 года, экспедиция остановилась на шесть недель для раскопок в Кашгаре. Высоко оценив юрты, установленные Асанбеком, Пеллио решил приобрести такие же для дальнейших этапов и обратился к китайскому амбану из Кашгара. Российский консул Сергей Колоколов заверил его, что эта просьба напрасна, исходя из опыта многих предыдущих исследователей. Но особые отношения Пеллио с китайскими кругами Кашгара, которых он впечатлил своим знанием языка и китайской культуры, снова были преимуществом - он сразу же получил юрту и научился ее ставить, - как рассказывает Луи Вайян. Затем они уезжают в Кучу, где также в течение нескольких месяцев проводились раскопки.

4 Цзайлан в своем кабинете в Урумчи, 1908 год. (© G. Mannerheim / Suomalais-Ugrilaisen Seuran-Finnish Heritage Agency)

Пребывая с октября по декабрь 1907 года в Урумчи, Пеллио часто посещал высшее общество маньчжурских чиновников и китайских мандаринов, сосланных далеко от столицы за участие в Боксерском восстании¹⁹. Встреча с Цзайланом²⁰, называемого герцогом Лан, была особенно важной. Цзайлан императорской крови был одним из лидеров Боксерского восстания в Пекине в 1900 году, призывая к насилию против иностранцев. Изгнанный в Восточный Туркестан после подавления восстания, он вел светскую жизнь в Урумчи и с радостью принимал иностранных гостей, приезжавших в город. Увлеченный фотографией и историей, он часто приглашал к себе Пеллио и Нуэта. Пеллио рассказывает об одной из этих встреч, что «к шестой бутылке шампанского (нас было только трое - он, я и Нуэт) герцог стал особенно несдержан и начал гово-

19 Vaillant L., «Rapport sur les travaux géographiques faits par la mission archéologique d'Asie centrale (mission Paul Pelliot 1906-1909)», *Bulletin de la section de géographie du Comité des travaux historiques et scientifiques*, t.68 (1955), 90-92

20 Цзайлан (1856-1916) был внуком императора Даогуана (1782-1850). После революции 1911 года в Китае ему разрешили покинуть Синьцзян и поселиться в родной Маньчжурии.

ритель о боксерах»²¹. Тин, будучи китайским слугой Пеллио во время экспедиции, передал ему, что герцог, как сообщается, воскликнул после их отъезда: «Господин Пеллио едет в Пекин, а я остаюсь здесь вот уже 6 лет». Во время беседы Цзайлан показал ему рукописи из Дуньхуана, которые побудили Пеллио отправиться туда. Если бы не этот обед, судьба Пеллио сложилась бы совсем иначе.

Вскоре было принято решение отправиться в направлении Дуньхуана. Пеллио остановился недалеко от оазиса Дуньхуан, граничащего с пустынями Гоби и Такламакан. Он пробыл с 12 февраля по 7 июня 1908 года у подножия пещеры Могао, которую называют «пещерой тысячи Будд»²². Пеллио сначала тщательно исследовал там несколько сотен гротов, в то время как Нуэт сделал множество снимков. Все они были украшены различными изображениями от пола до потолка, датируемыми второй половиной первого тысячелетия.

Затем его внимание привлекла знаменитая пещера № 17. Китайский даосский монах по имени Ван Юаньлу (1849-1931) охранял и восстанавливал эти пещеры. В 1900 году в замурованной полости пещеры № 17 он обнаружил значительный набор рукописей, датирующихся с V по XI век. Позднее эта коллекция была названа «замурованной библиотекой»²³. Слухи о рукописях привлекли внимание европейских исследователей, которые путешествовали по Азии, пытаясь увидеть и заполучить их. В пещере было собрано более 50,000 уникальных рукописных документов, в основном – на китайском и тибетском языках, но также включающих другие языки и письменность, используемые в Центральной Азии в то время (уйгурский, санскрит, согдийский, хотанский,...). Первым европейцем, получившим доступ к «замурованной библиотеке», был британский археолог сэр Аурел Стейн (1862-1943), который приобрел в 1907 году около 14,000 рукописей, хранящихся сейчас в Британской национальной библиотеке. Однако его незнание китайского и тибетского языков не позволило ему выбрать наиболее ценные рукописи, в отличие от Пеллио.

---

21 Pelliot P., *Carnets de route, 1906-1908* (Paris: Les Indes Savantes, 2008), 208.

22 Costantino M., «The Dunhuang caves», Kouamé N., Meyer E., Viguier A. (eds.), *Encyclopédie des historiographies : Afrique, Amériques, Asies* (Paris: Presses de l'INALCO, 2020), 502-509.

23 Costantino M., «The Dunhuang manuscripts», *op. cit.*, 510-571

5-6 Гроты Могао, «пещеры тысячи Будд»

7 Поль Пеллио в пещере № 17 выбирает рукописи при свечах

Вторым был Пеллио, проведший три недели, сидя на корточках в «замурованной библиотеке», которую открыл ему монах Ван Юаньлу. При свете свечи он смог выбрать более 5000 рукописных свитков на китайском и тибетском языках, а также небольшое количество на различных древних языках. Среди них были: одна – из старейших христианских рукописей в мире –, рукопись на иврите, рукописи на хотанском, ранее неизвестный сакский язык и на согдийском, бывшая лингва франка Центральной Азии²⁴. Пеллио нашел также печатные штампы и листы, которые являются одними из самых древних в мире. Об их приобретении он договорился с Ван Юаньлу. Эти рукописи сегодня хранятся в Национальной библиотеке Франции.

В конце своего путешествия Пеллио отправился в Пекин, чтобы наладить связи со столичными китайскими учеными и сообщить им об исключительном открытии средневековых рукописей в Дуньхуане. Он показал им несколько ценных рукописей, которые он обнаружил, что позволило научному сообществу Китая осознать уникальное наследие, представленное «пещерами тысячи Будд». В Китае сразу же был создан комитет, который потребовал от правительства сохранить рукописи, оставшиеся в Дуньхуане.

Сбор иностранными экспедициями предметов искусства и рукописей начал подвергаться резкой критике в Китае в 1930-х годах и до сих пор остается очень острой темой²⁵. Не только в Китае, но и в других странах, такая практика была приравнена к разграблению наследия и вызывала множество этических вопросов, которые поднимались некоторыми учеными еще в XIX веке.

Огюст Барт (1834-1916), индианист и один из основателей Французского Института Дальнего Востока, так высказался о дальнейшей деятельности Института: «Вы создаете музей [в Индокитае] действительно достойный этого имени не для хвастовства и любопытства, а методично и с научной направленностью. Больше не будут разбросаны в частных коллекциях или отправлены в музей Гиме предметы, теряющие свою научную целостность и ценность: Индокитай сможет сохранить свое богатое наследие. Комплектование фондов музея будет осуществляться не ценой разграбления и разрушения памятников, а собиранием только тех предметов, находящихся под угрозой исчезновения; вы не будете повреждать памятники, вы их сохраните. Вы не будете их реставрировать, что обычно еще хуже». (Clémentin-Ojha C., Manguin P., *op. cit.*,18).

24 Роберт Готио (1876-1916) – лингвист, специализирующийся на индоевропейских языках, работал с Пеллио над рукописями, привезенными из Дуньхуана, и первым расшифровал согдийский язык.

25 Jacobs J., *The compensations of plunder: how China lost its treasures* (Chicago: University of Chicago Press, 2020).

«ГОРА АНАЛОГ» ИЛИ БУДУЩИЙ «НАСТАВНИК» ИССЛЕДОВАНИЙ АЗИИ

Материалы, документы и предметы, собранные Пеллио прибыли в Париж в конце 1909 года. Национальная библиотека получила дуньхуанские рукописи, а Лувр получил археологические артефакты, картины, скульптуры и текстильные полотна. Новые приобретения были немедленно выставлены Лувром, в настоящее время хранятся в музее Гиме. Изучение этих рукописей, собранных Аурелем Стейном продолжает подпитывать исследования о Китае, Центральной Азии, буддизме и несторианстве. Они позволили исследователям всего мира сделать множество открытий. Работа, начатая Полем Пеллио по их каталогизации была продолжена на протяжении нескольких десятилетий. С 2004 года этот каталог и все рукописи, привезённые Пеллио из Дуньхуана полностью оцифрованы и в свободном доступе на сайте *Gallica*. Их высококачественные копии хранятся в Дуньхуанской Академии и Национальной библиотеке Китая, куда они были переданы в дар Национальной библиотекой Франции в 2015 году.

После возвращения во Францию Пеллио написал отчет о своей миссии, который он представил Академии Надписей и Изыщной Словесности в 1910 году²⁶. Важность его открытий отворила ему двери в Коллеж де Франс, самого престижного французского академического учреждения; он занял специально созданную для него кафедру языков, истории и археологии Центральной Азии. 4 декабря 1911 года состоялась его первая лекция в торжественный момент вступления в Коллеж де Франс, которая была посвящена иранскому влиянию в Центральной Азии и на Дальнем Востоке²⁷. По мнению Пеллио, Китай не развивался изолированно от остального мира, как его очень часто представляли, а наоборот был вдохновлен культурами и цивилизациями, расположенными западнее его. Рукописи, привезенные из Дуньхуана, позволили показать и обосновать роль Центральной Азии в этом процессе: через них передавались и были переосмыслены новые учения, в особенности, буддизм. Научный интерес Пеллио постепенно привел его к монголоведению²⁸ и тюркологии. Его внимание также привлекают вопросы мобильности и взаимоотношениях в Монгольской империи и в Золотой Орде²⁹.

---

26 «Отчет г-на Поля Пеллио об экспедиции в Китайский Туркестан (1906-1909) перед Академией Надписей и Изыщной Словесности (25-го февраля 1910)» переведён в этой книге.

27 Pelliot P., «Les influences iraniennes en Asie centrale et en Extrême-Orient», *Revue d'Histoire et de Littérature religieuse*, n° 3 (1912), 97-119.

28 Atwood C. «Paul Pelliot and Mongolian Studies», Drège J.-P., Zink M. (eds.), *Paul Pelliot : de l'histoire à la légende* (Paris: AIBL, 2013), 433-449.

29 Pelliot P., *Notes sur l'histoire de la Horde d'Or* (Paris: Adrien-Maisonneuve, 1950) ; Pelliot P., *Les Mongols et la Papauté* (Paris: Librairie Picard, 1932).

Мобилизованный в августе 1914 года Пеллио был отправлен в Дарданеллы. После эвакуации экспедиционного корпуса, Пеллио был назначен военным атташе в Пекине, где продолжил свое страстное увлечение, приобретая многочисленные произведения для собственной библиотеки. Французский китаевед, Робер де Ротур рассказывает: «Когда я был в Пекине в 1921 и 1922 годах еще упоминались имена некоторых тщеславных игроков, которые каждую ночь приходили в клуб, чтобы иметь честь соревноваться с грозным чемпионом по бриджу – Пеллио. Утверждалось, что регулярно зарабатываемые таким образом суммы использовались для покупки книг»³⁰. В 1918 году Пеллио был направлен в Монголию и Сибирь в составе французской военной миссии при Белой армии. Ему было поручено собрать информацию об атамане Семенове (1890-1946), его войсках и их шансах сформировать силу, способную противостоять большевикам. Во время его пребывания во Владивостоке Пеллио познакомился с Марианной Скупенска-Карвосской³¹ и женился на ней в 1918 году. Его миссия закончилась в феврале 1919 года, когда он работал при французском консульстве в Иркутске.

По возвращении он продолжит преподавать в нескольких учебных заведениях и в то же время возьмет на себя руководство журналом «*T'oung Pao ou Archives concernant l'histoire, les langues, la géographie et l'ethnographie de l'Asie Orientale (Chine, Japon, Corée, Indo-Chine, Asie Centrale et Malaisie)*» [T'oung Pao или Архивы для изучения истории, языков, географии и этнографии Восточной Азии (Китай, Япония, Корея, Индокитай, Центральная Азия и Малайзия)]. Это первый международный журнал по китаеведению, основанный в 1890 году. В своих многочисленных статьях он затрагивал многие темы и активно практиковался в написании обзоров на другие труды, «в этом неподражаемом искусстве наживать себе врагов» – как он говорил сам. С другой стороны, он старательно избегал публикации монографий, всегда думая, что можно улучшить работу: все его книги были изданы посмертно. Будучи большим знатоком азиатского искусства, он разделил это пристрастие со своей женой. Он был куратором нескольких выставок и с 1930 года до своей смерти стал хранителем музея Эннери, ныне являющегося частью музея Гиме.

Денис Синор (1916-2011), известный профессор кафедры Центрально-Евразийских исследований Университета Индианы, который учился у Пеллио в годы его становления в Париже с 1939 по 1945 год, так описывает в одной из статей личность и творчество Пеллио: «Пеллио был одиноким человеком и ученым, он не создал ни школы, ни собственного института и не был окружен обожающей и услужливой группой студентов. Вопреки нынешней практике, когда младшие

---

30 Des Rotours R., «Paul Pelliot : 28 mai 1878-26 octobre 1945», *Monumenta Serica*, vol.12 (1947), 272.

31 Марианна Скупенска-Карвосская (1895- ?) работала с мужем над историей азиатского искусства, а также была писательницей. Pelliot M., *Verres anciens* (Paris: Les éditions G. Van Oest, 1929) ; Pelliot M., *Le sorcier du lac vert (conte tibétain)* (Paris: Adrien Maisonneuve, 1950).

профессора небольших колледжей полагаются на услуги ассистентов-исследователей, у Пеллио не было никого, даже секретаря. Все свои работы он писал сам – мелким, не очень разборчивым почерком. (...) Он был удивительным оратором с приятным голосом и каким бы трудным ни был вопрос, презентация была сделана в красивом чисто французском стиле»³². Многие исследователи обучались, посещая его занятия и читая его статьи, но Пеллио не был научным руководителем, строго следящим за аспирантами или студентами. Очень требовательный и уверенный в себе, он имел довольно своеобразный взгляд на исследования.

Будучи важной фигурой в исследованиях Азии в 1920-х и 1930-х годах, Пеллио оказал значительное влияние не только во Франции, но и на многих зарубежных китаеведов и тюркологов. Василий Михайлович Алексеев (1881-1951), основатель и глава новой петербургской школы китаеведения, своим становлением как ученого считал себя обязанным французской синологии, называя при этом, прежде всего, имена Эдуарда Шаванна и Поля Пеллио³³. Современная венгерская тюркология, основанная Дьюлой Неметом (1890-1976) и Луи Лигети (1902-1987) обязана учению и трудам Пеллио. Лигети в течение трех лет обучался у Пеллио, которого он считал своим учителем и всю свою жизнь оставался очарованным французским ученым. Дьюла Немет назвал Пеллио человеком «с безграничными знаниями»³⁴.

В заключение вернемся к словам Дениса Синора: «С полным недоверием относясь к любой теории, претендующей на объяснение того, как устроен мир, он никогда не мог заставить себя написать какой-либо обзорный труд. Пеллио, конечно, не был историком и ему не хватало основных качеств, необходимых для такого призвания: он не мог или не хотел различать важное и неважное. Однажды (...) я собрал все свое мужество и обратился к нему с вопросом: *Maître* [Наставник] (именно так мы – немногие избранные, обращались к нему), почему вы тратите впустую свое время и почему вы используете свои фантастические знания для прояснения вопросов, не имеющих значимости? (...). Пеллио посмотрел на меня и весело ответил: «Меня это забавляет, Синор, меня это забавляет!» В этом был ключ к его разнообразным интересам; он делал то, что его сильно увлекало»³⁵.

*«Детали создают совершенство,
а совершенство – это не деталь.»*

Леонардо да Винчи

32 Sinor Denis, «Remembering Paul Pelliot, 1878-1945», Walravens H., *op. cit.*, XXVI-XXVII

33 Циперович И., «Академики-востоковеды Эдуард Шаванн (1865–1918) и Поль Пеллио (1878–1945)», *Петербургское Востоковедение*, вып. 9 (1997), 448-475.

34 Sinor D., *op. cit.*, XXV.

35 *Ibid.*, XXXIV.

БИБЛИОГРАФИЯ:

- Cabos M., «Creating Heritage and the Mission Paul Pelliot: Early Photography of Dunhuang and their Legacy», *The Chinese Historical Review*, 25/2 (2018), 97-117
- Clémentin-Ojha C., Manguin P., *Un siècle pour l'Asie. L'Ecole française d'Extrême-Orient, 1898-2000* (Paris: Les éditions du Pacifique/EFEO, 2001)
- Des Rotours R., «Paul Pelliot : 28 mai 1878-26 octobre 1945», *Monumenta Serica*, vol.12 (1947), 266-276
- Drège J.-P., «La mission de Paul Pelliot au Turkestan chinois et en Chine (1906-1909) : les clefs d'un succès», Will P.-E., Zink M. (dir.), *Jean-Pierre Abel-Rémusat et ses successeurs. Deux cents ans de sinologie française en France et en Chine* (Paris: AIBL, 2020), 263-331
- Drège J.-P., Zink M. (eds.), *Paul Pelliot : de l'histoire à la légende* (Paris: AIBL, 2013)
- Drège J.-P., «Paul Pelliot, recenseur et polémiste», *Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et des Belles Lettres*, n°152/3 (2008), 1113-1129
- Giès J. (dir.), *Les arts de l'Asie centrale. La collection Paul Pelliot du musée national des arts asiatiques-Guimet* (Paris: Réunion des Musées Nationaux, 1995-1996)
- Goršenina S., *Explorateurs en Asie centrale : voyageurs et aventuriers de Marco Polo à Ella Maillart* (Genève: Editions Olizane, 2003)
- Goršenina S., Rapin C., «Les voyageurs francophones en Asie centrale de 1860 à 1932», *Cahiers du monde russe : Russie, Empire russe, Union soviétique*, 39/3 (1998), 361-373
- Hambis L., «Paul Pelliot (1878-4945) historien et linguiste», *Revue Historique*, vol. 203/1 (1950), 30-40
- Hopkirk P., *Foreign devils on the silk road. The search for the lost cities and treasures of Chinese Central Asia* (Oxford: Oxford University Press, 1980)
- Кененсариев Т., «Феномен Курманжан датки...», *Курманжан датка выдающийся политический и общественный деятель кыргызского народа. Материалы международной научной конференции 25 октября 2011 г.* (Бишкек, 2011), 69-99
- Mannerheim C.G., *Across Asia from West to East in 1906-1908* (Helsinki: Ottava Publishing Company, 2008)
- Mocquard F., «Voyage de M. le docteur Louis Vaillant dans l'Asie centrale (Mission Pelliot)», *Bulletin du Museum national d'histoire naturelle*, n°16 (1910), 145-154
- Pelliot P., *Carnets de Pékin : 1899-1901* (Paris: Imprimerie nationale, 1976)
- Pelliot P., *Carnets de route, 1906-1908* (Paris: Les Indes Savantes, 2008)
- Pinault G.-J., «Paul Pelliot et les langues d'Asie centrale», Drège J.-P., Zink M. (eds.), *Paul Pelliot : de l'histoire à la légende* (Paris: AIBL, 2013), 335-370
- Renou L., «Notice sur la vie et les travaux de M. Paul Pelliot, membre de l'Académie», *Comptes-rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et des Belles Lettres*, n°94/2 (1950), 130-144

- Самойлов Н. А., «Научные результаты Азиатской экспедиции Маннергейма 1906-1908 годов», *Ученые записки Петрозаводского государственного университета*, n°3/164 (2017), 7-13
- Sinor D., «Remembering Paul Pelliot, 1878-1945», Walravens H., *Paul Pelliot (1878-1945). His life and works- a bibliography* (Bloomington: Indiana University, 2001), XXV-XXXV
- Trombert E., «La mission archéologique de Paul Pelliot en Asie centrale (1906-1908)», Drège J.-P., Zink M. (eds.), *Paul Pelliot : de l'histoire à la légende* (Paris: AIBL, 2013), 45-82
- Циперович И., «Академики-востоковеды Эдуард Шаванн (1865—1918) и Поль Пеллио (1878—1945)», *Петербургское Востоковедение*, вып. 9 (1997), 448-475
- Vaillant L., «Le Turkestan chinois», *Bulletins et Mémoires de la Société d'Anthropologie de Paris*, 1/1 (1910), 8-17
- Vaillant L., «Quelques mots sur le Turkestan chinois (mission Pelliot)», *Mémoire de l'Académie des sciences, lettres et arts d'Arras*, t. 3 (1923), 7-23
- Vaillant L., «Rapport sur les travaux géographiques faits par la mission archéologique d'Asie centrale (mission Paul Pelliot 1906-1909)», *Bulletin de la section de géographie du Comité des travaux historiques et scientifiques*, t. 68 (1955), 77-164
- Walravens H., *Paul Pelliot (1878-1945). His life and works- a bibliography* (Bloomington: Indiana University, 2001)
- Zarcone T., «Une route de sainteté islamique entre l'Asie centrale et l'Inde: la voie Ush-Kashghar-Srinagar», *Cahiers d'Asie centrale*, n°1-2 (1996), 227-254

Национальный музей азиатских искусств имени Гиме (Париж, Франция)

Музей Гиме появился в результате грандиозного проекта промышленника из Лиона Эмиля Гиме (1836-1918). Поездки в Египет, Грецию, затем - кругосветное путешествие в 1876 году с остановками в Японии, Китае и Индии позволили ему собрать значительные коллекции, которые он впервые выставлял в Лионе в 1879 году. Позже он переместил коллекции в музей религий Египта, классической античности и Азии на площади Иена в Париже, который он создал в 1889 году.

Музей приобретает азиатскую специализацию вслед за громкими экспедициями на Дальнем Востоке и растущим интересом к азиатским культурам. Поездки Луи Деллапорта (1842-1925) в Сиама и Камбоджу открыли руины Ангора и позволили собрать коллекцию кхмерского искусства, составившую основу Индокитайского музея Трокадеро, основанного в 1882 году. В конце девятнадцатого века Лувр посвящает одну секцию из департамента предметов искусства - искусству Азии, в основном - Китаю и Японии, эта секция впоследствии станет отдельным департаментом. В музее Гиме раздел античных религий постепенно отходит на второй план и его помещения отдают предметам, привезенным из Кореи Шарлем Варатом (1842-1893) в 1889. Иконографические залы в 1912 году освобождаются под тибетскую коллекцию Жака Бако (1877-1965).

В 1927 году музей Гиме был передан в ведение управления музеев Франции и получает коллекции из Индокитайского музея Трокадеро. Впоследствии Французская Археологическая Делегация в Афганистане (DAFA) ему передает свои богатые коллекции. Тогдашний директор музея Жозеф Хакин (1886-1941) также руководил раскопками в Афганистане. Музей Гиме становится знаменитым благодаря богатству своих коллекций из индианизированного мира. С 1945 года в рамках обширной реорганизации национальных коллекций музей Гиме отправляет свои египетские экспонаты в Лувр и получает взамен все предметы из департамента азиатского искусства.

В музее Гиме хранятся важные коллекции, привезенные крупными экспедициями из Центральной Азии и Китая. Три французские экспедиции положили начало становлению центральноазиатской коллекции музея: экспедиции Жюль Дютрея де Рейна (1890-1895), Поля Пеллио (1906-1909) - самая богатая из них и Жозефа Хакина (1931-1932). Собранные экспонаты иллюстрируют искусство великих буддийских центров, которые также являются этапами продвижения караванов по восточному маршруту Шелкового пути.

После Второй мировой войны музей Гиме стал одним из самых первых музеев азиатского искусства в мире под руководством Рене Груссе (1885-1952), чей известный труд *«Империя степей: Аттила, Чингисхан, Тамерлан»* (Paris:

Rayot, 1939) был результатом тесного сотрудничества с Полем Пеллио. Филипп Стерн (1895-1979) - крупный специалист по искусству древней Камбоджи, руководивший музеем с 1954 по 1965 год, развивал научную деятельность музея, библиотеку и особенно фонд фотографических коллекций.

В самом сердце музея, в ротонде исторической библиотеки, созданной в 1889 году, разворачивались удивительные сцены: буддийские монахи, знаменитая танцующая шпионка Мата-Хари выступали перед всем Парижем. Сегодня библиотека ориентирована на древнее искусство и археологию Азии и содержит важный фонд восточных религий. Там же хранятся библиотека Александры Давид-Неэль (1868-1969) и архивы нескольких французских научных экспедиций.

Обширная программа реконструкции, начатая во второй половине 1990-х годов, позволила музею Гиме все больше и больше заявлять о себе как о главном месте сосредоточения знаний азиатских цивилизациях в сердце Европы. Особое внимание было уделено прогрессу в музеологии и новым требованиям в представлении и сохранении коллекций.

Несколько выставок в музее были посвящены Центральной Азии:

- «Азия степей, от Александра Македонского до Чингисхана» (2001)
- «Казахстан: люди, животные и боги степи» (2011)
- «Таджикистан. В стране золотых рек» (2021-22)

Путевые заметки Поля Пеллио
в Центральной Азии
(15 июля – 29 августа 1906 года)

6 Маршрут французской научной экспедиции от Оша до Иркестана. © Тамирис Аллез

ПРИМЕЧАНИЯ

Термины, употребляемые Пеллио, очень часто заимствованы из узбекского языка, который Пеллио выучил еще до приезда в Ош. Кыргызские имена были узбекизированы Пеллио, но в книге были переданы на кыргызском.

Пеллио использует термин «сарт», широко распространенный в тот период для обозначения оседлого мусульманского населения Центральной Азии. В этом тексте, он, в основном, обращается к узбекам.

Термин «курган», используемый Пеллио соответствует не погребальным курганам, а первоначальному значению тюркского слова «коргон» – крепость, форт, укрепленная постройка и также высокая глинобитная ограда у могилы.

Топонимы отмечены в том виде, в каком они даны в исходном тексте в транскрипции кириллицы. Современное название указано в квадратных скобках при первом появлении.

Китайская транскрипция, используемая Пеллио принадлежит Французскому Институту Дальнего Востока (EFEO): «Notre transcription du chinois», *Bulletin de l'EFEO*, Tome 2 (1902), 178-184. В тексте она записана кириллицей по системе Палладия.

Все комментарии принадлежат Гзавье Аллез, за исключением тех, где упоминается автор.

Этапы французской научной экспедиции на юге современного Кыргызстана

11 августа	Выезд из Оша и первая остановка в Каратае-Лангаре
12 августа	Караван в Кабылан-Коле; Маннергейм и Пеллио в лагере Курманжан Датки за перевалом Чыйырчык
13 августа	Гульча
14-15 августа	Жанырык
16 августа	Куртук-Ата
17 августа	Кок-Булак у подножия перевала Талдык
18-20 августа	Катынарт [Сары-Таш]
21 августа	Тонгмурун
22-23 августа	Иркештам

Путевые заметки³⁶

15 июля (1906)

О нашем багаже, по-прежнему, ничего не известно, мы уезжаем в Самарканд. В принципе, это одиннадцатичасовой путь, который из-за привычной неточности российских поездов легко увеличивается до 12 или 13 часов. Летнее расписание только что было возобновлено, что оставляет возможность поехать и возвратиться этой же ночью; это позволяет выиграть почти два дня; в это время года двенадцатичасовая поездка ночью позволяет воспользоваться утренним временем, чтобы полюбоваться пейзажем – в течение почти шести часов дневного света.

16 июля [1906]

Мы проезжаем Зерафшан, рядом с большой кирпичной аркой со сломанным сводом, единственной, которая осталась от так называемого «моста Тамерлана»³⁷. Так что скоро будем в Самарканде.

Как это часто бывает в городах России, вокзал находится вовсе не в городе, так что по прибытии не возникает никаких предположений о значимости посещаемого города. Здесь, в Самарканде, от железнодорожного вокзала до русского города не менее шести километров, а до старого города [где проживает, в основном, коренное население] – даже больше. Но это делается не для того, чтобы избежать объезда, так как железная дорога практически огибает Самарканд; по крайней мере, описываешь очень выраженную дугу. Объяснение, которое здесь превалирует, как и в большинстве случаев, состоит в том, что городские власти не захотели

---

36 Страницы путевых заметок Поля Пеллио, переведенные для этой книги, сгруппированы вместе в двух дневниках, хранящихся в библиотеке музея Гиме в фонде миссии Пеллио по ссылкам Pel Mi 1 и Pel Mi 2, и опубликованы в Pelliot P., *Carnets de route, 1906-1908, op. cit.*, 15-47.

37 Строительство моста связывают с именем Тамерлана. Однако, на самом деле мост был возведен узбекским ханом Шейбани, который в 1502 г. возвращался с войском из Бухары в Самарканд и, подойдя к реке Зеравшан, обнаружил, что старый мост разрушен. Переправа оказалась невероятно трудной и Шейбани-хан повелел построить здесь новый надежный мост, для чего были привлечены лучшие архитекторы Самарканда. Учитывая ширину реки в этом месте, можно предположить, что длина моста составляла более 200 м, а зная длину единственной арки, можно утверждать, что он был семиарочным. В 1841-1842 гг. горный инженер Ф. Богословский писал, что видел недалеко от Самарканда руины древнего моста, у которого сохранились три арки. Известно, что к середине XIX в. от моста остались только две арки, одна из которых была разрушена во время землетрясения 1898 г.

убедить инженеров «рублем» в необходимости более удобного обустройства для обслуживания городского населения. Единственные, кто извлекает выгоду из такого положения вещей – это извозчики или, как здесь говорят, фаэтоны.

Мы останавливаемся в «Варшавских номерах», принадлежащих еврею – брату той еврейки, которая держит наш «Гранд-отель» в Ташкенте. Пока мы не видим ничего такого, что говорило бы о том, что это большой город. Тем временем, мне удается кое-что разузнать о площади Регистан и потихоньку мы подходим к цитадели, а затем к старому городу; и три большие мечети, украшенные глазированным фаянсом или, как привыкли говорить местные гиды, «мозаикой», показывают нам заключенную между ними площадь Регистан, то есть рынок.[...]

Мы сразу посещаем все три медресе этой площади – медресе Улугбека, Шердор, Тилля-Кари, затем проходим к мавзолеям Шахи-Зинда. Этот комплекс мавзолеев Шахи-Зинда сохранился лучше остальных. Вернулись к Биби Ханум. Я немного разочарован тем, что не нашел на этом памятнике китайских деталей, о которых мне рассказывали. Китайское влияние в декоре здесь не кажется более выраженным, чем в других памятниках. Входная арка Биби Ханум обрушилась около восьми лет назад в результате землетрясения. В Гур-Эмире минарет также упал два года назад. Все эти памятники, особенно Биби Ханум, обречены на скорое неминуемое разрушение. (В китайских текстах известно, что Тамерлан был зятем китайского императора. См. «Хань-си-ю-тоу-као» (гл.6, л.5)³⁸, вероятно, со ссылкой на «Минши»³⁹).

Надгробие Тамерлана сделано из темного нефрита с красивой зернистостью, к сожалению, камень расколот на две части, однако, может смело конкурировать по размерам и особенно по зернистой текстуре с большой нефритовой раковиной, которая находится в Юан-чэн в Пекине⁴⁰, в которой когда-то полковник Маршан⁴¹ мечтал «фламбировать» огромный пунш (интересно было бы узнать, описан ли камень Тамерлана в недавней большой книге Хебера Бишопа о нефрите⁴²; одна копия этой редкой книги находится в Институте, а другая – в Музее).

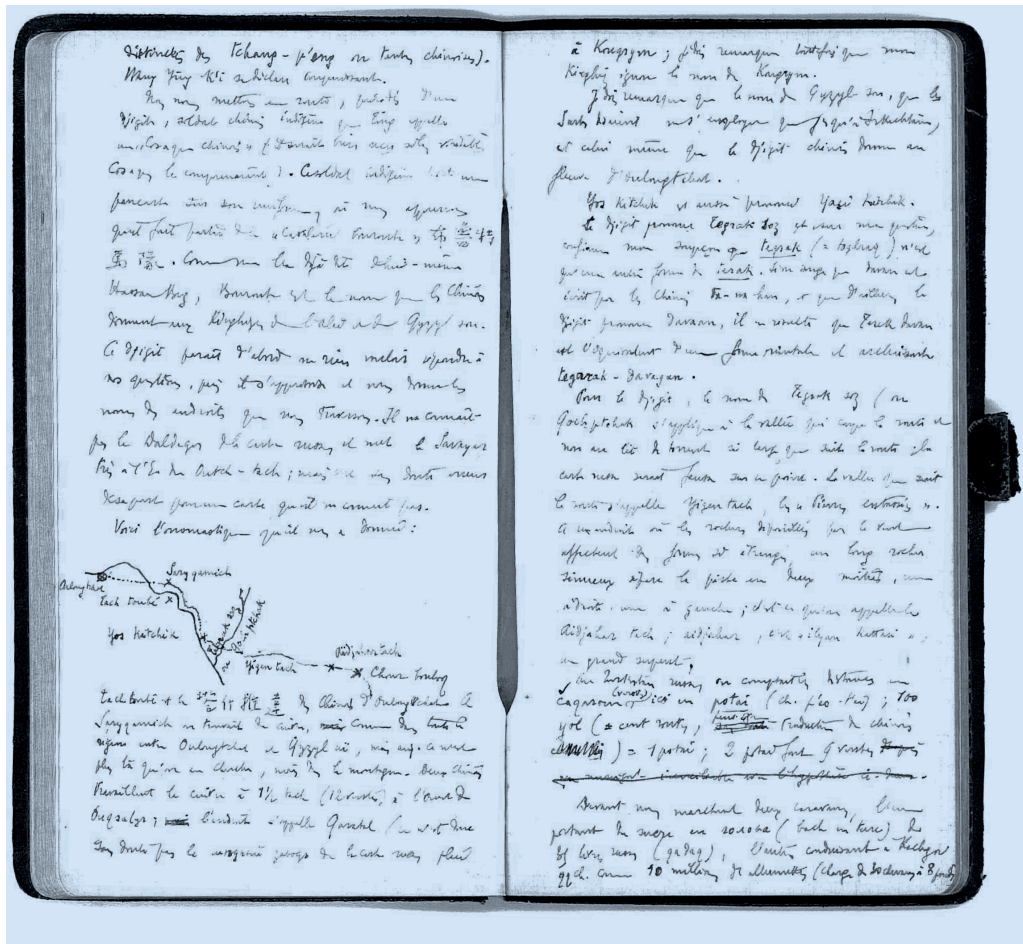
38 Ли-Гуан-Тин, Хань-си-ю-тоу-као [Исследование географической карты западных земель при династии Хань], опубликованное в 1870 году.

39 «Минши», коллективный труд, написанный между 1679 и 1739, состоит из 332 томов и содержит историю империи Мин с 1368 по 1644 годы.

40 «Мы знаем, что огороженная площадка в Пекине, которая называется Юан-чэн, под названием «ротонда», служила «плацдармом» французскому оккупационному корпусу в 1900 году; там находится большая нефритовая ваза (...), размеры которой делают ее редким экспонатом», (Pelliot P., «Stephen W. Bushell: Chinese art», *Bulletin de l'EFEO*, n°5 (1905), 217).

41 Жан-Батист Маршан (1863-1934) – офицер французских колониальных армий, проявил себя во время завоевания Африки, став одним из лидеров националистического консервативного крыла во Франции. В 1900 году он был откомандирован в штаб китайской экспедиции и, таким образом, присутствовал при восстании боксеров, во время которого познакомился с Пеллио.

42 Bishop H., *The Bishop collection: Investigations and studies in jade* (New-York: The De Vinne Press, 1906).

8 Страницы путевых заметок Поля Пеллю от 26 августа 1906 г.

На обратном пути мы обсуждаем цены на некоторые монеты, не представляющие особого интереса и на арабские монеты из бронзы с серебряной филигранью. Мне преподносят одну – очень редкую, точнее, две, то есть пару красивых монет из меди, как мне кажется, совершенно новых. Я переворачиваю их и на заднем плане вижу печать торговцев безделушками в Париже или Лондоне.

17 июля 1906 г.

Так как я отказался от малоинтересных монет, меня повели к афганскому врачу, только приехавшему из Балха со старинными монетами, которые он приобрел там по пути. Это высокий молодец с довольно грозной внешностью, который практикует со своим братом на втором этаже сартского дома. Комната полна пациентов, пришедших на консультацию, в том числе – молодая русская женщина с ребенком на руках. Ортук объясняет, зачем мы пришли. Не упуская из виду ни одного нашего движения, афганец раскладывает перед нами свои монеты; я выбираю индо-скифские монеты, 13 – бронзовых, 10 – серебряных и одну – великолепную из золота, прекрасно сохранившуюся. Остается вопрос цены. Врач очень смущен; ему необходим «*маслахат кылмак*» – т.е. «посоветоваться»; он долго разговаривает с братом, потом возвращается: цена за медные монеты – 200 рублей; за серебряные – 200; за единственную золотую – 400 руб. Ортук, который знает несколько слов по-французски, говорит мне извиняющимся тоном: «*c'est très cher*» (это очень дорого). Действительно, довольно дорого; мы сразу встаём и уходим. Ортук еще раз показывает мне современные японские ширмы, немного поврежденные, которые здесь считаются редкостью. Затем он ведет меня к двум армянам, торгующим старьем – ничего особо ценного.

Утром зафрахтовали машину для посещения Афрасиаба⁴³. При помощи трости мы обнаружили фрагменты глиняной посуды, которые веками лежали погребенными в толще земли. Неужели это древний Мараканда⁴⁴? Все, что мы находим, скорее – средневековое. Бартольд провел здесь несколько раскопок, которые мы посетили⁴⁵; похоже, что это именно тот Самарканд, который знал Чингисхана.

Я хотел уехать сегодня вечером. Ортук советует мне остаться, рассчитывая с помощью одного старого афганца, торгующего антиквариатом, убедить доктора – антиквара по случаю, в том, что он никогда не сможет продать свои монеты по такой высокой цене. Вместо 800 рублей я готов дать последнюю цену в 250 рублей и все согласны с тем, что это хорошая цена, кроме главного заинтересованного. (Следует также отметить, что сарт всегда постарается заставить вас заключить сделку, вынудив продавца уступить).

---

43 Афрасиаб является руинами древнего Самарканда. В XVII веке руины получили своё название в честь мифического царя Турана – Афрасиаба.

44 Название древнего города столицы Согда у античных писателей, существовавшего на территории современного Самарканда в 4 в. до н.э.

45 В 1904 г., Василий Бартольд (1869–1930) – известный востоковед, отправился в археологическую экспедицию в Самарканд, где с 1874 г. велись раскопки древнего городища Афрасиаб. (Бартольд В. «Отчет о поездке в Самарканд летом 1904 года командированного Русским Комитетом проф. В. В. Бартольда», *Известия Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях*, №4 (1904), 21–24).

18 июля 1906 г.

Ответ от афганца пока не получили. Идем к художнику русских вывесок, у которого есть и антиквариат. Чтобы совсем не остаться без покупок, я беру у него два предмета – настоящую китайскую фарфоровую вазу не очень примечательную и местное блюдо из фаянса, имитирующее китайский фарфор, интерес которого заключается в том, что на нем, наряду с псевдокитайской печатью, имеется краткая турецкая надпись.

Еще мне приносят две глиняные плитки из медресе Улугбека. Хотят десять рублей – я даю четыре и мы соглашаемся. Что касается афганца, то он точно не хочет уступать; поэтому мы уходим, не добившись успеха. Я жалею, ведь Балх определенно является благословенным местом индо-греческой археологии. Ни один русский не может туда поехать, это именно англичане, возможно Стейн⁴⁶ на службе у англичан, у которого будет преимущество первым провести раскопки в Бактрии.

10 часов вечера. Когда я садился в поезд, я увидел афганского врача на перроне станции. Неужели он пришел, чтобы продать нам свои монеты? Нет, он даже не смотрит на нас. Он здесь, чтобы поприветствовать бывшего эмира Афганистана – ныне свергнутого с престола и находящегося здесь в качестве беженца, который едет в Черняево со своей семьей⁴⁷. Он получает 20 000 рублей в год от правительства России. Один русский – купец из Самарканда случайно едет с ними. Один из сыновей, красивый мальчик – 20 с лишним лет, понимает русский язык. Купец к нему обращается на ты: «Махмуд, не хочешь ли выпить со мной стакан пива», совсем, как обычные местные. Я сам вступаю в разговор с этим Махмудом, который, не имея на то права, носит мундир русского офицера, довольно причудливого вида. В этот момент кто-то зовет меня по-французски: «Как дела?». Это приехал Маннергейм; он – в соседнем купе.

---

46 Аузел Стейн (1862-1943) – венгр еврейского происхождения, получивший гражданство Великобритании, изучал санскрит в Вене, а затем продолжил свое обучение в Лондоне. С 1887 года он поселился в Индии и изучал древние рукописи. Известие о существовании рукописей в Восточном Туркестане побудило его организовать экспедицию в 1900-1901 годах в Хотан. Зная об экспедициях Пеллио и немца Альберта фон Ле Кока, он подготовил новую экспедицию в 1906-1908 годах, которая привела его в Дуньхуан раньше Пеллио. Затем он смог организовать еще две экспедиции в Центральную Азию в 1913-1915 и 1930 годах. Чтобы добраться до Кашгара, он не поехал Алайской дорогой, находящейся на российской территории, все его экспедиции отправлялись из Кашмира.

47 Сардар Мухаммад Исхак хан (1851-1909) – сын афганского эмира Мухаммада Азам хана, был могущественным губернатором Балха и поддержал своего двоюродного брата – Абдур Рахман хана (1840-1901), чтобы он стал эмиром Афганистана в 1880 г. Очень влиятельный среди афганцев, Исхак-хан относился к Накчбандии. Из-за централизационной политики своего двоюродного брата, губернатор Балха поднял восстание в 1888 году. Потерпев поражение, он укрывался в русском Туркестане и жил там до самой смерти. Хочу поблагодарить Александра Моррисона за помощь в опознании загадочного эмира Афганистана и Олега Карпова за предоставление фотографии того же эмира.

9 Сардар Мухаммад Исхак хан (1851-1909). © «Туркестанский архив»

Он приносит мне любезное письмо от генерала Палицына⁴⁸. Мы долго разговариваем, а Вайян и Нуэт уже спят.

Письмо Палицына, адресованное Пеллио от 8/21 июня 1906 г.

«Я только что узнал от барона Маннергейма о Вашем прибытии в Москву, чтобы отправиться прямо в Ташкент и провести там последние приготовления к Вашей научной экспедиции в Китай.

Поскольку я не буду иметь удовольствия видеть Вас сейчас в Санкт-Петербурге, позвольте мне пожелать Вам самого счастливого путешествия.

Я надеюсь, что Вы не забыли своего любезного обещания, данного во время нашей беседы в ходе Вашего последнего пребывания в Петербурге. Мы будем очень довольны, когда Вы сможете сообщить нам результаты ваших личных наблюдений за политическим и внутренним состоянием китайских провинций. Я также очень хотел бы получить труды Вашей экспедиции, которые будут напечатаны.

Что касается меня, то будьте уверены, что я строго сдержу слово, данное в соответствии с Вашими вышеупомянутыми обещаниями. Министерство иностранных дел уже уведомило Вас о том, что даны все распоряжения, чтобы оказать все услуги, о которых Вы просите, чтобы способствовать успеху вашей экспедиции.

Со своей стороны, я позволяю себе надеяться, что Вы приложите все усилия, чтобы поддерживать наилучшие отношения с бароном Маннергеймом, что, учитывая немногочисленный состав команды, так необходимо для успеха Вашего долгого путешествия. Я также надеюсь, что с нашей помощью научная поездка господина барона Маннергейма не будет сопряжена с трудностями и что у него будет возможность хорошо справиться со своей задачей. Примите заверения в моем самом высоком уважении. »

Papiers Pelliot, musée Guimet, Mi 25

---

48 Фёдор Палицын (1851-1923) - участник русско-турецкой войны 1877-1878 годов, занял в 1905 г. должность начальника вновь учрежденного Главного Управления Генерального Штаба. После русско-японской войны Палицын стремился организовать разведывательную экспедицию в приграничные районы Китая, чтобы ознакомиться с политическими и социально-экономическими условиями и изучить различные группы населения. Он поручил эту миссию Маннергейму: «Китайские реформы превратили Поднебесную в опасный фактор силы... Густав Карлович, Вам предстоит совершить строго секретную поездку из Ташкента в Западный Китай - провинции Ганьсу, Шэньси».

19 июля 1906 г., утро

Представляю своим товарищам Маннергейма. Первый контакт – хороший, даже отличный. Это важно – Нуэт в восторге от нашего нового попутчика.

Прибыв в Ташкент, мы узнаем, что произошел мятеж – шесть солдат, осужденных за беспорядки семь месяцев назад, организовали смуту в гражданской тюрьме⁴⁹; директор тюрьмы добился их перевода. Но, так как ему вечером нужно было уехать за город, он среди бела дня вывел их с наручниками на руках на ж/д станцию Ташкента. На волне эмоций саперы разобрали рельсы на некотором расстоянии от станции, а затем пришли, чтобы потребовать освобождения заключенных. В конце концов, по ним стали стрелять из пулемета. Официально сообщается об одном погибшем, 17 раненых; но, кажется, жертв – намного больше.

20 июля 1906 г.

Еду в «Надежду»: наш багаж прибыл в Коканд, когда мы были в Самарканде. Итак, пора довести до конца оставшиеся здесь дела, и мы уезжаем. Мне еще нужно многое прочитать, поговорить с Остроумовым⁵⁰, Петровским⁵¹, Калмыковым⁵² и, вперед.

---

49 В ноябре 1905 г. в пехотном батальоне Ташкентской крепости поднялся мятеж, последовавший за общим движением по всей России.

50 Николай Остроумов (1846–1930) – востоковед, окончил Казанскую духовную академию, затем был командирован в 1877 г. в Туркестан для работы в системе образования. Он также занимал должность главного редактора «Туркестанской туземной газеты» с 1883 по 1917 год. Важное место занимает его научная деятельность в рамках Туркестанского кружка любителей археологии, одним из основателей которого он был. Остроумов и Пеллио часто встречались летом 1906 в Ташкенте; учитель, который обучил узбекскому языку Пеллио, был найден, благодаря Остроумову.

51 Николай Петровский (1857–1908) – военный, был близок к революционной группе «Земля и воля» и был приговорен к одному году тюремного заключения. Затем он поступил на государственную службу, в 1877 году был отправлен в Туркестан. Он изучал торговлю между Центральной Азией, Афганистаном и Индией. В 1882 году был назначен русским консулом в Кашгаре и оставался на этом посту до 1903 года. Он оказывал большую помощь всем путешественникам – русским и иностранцам. Его поддержка позволила Аурелу Стейну перевезти все коллекции, приобретенные в Восточном Туркестане, в Британский музей в Лондоне. (См. Кузнецов В., «Первооткрыватель кашгарских древностей», *Вестник. НГУ. Серия: История, филология*. 2014. Т. 13, вып. 4: *Востоковедение* (2014), 87–92).

52 Андрей Калмыков (1870–1941) окончил факультет восточных языков Санкт-Петербургского университета и поступил на азиатское отделение МИД. Служил в Персии, Юго-Восточной Азии и Ашхабаде. В 1906 году он был назначен исполнительным политическим секретарем по пограничным вопросам при генерал-губернаторе в Ташкенте. Затем он продолжил свою карьеру в Европе. Востоковед, он был членом Туркестанского кружка любителей археологии и опубликовал несколько ценных статей.

22 июля 1906 г.

Узнаём о роспуске Думы. Мы должны уехать побыстрее; согласовали в принципе дату, на послезавтра - 24-го.

24 июля 1906 г.

Новости – довольно спокойные. Роспуск Думы вряд ли вызовет немедленную забастовку. Мы откладываем отъезд до завтрашнего вечера – для удобства.

25 июля 1906 г.

11 часов вечера. Мы прощаемся на вокзале с Мюллером⁵³ и Мэнжи, и, хотя один из них - швейцарец, а другой - бельгиец, они здесь стали для нас настоящими соотечественниками. Мэнжи оказал нам много услуг. Маннергейм отправляется искать пятерых казаков в Самарканд; мы сами собираемся растаможить наш груз на Кокандской таможне.

26 июля 1906 г.

Приезжаем в Коканд. Весь груз – на таможне. С другой стороны - нет никаких новостей о тех коробках, которые мы везем запечатанными с Александра⁵⁴. В одном и том же доме живут два директора таможни, один – отстранен от своих обязанностей и находится под следствием за то, что играл в клубе на деньги из своей кассы, другой – совсем новенький и нерешительный, но преисполнен доброй воли (подробности о том, как все было решено, смотреть в моем письме №2 Алисе⁵⁵).

---

53 Эмиль Мюллер - швейцарец по происхождению, бывший учитель французского языка в Ташкентской гимназии остался жить в этом городе, когда вышел на пенсию. Он был членом Парижского географического общества с 1878 года и поддерживал переписку со своими парижскими коллегами. Отношения с Пеллио начались еще до прибытия экспедиции в Ташкент. Он консультировал Пеллио, когда тот еще был в Москве, готовясь к поездке. Мюллер ему написал: «Просить у французского посла в Санкт-Петербурге рекомендательное письмо на имя генерал-губернатора Ташкента; спрашивать разрешение на ношение оружия; проверить безопасность и выбрать маршрут в зависимости от этого, то есть, либо - по железной дороге Батум-Баку, либо - по Оренбургу; пересечь Каспийское море на пароходе (переход 18 часов) ; выбрать отели с французскими владельцами (проще); купить обувь, свечи (...). » (Drège J.-P., «La mission de Paul Pelliot au Turkestan chinois et en Chine (1906-1909) : les clefs d'un succès», op. cit., 281)

54 Железнодорожный узел северо-восточнее Москвы.

55 Алиса Пеллио (1880-1966) - сестра Поля Пеллио.

10 Поль Пеллио, Луи Вайян и неизвестный узбек в Ташкенте

27 июля 1906 г.

Мы оставляем в Коканде – для того, чтобы позже их забрать в Андижане – 67 посылок, прибывших из Либавы⁵⁶, плюс 6 – опечатанных из Александрова. Поскольку 17 – уже ждут нас в Андижане, только [это] уже составляет 90 упаковок общим весом около 200 пудов⁵⁷; и к ним нужно добавить то, что мы еще купим в Андижане и Оше, плюс багаж Маннергейма. Наш багаж всем кажется громадным.

Едва прибыв в отель Андижана «Номера Москва» я знакомлюсь с очень богатым сартом – из Ташкента – Сейидом Гани, братом Сейида Карима и двоюродным братом Арифа Хаджи⁵⁸.

Как только он узнаёт, что среди нас – есть врач, он просит о консультации, поскольку, как и все сарты, которых мы видели, он не доверяет русским врачам. Договорились на завтра. Он сам предложил свои услуги нам с помощью своих людей для покупок и подготовки нашей экспедиции.

28 июля 1906 г.

Поехали с Сейидом Гани в местный город за халатами, сухофруктами и т.д. Цены оказались выше, чем те, про которые нам говорили до сих пор.

Вечером в 6.30 мы встречаем на станции Маннергейма; казаки прибыли предыдущим поездом и тоже ждут на вокзале. Теперь – все здесь, багаж – тоже. Завтра выезжаем из Андижана в Ош. Прощай, железная дорога вплоть до Шэньси⁵⁹, через каких-то двадцать месяцев.

---

56 Название до 1919 года латвийского порта – Лиепая.

57 Мера веса, равная 16,3 килограмма.

58 Сейид Азимбай Мухаммадбаев (1825–1881) – отец Сейида Карима и Сейида Гани, занимался в середине XIX века торговлей с Россией, водил караваны из Ташкента в Россию. Изучил русский язык и, познакомившись с европейскими порядками и идеями, он стал ратовать за «прогресс» и превратился в решительного противника рабства. Сейид Азимбай по собственной инициативе отпустил всех своих рабов на волю и его примеру последовали и некоторые другие купцы Ташкента. Он стал председателем «махкама» – специального органа ташкентского самоуправления, созданного в 1866 году для решения различных вопросов внутренней жизни местного населения в соответствии с местными обычаями. Он передал дела фирмы в руки сыновей. Сейид Гани (1866–?) – возглавлял крупную строительно-подрядную фирму в Ташкенте, которая принимала непосредственное участие в строительстве собора Сергия Радонежского. В начале XX века он также сыграл роль в организации хаджа для туркестанцев. Старший сын – Сейид Карим (1862–1916) был депутатом городской Думы Ташкента. В 1907 году он стал учредителем газеты на узбекском языке «Туджар» («Купец») освещавшей положение дел купечества, публиковавшей различные экономические новости. В 1909 году Сейид Карим был избран главой общества «Помощь», которое занималось общественными делами – строило больницы, амбулатории, столовые для неимущих, помогало старикам, сиротам, студентам. Оба брата были членами Туркестанского кружка любителей археологии. Ариф Хаджи Азизходжинов – очень влиятельный политик и купец имел в своем распоряжении кожевенные и обувные цеха, торговал мануфактурой. Возвел в самом центре города огромный стодвадцатиметровый торговый пассаж.

59 Железнодорожная линия Бяньлуо была продлена от Пекина до района Шэньси в 1906–07 годах.

11 Погрузка растаможенных ящиков французской экспедиции в Андижане. В центре изображения - Пеллио, Вайян и Нуэт. (© G. Mannerheim / Suomalais-Ugrilaisen Seuran-Finnish Heritage Agency)

29 июля 1906 г.

Отправляем казаков с поклажей, загруженной на восьми арбах. Дорогу они пройдут за два дня (46 верст⁶⁰). Два китайца – Тин⁶¹ и Лю⁶² и повар – сарт Мир Хаит занимают девятую арбу. Сами мы проедем эту дорогу за 4-5 часов сегодня днем в почтовом экипаже. Повар произвел на меня очень плохое впечатление во время наших утренних разногласий с арбакешами, и я сомневаюсь, что мы его надолго задержим; но, чёрт, загвоздка в том, что я нехотя занял ему 50 рублей перед отъездом из Ташкента. Казаки довольно свободно общаются с местными сартами. Двое из них – кажутся превосходными, третий, возможно, благонамеренный, но неразумный, о четвёртом – не знаю, что сказать; а пятый – маленький, но это мне мало о чём говорит. Мы едва знакомы с нашими людьми, недостаточно, чтобы судить о них.

---

60 1 верста = 1,067 км.

61 Бывший официант в ресторане, приехавший в Париж в 1900 году, Тин был слугой Пеллио во время экспедиции.

62 Переводчик Маннергейма.

Во всяком случае, эти казаки присоединились к нам охотно. В полку было более сорока желающих и один офицер даже хотел присоединиться к ним за свой счет. На вокзале их провожали под музыку, причем весь офицерский корпус. Вот он – полк, который проявил к нашему предприятию совершенно иное отношение, чем генеральное губернаторство Туркестана. Там посчитали слишком бросающимся в глаза тот факт, что экспедиция получила поддержку непосредственно в Генеральном штабе Санкт-Петербурга, а с ними – по этому поводу никто не посоветовался.

12 Вид Сулейман-Тоо

Отправившись «в экипаже», запряженном четырьмя лошадьми, мы с Маннергеймом, Вайяном, Нуэтом прибываем примерно через пять часов в Ош; сейчас почти девять часов вечера и мы ощущаем вечернюю прохладу, что заставляет нас надеть сюртуки – такую прохладу мы уже больше месяца не испытывали, разве что в тот день, когда мы выехали из Ташкента в Самарканд.

В трех верстах от старого города к нам подъезжает всадник [Казимча Хаджи] – это доверенное лицо Сейида Гани, который, по предупреждению своего хозяина, приготовил нам еду и жилье. Когда мы уезжали, Сейид Гани предупредил нас, что накануне уездному начальнику Оша прибыла телеграмма от

одного из дежурных офицеров генерал-губернатора, в тексте которой приказывалось «нам предоставить все удобства». Откуда он узнал об этом? Это местные формы коммуникации. Мы встречаем уездного начальника по дороге⁶³.

13 Казимча Хаджи, доверенное лицо Сейида Гани в Оше

---

63 Алексей Алексеев (1866- ?) - офицер, служил в Туркестане с 1884 года. В 1901 году он стал помощником кокандского уездного начальника. Затем в начале 1906 был назначен ошским уездным начальником и служил на этой должности до 1916. В 1917 году он стал временным вице-губернатором Семиречья и получил чин генерала. Он является автором статьи об Алае: Алексеев А., «Курбан Джан Датха», Ферганские областные ведомости, №123 (1907).

Мы поглощаем сытную местную еду, сначала – сладости, потом – плов; наш хозяин, несмотря на то, что уже дважды совершил паломничество в Мекку, беззастенчиво пьет водку и пиво. Он обещает сделать для нас, как можно больше, хотя, говорит, что в последние годы – цены резко выросли.

30 июля 1906 г.

Утром беседуем с хозяином – еще до шести часов утра он сходил к караван-баши, который предложил ему тариф от 12 до 13 рублей за аренду одной лошади от Оша до Кашгара. Это цена, которую нам обозначил уездный начальник и которая установлена здесь в качестве тарифа. Однако эти административные тарифы – намного выше, чем цены у местных и мы постараемся обойтись дешевле. Когда я думаю, что Грум Гржимайло⁶⁴, как и Свен Хедин⁶⁵, платили всего по восемь рублей из Оша в Кашгар.

Позже утром приходит переводчик караван-баши, чтобы предложить нам услуги своего шефа. Он начинает с тарифов и говорит, что его хозяин был проинформирован о нашем приезде из канцелярии уездного начальника, но я этому не верю. Наш хозяин предлагает нам поехать послезавтра на ярмарку Узгена и, если «сердце нам подскажет», мы сможем купить там не только верховых, но и вьючных лошадей. Узген находится в 40 верстах, мы отправимся послезавтра утром, чтобы быть на ярмарке на следующий день к ее началу, около 8 часов утра. Мы разговариваем с представителем караван-баши, указывая, что в случае необходимости мы обойдемся без его услуг – при покупке лошадей. Затем он указывает нам, что аренда может быть дешевле, если мы не будем настаивать на том, чтобы вернуться через 12 дней и что все зависит от перевозимого груза и количества лошадей. Когда лошадей много, а товаров – мало, можно перевезти за семь-восемь рублей, а сегодня их – много. В конце концов он уходит, чтобы сказать своему хозяину, что нам – все равно: будем ли мы в пути еще несколько дополнительных дней, но что мы хотим заплатить только по восемь рублей.

---

64 Григорий Грум-Гржимайло (1860-1936) – русский географ и зоолог, участвовал в ежегодных экспедициях в Центральную Азию с 1884 по 1887 гг. В 1889-1890 гг. он возглавлял азиатскую экспедицию в Восточный Тянь-Шань.

65 Свен Хедин (1865-1952) – шведский географ, руководил между 1892 и 1935 годами многочисленными экспедициями в Центральную Азию. Таким образом, он первым обнаружил руины древних буддийских городов в Восточном Туркестане.

14 Лагерь экспедиции в Оше - (слева направо) Вайян, Пеллио, Маннергейм, на первом плане Нуэт и Тин

Два часа. Нам сообщили о прибытии сопровождения. Наш хозяин указал нам на караван-сарай [*зачеркнуто: слишком многолюдный*], слишком открытый, чтобы нам понравиться, но за ним, во внутреннем дворе находится сад, который отлично бы нам подошел. Арендуем его за один рубль в сутки и сразу же разгружаем ящики, разбиваем лагерь: кровати, противомоскитные сетки, тапки, стол, стулья. Наш багаж действительно огромен. И все-таки, всё это – нам необходимо; я лишь сожалею о том, что взял такой большой фонограф⁶⁶.

31 июля 1906 г.

6 часов утра, просыпаюсь в нашем деревенском лагере. Маннергейм уже у своих ящиков. Нуэт и Вайян спят. Солнце уже просвечивает сквозь наши деревья. Эта ночь под открытым небом – и мы, отделённые от окружающего мира только вуалью наших москитных сеток – была восхитительной.

66 Во время экспедиции Пеллио проигрывал музыку на фонографе на различных вечеринках с выходцами из Центральной Азии и китайцами, как показано на фотографиях Шарля Нуэта.

15 Первая встреча в Оше между участниками экспедиции (Луи Вайяном, Густавом Маннергеймом (позади) и Полем Пеллио) и двумя сыновьями Курманджан Датки, Асанбеком – слева и Маамытбеком – справа

Я только что увидел одного из джигитов, которого я нанял вчера – самого молодого. Им платим 20 рублей в месяц и еще я им выделяю за содержание их лошади; но покупают своих лошадей они сами. Сегодня подпишем договор.

9.30 часов утра. Маннергейм и я только что бросали жребий для подбора казаков, не считая того, что у меня уже был [Симеон] Боков, а у него – тот высокий блондин [Игнатий Юнусов], которого он предпочел. Двое других, выпавших на мою долю, мне не нравятся. В частности, некий [Ширван] Ильязов, мусульманин, который произвел на меня очень плохое впечатление и которого вчера вечером побранил Маннергейм за то, что тот растянулся на моей кровати. Хоть бы у меня не было проблем с этим мальчишкой позже⁶⁷!

8 часов вечера. Я только что подписал контракт с джигитом Якубом. Другой, поддавшись причитаниям жены, отказался ехать.

16 Пятеро казаков конвоя, принадлежащие 2-му Уральскому казацкому полку, сформированному в Самарканде в 1879: (слева направо) Симеон Боков, Игнатий Юнусов, Шакир Рахимжанов, Ширван Ильязов и Тахватуллин

---

⁶⁷ Третьего казака на службе у Пеллио зовут Тахватуллин, он оставил экспедицию после прибытия в Восточный Туркестан. Шакир Рахимжанов был вторым казаком у Маннергейма.

1 августа 1906 г.

Лагерь все более и более расширяется. Вдоль деревьев натянута веревка, мы сделали скатерти, кухонные полотенца. Револютеры, канистры и т.д. свисают с гвоздей. Но хоть бы не пошел дождь!

Я арендовал лошадь для Узгена: четыре рубля на два дня, еда за свой счет - это дорого. Уезжаем с Маннергеймом, двумя казаками и одним джигитом в 3 часа; нас сопровождает доверенный Сейида Гани.

Ош, 6 августа 1906 г.

Уважаемый сэр⁶⁸,

Как вы и предполагали, Ваше письмо от 23 июля, написанное из Контрексевиля, нашло нас еще здесь. Я благодарю Вас за все наилучшие пожелания успеха в нашем предприятии и, со своей стороны, заверяю Вас, что я не забуду всё, что Вы сделали, чтобы оно стало возможным. Мое последнее письмо было отправлено Вам, когда мы уезжали из Ташкента, пробыв там почти месяц. Нас там очень тепло встретили «полусоотечественники», которые сделали для нас больше, чем многие настоящие французы сделали бы в подобном случае. Особенно помогли нам два человека - бельгийский директор трамваев Ташкента (компания «Эмпен») Господин Мэнжи⁶⁹ и бывший учитель французского в лицее Ташкента - г-н Мюллер. Что касается последнего, у меня есть просьба к вам. Все французы, которые за последние 25 лет побывали в Ташкенте - Бонвало, Капю⁷⁰, Марсель Монье⁷¹, Мадам Массье⁷², Лаббэ⁷³, Бонэн⁷⁴ и ещё совсем недавно Буйан де Лакост и Ансельм⁷⁵, наконец, мы сами, нашли поддержку в лице г-на Эмиля Мюллера, при-

---

68 Письмо Эмилю Сенару, которое, похоже, не было отправлено.

69 Бельгийская компания «Емрап» получила концессию на строительство и эксплуатацию трамвая в Ташкенте в 1896 году. Первая линия была открыта в 1901 году, вторая - в 1903 году.

70 Гийом Капю (1857-1931) - исследователь и ученый, сопровождал Габриэля Бонвало в 1882 году, а затем отправился в Индию в 1887 году.

71 Марсель Монье (1853-1918) - известный журналист, уехал на Дальний Восток в 1894 году и вернулся во Францию только в 1898 году, пройдя через русский Туркестан.

72 Изабель Массье (1844-1932) - исследовательница, совершившая кругосветное путешествие в 1896-1898 годах, пересекла русский Туркестан на обратном пути.

73 Поль Лаббе (1867-1943) - лингвист, специализирующийся на нерусском населении России, совершил поездку между Сибирью и Туркестаном в 1897-1898 годах.

74 Шарль Бонен (1865-1929) - французский дипломат, археолог и исследователь, выполнил миссию из Пекина в русский Туркестан в 1899-1900 годах.

75 Эмиль Буйан де Лакост (1867-1937) - пехотный офицер, специалист по разведке, был направлен в Китай. Он является автором книги «Autour de l'Afghanistan : aux frontières interdites» [Вокруг Афганистана: на запретных границах] (Paris, Hachette, 1908). Пеллио знал его по восстанию боксеров в Пекине и по Индокитаю. Ипполит Ансельм (1872-1950), артиллерийский офицер, служил в Тонкине; он сопровождал Буйана де Лакоста в экспедиции в Маньчжурию в 1899-1900 годах. Затем он стал «генеральным контролером вооруженных сил». В 1906 году обоим была поручена миссия по наблюдению за границей Афганистана.

чем поддержку – самую преданную и бескорыстную. Эти услуги, оказываемые путешественникам, позволили г-ну Мюллеру и впредь бесплатно получать журнал «География» [La Géographie], поэтому речь идет не о каком-то человеке, совершенно неизвестном в Париже и я не сомневаюсь, что барон Юло⁷⁶ в случае необходимости подтвердит мою просьбу через Географическое общество: г-н Мюллер был бы счастлив стать офицером Академии. Не думаю, что звание профессора является препятствием, учитывая, что эта награда чаще достается льстивым заместителям. Г-н Мюллер родился в Лионе от матери – француженки, но от отца – швейцарца и ранее выбрал для себя швейцарское гражданство, таким образом, сегодня он – швейцарец, но закон, принятый несколько лет назад, позволяет ему претендовать на французское гражданство и он рассчитывает принять его, как только выйдет на пенсию во Франции через год или два. Его статус иностранца может стать лишь еще одним основанием, дополняющим признательность французских путешественников, которым он добровольно оказывал услуги и я надеюсь, что мы сможем удовлетворить его горячее желание, которое он лелеет в течение тридцати лет, живя в Туркестане.

17 Кузнец и Казимча Хаджи в Оше

---

76 Этьен Юло (1857-1918) – географ, несколько десятилетий был секретарем французского географического общества.

18 Улица ремесленников в Оше

19 Река Ак-Бура в Оше

20 Медресе, основанное в Оше Алымбеком Датка, а затем содержащееся на средства его сыновей

21-22 *Детские танцы в Оше*

В Черняево Маннергейм оставил нас, чтобы встретить казаков, которые нас ждали в Самарканде – все они присоединятся в Андижане. В это время мы поехали в Коканд проверить наш груз, чтобы, наконец-то, окончательно разобраться с таможенной. Какая иллюзия! С таможенной никогда невозможно закончить. У нас есть письма, в которых написано одно, но другие письма говорят о другом, к тому же, оказалось, что и те, и другие не имеют силы, поскольку таможня Коканда не получила достаточных указаний. Кстати, я спешу добавить, что, кажется, эти трудности накапливаются только для того, чтобы показать нам всю добрую волю, которую вкладывают впоследствии для их устранения. В Коканде мы оказались в присутствии двух начальников таможи; один из которых был освобожден от своих обязанностей и находился под следствием, но он с совершенной искренностью заявлял, что можно играть в клубе на деньги, полученные от таможенных сборов, если вы собираетесь их возместить, а другой, заменивший первого, скорее, по сравнению с предшественником, имеет вид маленького мальчика, которого тот поселил и кормил у себя дома. Эти два господина были весьма взволнованы: несколько раз сетовали на невозможность оставить незапечатанным транзитный багаж, которому еще оставалось пройти сотни верст до границы с Россией, и, кроме того, – намекали они, – мол, почему бы вам не сформировать свой караван здесь, в таможенных ангарах? Затем мы бы запечатали посылки и вы бы благополучно прибыли на границу; там вы можете делать с ними все, что хотите. Нет, в свою очередь, – говорил я, мне нужно открывать много посылок по пути, к тому же, в Коканде, вообще, никогда не организовывали караваны в Каишгар; можете их опечатать, если хотите, но я предупреждаю, что взломаю эти пломбы, как только в этом возникнет необходимость. В конце концов, мы пришли к решению, которое объясняется близостью Китая, настолько это похоже на те дальневосточные истины, согласно которым каждый может сохранить «свое лицо»; запечатываем половину вещей, которые нам уж точно не понадобятся, и вперед, в Андижан.

Андижан не отличается своими памятниками; его большая мечеть датируется «вчерашним» днем; все кирпичные здания и дома, кроме трех или четырех, были разрушены три года назад [16-го декабря 1902] в результате сильнейшего землетрясения.

В гостинице или, как здесь говорят, в «номерах», где мы остановились, я вскоре встретил сарта в европейской одежде, обычно он живет в Ташкенте. Он – один из самых богатых людей страны. Его семья имеет связи с русскими вот уже два-три поколения. Его брат – Сейид Карим был одним из двух возможных депутатов от Ташкента в Думе и приходится двоюродным братом миллионеру Арифу Хаджи, крупному землевладельцу в Ташкенте. Ариф Хаджи женился на мусульманке с Кавказа, которая, к огорчению мусульман Ташкента, не покрывает себя. Я встретил эту мусульманку в отеле, где мы останавливались в

Ташкенте, настоящим владельцем которого является Ариф Хаджи. Такое положение дел сразу расположило нас к двоюродному брату, который был проездом в Андижане – Сейиду Гани. Сейид Гани показал нам город, продолжая поносить русских, иногда – ошибочно, иногда – справедливо, но с убежденностью, которая отражает общее мнение коренных жителей этого региона. У нашего нового друга есть поверенный в Оше, которому принадлежат мусульманские мясные бойни; он телеграфирует, чтобы выехали нам навстречу и приготовили ночлег.

Транспорт из Андижана в Ош осуществляется дилижансом и почтовыми лошадьми, если у вас есть повозка; у почтмейстера также есть кареты, называемые конными экипажами, для путешественников, которые желают относительный комфорт. Дорога занимает от четырех с половиной до пяти часов. Как только Маннергейм и казаки присоединились, мы решаем выезжать. Колонна, состоящая из девяти повозок местного типа или, как здесь их называют, «арба», отправится утром; багаж занял восемь повозок, в девятой – мой китаец Тин, мой повар Мир Хаит и китаец по имени Лю, которого Маннергейм взял в качестве переводчика. Трое моих казаков и двое Маннергейма составляют эскорт. Этот конвой прибудет в Ош только на следующий день, но мы четвером арендуем «экипаж», не имеющий ничего общего с тем, что мы называем этим словом и, выезжая в 3.30 из Андижана 29 июля, мы прибываем в 8 часов к доверенному лицу Сейида Гани.

В Оше нет гостиницы, поэтому по прибытии в Андижан мы телеграфировали шефу русского уезда – уездному начальнику, чтобы попросить его предоставить нам жилье. Хотя мы знали наверняка, что это жилье будет состоять из комнаты или двух комнат в военном квартале и что нам будет почти невозможно разместить там наш багаж и организовать наш караван. И, кстати, по совету господина Петровского, мы изъявили желание поселиться в старом городе, который здесь, как и везде в Туркестане, отделен от русского города. Поэтому мы с удовольствием воспользовались предложением Сейида Гани. Согласно его указаниям, нам предоставили и накрытый стол, и заправленные кровати. Как обычно, нам предложили сначала приветственный дастархан («скатерть»), состоящую из фруктов и сладостей, все это сопровождалось чаем, а затем – подали не менее традиционный плов. Несмотря на то, что Казимча Хаджи был хорошим мусульманином и, как следует из его имени, совершил паломничество в Мекку, он выпил с нами русской водки и опорожнил несколько кружек пива. Уже в Ташкенте мусульмане не казались очень строгими в этом вопросе. Наконец-то, мы ложимся спать, слишком поздно, на наш взгляд.

Из вежливости, а также для того, чтобы быть приятным своему хозяину, Казимча Хаджи выказывает острое желание продержат нас в гостях, как можно дольше, но, также очевидно, что мы его стесняем и что он стесняет нас; к тому же, его двор маловат для наших казаков и нашей поклажи. Караван-сарай находится рядом, он с большим двором, засаженным деревьями; там

нам будет великолепно и мы сможем начать разбивать лагерь – и жить у себя. Дело завершается с утра и когда наш конвой прибывает около часа дня, мы немедленно начинаем раскладывать коробки, ящик (с палатками) для установки лагеря открыли, наши кровати собраны прямо на улице под звездами – начинается наша деревенская жизнь.

23 Выезд из Оша в направлении конного рынка Узгена во главе с Казимча Хаджи, рядом с ним – Маннергейм и Пеллио

Ош отнюдь не имеет такого же уровня значимости как Андижан, но находится недалеко от гор, у подножия высокой скалы, естественным образом, увенчанной мазаром или могилой мусульманского святого; в оазисе – относительно прохладно даже в самые жаркие летние месяцы, а торговля с Кашгаром делает его довольно важным торговым центром. В первую очередь, нам нужно найти лошадей. Новости, которые мы получаем по этому поводу, не совсем удовлетворительны. Грум-Гржимайло, Гренар⁷⁷, а недавно и Свен Хедин платили по восемь рублей за арендованную лошадь от Оша до Кашгара, но сегодня обычная или, по крайней мере, официальная ставка составляет от двенадца-

---

77 Фернан Гренар (1866-1942) – французский путешественник и дипломат, принимал участие в экспедиции Дютрёй де Рен в Восточный Туркестан и Тибет в 1891-1894. Дютрёй де Рен был убит группой нголоков в Цинхае, а Гренар сумел бежать.

ти до тринадцати рублей; это на 50% больше и если все будет так, то наши расчеты возможных затрат на экспедицию заставят нас почувствовать себя не совсем комфортно. В любом случае мы намерены купить здесь некоторых лошадей, по крайней мере, наших верховых лошадей и, возможно, когда у нас появится определенное количество животных, мы сможем лучше обсудить вопрос об аренде других. Второго августа в Узгене, примерно в 50 км от Оша, устраивается большой скотный базар; мы испытаем нашу фортуна там или, скорее, потратим там часть своей⁷⁸.

24 Узгенская ярмарка лошадей

(© G. Mannerheim / Suomalais-Ugrilaisen Seuran-Finnish Heritage Agency)

А пока мы с Маннергеймом вытягиваем жребий для выбора наших казаков; их должно быть трое - для меня, двое - для него, но мы сами должны их распределить. Двое из троих, выпавших на мою долю - мусульмане; они достаточно хорошо говорят по-кыргызски; все пятеро умеют читать и писать. Один из моих людей - женат и отец семейства - превосходный, хороший унтер-офицер;

---

78 Во французском языке слово «фортуна» имеет два значения - удача и богатство.

это именно то, что мне нужно. Вторым будет, в первую очередь, на службе у Вайяна, который научит его работать с астрономическими инструментами; у третьего – все еще мало поручений, но Нуэт берет на себя его подготовку.

Не без некоторой озабоченности мы приступили к открытию ящичков, их здесь нужно было перераспределить; как наш материал выдержал эти многочисленные погрузки и еще в руках, грубость которых мы видели по пути? Фотопластины Нуэта хорошо продержались, разбились только стеклянные фонари красного и желтого цвета; мы просим по телеграфу доставить из Ташкента один набор. Аптечный ларец выглядел жалко; планшет сломался и флаконы перемешались в кучу из намокших порошков, к счастью, более внимательное изучение позволило увидеть, что большинство лекарств были целы, а запасы позволяют восстановить потери; две планки крест-накрест закрепляют несчастный планшет и он продержится до Пекина. Астрономические инструменты повели себя замечательно.

Со вчерашнего дня – 31 июля я нанял джигита, то есть своего рода курьера и конюха, с которым, у нотариуса подписали акт, согласно которому он обязуется выполнять все поручения. Этот молодой сарт из Ташкента, достаточно шустрый, с первого дня показывает себя хорошим наездником, кстати, здесь – это не исключение; все эти люди, как только покидают колыбель, садятся верхом, как женщины, так и мужчины. Тем не менее, уединение, к которому ислам обязывает сартских женщин в обычной жизни, означает, что их чаще можно встретить в местных повозках или арбах, с занавесками спереди и сзади и это их сразу укрывает от внешних взглядов. Возвращаясь к джигиту, уже сегодня он будет сопровождать меня в Узген, куда мы с Маннергеймом поедем, каждый со своим казаком. Представитель Сейида Гани по телеграфу попросил своего хозяина сопровождать нас, получил согласие и мы выезжаем до четырех часов дня, после того, как спала жара.

Наемная лошадь, которая мне досталась – плохая; с лошадьми, которые плохо обучены, как у наших казаков, было бы неразумно сразу ехать в Узген. Мы проедем первый этап в 35 километров, а на следующий день выедем в четыре часа, чтобы успеть вовремя на рынок. Чтобы выбраться из ошского оазиса нужен почти час. С тех пор больше не было и деревца, только редкий кустарник попадает на пути, откуда можно было смотреть с восхищением на зеленые поля, которые мы только покинули; вдалеке возвышаются вершины Памира с вечно белыми макушками. На самом деле нельзя сказать, что это невозделанные поля; скудная, выжженная солнцем растительность представляет собой ячменные поля кыргызов, ныне находящихся в горах со своими стадами. В настоящее время в деревне не видно ни души и какой бы примитивной ни была работа по пахоте и посеву здесь, возникает вопрос, как такой скудный урожай может окупать время и хлопоты земледельца?

Примерно в двадцати километрах от Оша внешний вид местности существенно меняется. Вместо равнины мы видим сейчас складки холмов, которые мы пересекаем один за другим; отсюда надо пройти не менее двенадцати высоких песчаных дюн до долины, где мы останавливаемся на ночлег.

2 августа встаем в три часа ночи, после плохого сна из-за неизбежных клопов. Пройдя еще несколько песчаных складок, мы прибываем в долину Узгена. Узген возвышается на холме над Кара-Дарьей, частично пересохшей сегодня, но ее рукава, которые приходится пересекать один за другим, достигают 500 метров. Чтобы подняться на обрыв, мы не стали прокладывать тропу в рассыпчатой скале, я никогда не видел такой крутой подъем, я говорю о склоне в более чем 45°, прямо над рекой. Я остался на лошади, но мое животное вдруг так резко поскользнулось, что мне пришлось спешиться и позволить ей пойти самой - на свой страх и риск, мои товарищи позади сделали то же самое.

25 Каратай

Мы прибываем почти к открытию рынка. Сотни лошадей забились на такой узкой аллее, что едва могут двинуться с места. Тут покупают быстро, после самого быстрого осмотра, но все эти люди - настолько великие мастера, разбирающиеся в лошадях, что редко ошибаются относительно внешнего вида лошади. Мой казак Боков и джигит Якуб оказываются драгоценными помощниками в этом случае. За два часа я купил пять верховых лошадей и одиннадцать вьючных лошадей; восемь из них недавно прибыли из Семиречья. Пять верховых

лошадей были куплены вместе – по 68 рублей каждая или около 180 франков; две вьючные лошади стоили 34 рубля, еще одна – 40; каждая из восьми лошадей Семиречья обошлась мне в 30 рублей или 80 франков. Маннергейм, со своей стороны, купил восемь лошадей. Я обмениваю наемную лошадь на одну из своих и мы объединим все стадо в Оше в нашем сарае, куда оно прибудет завтра вечером.

11 августа 1906 года

Мы покидаем Ош. Из-за задержек «каракеша» (караванщик), мы и не мечтаем дойти до Лангара. Караван отправляется в полдень. Мы сами отправляемся в путь около 2.30, до выезда из Оша нас сопровождает доверенное лицо Сейида Гани. Единственная деревня, которую мы проезжаем и которая имеет хоть какое-то значение, называется Мады. Мы разбиваем лагерь в Каратае, что в переводе означает «черный жеребец». Мечтать о том, чтобы дойти до Лангара и не стоит, как и о том, чтобы завтра одним махом проделать путь от Каратая до Гульчи, как до этого предлагал мне караван-баши. До Лангара мы проедем Караванкол, («рука каравана»), затем Лангар, а лагерь разобьем в двух верстах от него, в Кавлан-Куле [Кабылан-Коле], («озеро Тигра»). Старый опытный «каракеш», который сообщает мне эту информацию, только что возобновил службу на пути от Оша до Кашгара после 14-летнего перерыва; на самом деле он был осужден на 9 лет каторги на Сахалине и, в конце концов, его отсутствие длилось 13 лет. У него – три сына, из них – двое старших – плохо кончили; второму – 18 лет, он только что украл у него деньги и «каракеш» прогнал его; мать умерла после того, как доставила много хлопот – это и заставило его снова вернуться к бродячей жизни и, если понадобится, как сказал караван-баши, он последует за мной в Китай, с четырьмя лошадьми, которые у него есть. Этот славный человек говорит по-русски довольно плохо, но вполне внятно; именно это позволяет мне легко находить с ним общий язык.

В Каратае дует очень сильный ветер и довольно прохладно; старик говорит, что ветер здесь более или менее постоянный.

Невероятных усилий стоит мне найти здесь то, что нужно, а именно – мясо. Мои люди сегодня не ели серьезной пищи, уже десять часов вечера, а мы еще без баранины, которую пятидесятник⁷⁹ обещал мне через Якуба, по предъявлении моего письма на турецком [тюрском] языке от уездного начальника из Оша – Алексеева. Первый день в пути был трудным, наши лошади не были привычны к такой дороге. Одно из моих двух кресел – «Аршинар» было сломано, также как и складной стул, который только что доделал Нуэт. Половина микроскопических препаровальных стекол Вайяна также была разбита вдребезги.

---

79 Воинское звание.

Повар будучи мусульманином, дает мне понять, что совесть не позволяет ему резать барана ночью. К счастью, солдаты находятся рядом и мусульманин Ильязов заявляет, что нет такого мусульманского закона, когда речь идет о службе и вскоре мы видим, что религиозные угрызения Мир Хаита заключаются лишь в том, что он не знает, как это делается. Я не хочу спать, но мне нужно отдохнуть, потому что прошлой ночью я лег спать в 2 часа ночи и встал в 5.30 утра.

12 августа 1906 года

Подъем в 5.30. Ночь прошла хорошо, но барашка так и не было. Только чуть-чуть молока. Без сожаления покидаем это скудное место ночевки. Еще одно неудобство заключается в том, что сегодня, вопреки словам ошского караван-баши, невозможно будет доехать до Гульчи. Поэтому нет смысла пытаться догнать г-на Тёрнквиста и его жену⁸⁰, шведского миссионера в Кашгаре, который выехал из Оша в тот же день, что и мы, но проехал дальше.

Дорога идет по всей длине потока, а иногда и в самом русле. Весь высокий берег - это не иначе как старое русло, которое постепенно вымывается все больше и больше. На заднем плане - довольно живописные заснеженные горы. Повсюду крупные белые мальвы и ковер из каких-то фиолетовых цветочков, довольно похожих на дикий тимьян⁸¹.

Мы прибываем в Лангар около полудня. Это почтовая станция и почтмейстер, будучи заинтересованный в том, чтобы мы остановились у него, убедил Бокова и Мир Хаита, которых я послал вперед в Кавлан-Куль (Каплан), что они там ничего не найдут; поэтому они остановились здесь. На самом деле было легко взять мясо здесь и отвезти его в Кавлан-Куль, чтобы приготовить суп. Как только караван прибыл, я приказал следовать ему до Кавлан-Куля, а мы с солдатами остановились на два часа.

---

80 Джон Тёрнквист (1876-1937) был одной из важных фигур шведского миссионерского общества, впервые прибывшего в Восточный Туркестан в сентябре 1904 года. Он был миссионером среди китайцев - одним из немногих, говоривших на китайском языке. Там он познакомился с Эллен Свенссон (1876-1963), медсестрой шведской миссии, которая прибыла в этот регион в 1903 году. В 1906 году они отправились в Ташкент, чтобы встретить там новую миссионерку и сопровождать ее до Кашгара. Они воспользовались своим визитом в Ташкент, где их повенчал немецкий пастор. Хотя Эллен Тёрнквист вернулась в Швецию в 1922 году, ее муж оставался в Восточном Туркестане до своей смерти. (Hultvall John, *Mission and revolution in Central Asia : The MCCS mission work in Eastern Turkestan 1892-1938* (Stockholm: Gummessons, 1981)).

81 Пеллио, скорее всего, описывает перовскую лебеделистную (лат. *Perovskia atriplicifolia*), местное название «ит сыдык» (собачья моча).

Французский географ Эдуард Блан⁸² описал Лангар в 1894 году: «Лангар – распространённое название в Центральной Азии: оно обозначает развилку двух дорог или двух рек. Этот Лангар – не деревня: это простая лачуга, построенная методом сухой кладки русскими, чтобы служить убежищем для путешественников». (Blanc E., «Journal de route en Asie centrale : du Ferghanah en Kachgarie (première partie)», *Revue des Deux Mondes*, vol. 149/1 (1898), 197).

Лангар (в пер. с персидского и греческого «якорь») восходит к средневековому суфийскому тарикату Чиштиа, основан в X веке в Афганистане. Термин первоначально обозначал учреждение, раздающее бесплатную еду и служащее убежищем для бедных. Лангары представляют собой «святое место» для мусульманских миссионеров и были открыты на основных паломнических маршрутах. Позже они стали интерпретироваться, как своего рода пристанище для путников. Географически распространение топонимов лангара соответствовало территории Центральной и Южной Азии. До сегодняшнего дня сохранилась сеть географических названий – Лангар – соответствующих конкретным населённым пунктам на территории Узбекистана, Таджикистана, Афганистана, Кыргызстана, Пакистана, Индии. (Thierry Zarcone, «Une route de sainteté islamique entre l'Asie centrale et l'Inde: la voie Ush-Kashghar-Srinagar, Inde-Asie centrale: routes du commerce et des idées», *Cahiers d'Asie centrale*, n°1-2 (1996))

Термин лангар приобрёл важное значение у сикхов в контексте борьбы за равенство вне зависимости от кастовой, половой, религиозной принадлежности и социального статуса; представляет собой совместный приём пищи в гурдварах, сикхских храмах. (Прим. Д. Скиба).

Во время нашей трапезы прибыли несколько казаков из Гульчи (Оренбургское казачество) под руководством зауряд-прапорщика. Он сказал нам, что лагерь «Алайской царицы» находится на главной дороге из Лангара в Гульчу, примерно в пятнадцати верстах от Гульчи; по дороге на Кавлан-Куль, мы туда

---

82 Эдуард Блан (1858-1923), французский инженер и географ, работал в Африке над вопросами путей сообщения и воды. Член Парижского географического общества, он возглавил научную экспедицию в Русский и Китайский Туркестан с фотографом Полем Надаром в 1890-92 годах и привёз во Францию около 200 рукописей, собранных в Бухарском эмирате и Русском Туркестане (Blanc E., «Présentation de deux manuscrits provenant de l'Asie centrale», *Bulletin du Muséum d'histoire naturelle*, n°4 (1896), 119-127). Он опубликовал многочисленные труды по Африке, Центральной Азии и Сибири. Его приключения легли в основу романа Жюль Верна «Клодиус Болбарнак. Записная книжка репортёра об открытии большой Трансзиатской магистрали (Из России в Пекин)» (1892).

не попадем. Подполковник Куропаткин (брат министра)⁸³ сказал нам в Оше, что сын царицы – Асанбек [Хасанбек] подготовил для нас прием. Мы решили, что Нуэт и Вайян продолжают путь до Кавлан-Куля, а мы с Маннергеймом свернем на главную дорогу, чтобы доехать до «Алайской царицы». Вайян задерживается в караване из-за необходимости завести часы. Кстати, Футтерер⁸⁴ действительно проехал через Кавлан-Куль, но дорога была покрыта снегом и он не смог ничего рассмотреть.

26 Конвой покидает Лангар во главе с Полем Пеллио

Эдуард Блан пошел по дороге через Кабылан-Куль: «Мы вышли из Лангара (...) Дошли до первого перевала, перевала Така. (...) Быстрым спуском мы подходим к небольшому бессточному озеру, вид которого, если смотреть сверху, очень живописен. Это небольшое круглое озеро с черной и прозрачной водой является предметом различных зоологи-

83 Павел Куропаткин (1861-1938) – офицер, прибыл в Туркестан в 1881 году и дослужился до чина полковника. Он вернулся на свою малую родину в 1912 году.

84 Карл Футтерер (1866-1906) – немецкий геолог, совершил в 1896-1899 годах экспедицию в Восточный Туркестан, Тибет и Китай.

ческих и ботанических исследований с моей стороны. На его берегу находится небольшая мечеть». (Blanc E., « Journal de route en Asie centrale : du Ferghanah en Kachgarie (deuxième partie) », *Revue des Deux Mondes*, vol. 149/3 (1898), 631-632).

Мы с Маннергеймом отправляемся в путь. Дорога постепенно выводит нас на более возделываемую местность. Вместо выращивания одной культуры только на склонах холмов или на вершинах гор, как предпочитают оседлые кыргызы, в глубине долин можно найти поля, богатые овсом, пшеницей и ячменем. Здесь множество красивых птиц, похожих на чаек или синих и зеленых ворон, краснобрюхих птиц, желтозобых воробьев; так жаль, что у меня нет с собой моего ружья! Его унес с собой джигит в Кавлан-Куль.

Мы должны пройти через Чигирчик Даван [перевал Чыйырчык], а лагерь кыргызов находится недалеко. Солнце уже довольно низко, когда примерно в 20-ти километрах от Лангара мы подъезжаем к месту, которое было нам указано как «русское село», это село состоит всего из одного дома и его хозяйственных пристроек. Мы находим отличную простоквашу; крестьянин ничего не знает об «Алайской царице», однако мы получаем его благословение; это русский крестьянин - старообрядец, родом из Киева, который эмигрировал сюда, уединившись в этой долине со своей семьей.

Покидая «русское село», мы начинаем подниматься по крутому склону, хотя дорога остается вполне проходимой для повозок. Наконец, на высоте более 2400 метров мы достигаем вершины перевала Чигирчик и в сумеречной дымке открывается зрелище снежных гор, господствующих над нами, в то время, как у наших ног расстилается необъятная бархатная долина, являющаяся одной из самых красивых панорам, которые мне когда-либо приходилось созерцать.

По мере спуска становится совсем темно. Наконец, кыргыз, которого мы встречаем в пути, сопровождает нас и чуть позже половины девятого мы уже были у палаток «Алайской царицы». Нас ввели в юрту, очень богато задрапированную и украшенную; эти юрты, в которых сквозь отверстие сверху видно звездное небо, а под коврами видна трава - действительно самые красочные. Сейчас, например, холодно, и мы просим закрыть проем.

Сына царицы, Асанбека, здесь нет; не зная, по какой дороге мы приедем, он отправился ждать нас в Гульче. Это его сын, внук царицы Алая, приветствует нас от имени своей 96-летней бабушки. Нам накрывают соответствующий регламенту дастархан: фисташки, миндаль, кабачки, более или менее свернувшееся молоко, чай, беспокоясь лишь о том, что в такой поздний час не получится зарезать барана вовремя, чтобы приготовить к ужину.

13 августа 1906 г.

Мы просыпаемся отдохнувшими. Решаем уехать сегодня утром, чтобы найти наших людей в Гульче. Предварительно просим передать наши почтения пожилой царице, и Маннергейм ее сфотографирует. Предложение принято. Пожилая женщина появляется в великолепном халате, подаренном предпоследним генерал-губернатором. Она осыпает нас благословениями. Ее глаза немного слезятся, но слышит и видит она хорошо и, хотя она сутулится и опирается на палку, ее ноги все еще гибки и она без особого труда присаживается.

27 (слева направо) Поль Пеллио, Курманджан Датка, Мамадалибек [Мухамед Алибек] (сын Асанбека) [Путевые заметки Пеллио позволили установить личность внука Курманджан Датки на фотографии], Густав Маннергейм (© G. Mannerheim / Suomalais-Ugrilaisen Seuran-Finnish Heritage Agency)

Первая фотография сделана внутри юрты. Затем вторая - царица на коне. Эта 96-летняя женщина больше не ездит на Алай - это слишком далеко. Но зимой она живет в Оше с сыном Маамытбеком, а летом здесь - с Асаном.

Она до сих пор ездит верхом, по сорок верст в день, утверждая, что в повозке у нее кружится голова. Когда недавно Субботич⁸⁵ приезжал в Ош, она поехала на встречу с ним снова верхом. Точно так же она ранее ездила в Андижан с визитом к министру Куропаткину. Сделав фотографии, мы возвращаемся в палатку, и её внук вручает нам в подарок халат, который я должен немедленно надеть – работа из Бухары. Затем мы уезжаем в сопровождении внука, до Гульчи. Забыл отметить, что, естественно, утром нам снова подали вечерний дастархан, но на этот раз с бараниной: одно блюдо с мясом, а в другом – «благородные» части, то есть куски жира из хвостовой части, с кусочками печени и почек. Овечий хвост нам показался намного хуже своей «репутации».

По дороге расспрашиваем внука царицы о его семье. Из его объяснений следует, что при распаде Кокандского ханства после Худояр-хана было создано множество независимых ханств (Ташкент и др.). Небольшое самостоятельное ханство было создано и в Гульче – во главе с супругом старой «Алайской царицы». Мужа звали Алымбек Датка и он уже был личностью высокого ранга при Худояр-хане, судя по поясу, который дал ему Худояр-хан и который я видел на Асанбеке. Таким образом, это ханство было создано около 40 лет назад. Когда умер Алымбек, с русскими уже были трудности. Скобелев – «Айрысакал Гунрал»,

---

85 Деан Субботич (1852-1920) – офицер сербского происхождения, служил на Кавказе, Дальнем Востоке и в Туркестане. В конце 1905 года он был назначен генерал-губернатором Туркестана и был вынужден выйти в отставку через год в связи с обвинениями в либерализме.

«генерал с двойной бородой» (из-за своей длинной бороды с двумя концами), хотел поехать на Алай. Старший сын Алымбека, Абдылдабек [Абдуллабек], не хотел пропускать русских и даже сражался с ними. Русских было немного. Скобелев написал вдове Алымбека, старой Курманджан Датке и предложил признать ее царицей Алая, если она пропустит русских. Она согласилась и написала сыну об этом. Но он, не нарушая приказов матери, предпочел не подчиняться и бежал в Афганистан, где и погиб. Двое других сыновей Алымбека – Маамытбек и Асанбек еще молоды, и можно предположить, что мать родила их достаточно поздно. В Оше, где я их видел, оба признались, что не знают ни Центральной Азии, ни Сибири; тем не менее, Маамытбек уже бывал в Семиречье.

28-29 Два вида на Гульчинский мост, построенный около 1893 г.: мосты строились из арчи – чрезвычайно крепкое и плотное дерево из породы хвойных; очень трудно поддается гниению, даже в воде

Около 11 часов утра мы с внуком царицы прибываем в Гульчу и находим Асанбека. Визит к казачьему офицеру, который находится здесь всего несколько месяцев. Он командует одной оренбургской казачьей сотней, основной состав которой находится здесь, а дополнительный контингент (24 человека) находится в Иркештаме. С комендантом должно было быть три офицера, но на самом деле был всего один зауряд-прапорщик, которого мы видели в Лангаре. Офицер находится здесь совсем недавно, так что он ничего не смог рассказать нам о регионе. Однако, о семье царицы Алая он сообщает, что, по его сведениям, один из сыновей был казнен (если это не Абдылдабек, то это скорее всего,

его сын). Маамыт действительно находился в Сибири из-за убийства русского солдата, но, возможно, он был невиновен.

По дороге от юрты царицы Алая в Гульчу внук царицы показал нам могилу Тилека Бува⁸⁶ – это был кыргызский герой, который сражался здесь против калмыков и погиб в битве около ста лет назад, – рассказывает нам внук, он не совсем осведомлен.

Тот же внук рассказывает нам, что в Араванской волости Оша есть памятник в честь Хазрат Али. Али приехал сюда на своей лошади. После смерти, лошадь превратилась в джинна, и там изображена наряду с рисунками овец, козлов и т. д. Я не могу сказать, идет ли речь о рисунках, о пещерах и т. д. или о высеченных камнях. Я очень сожалею, что я не узнал об этом, когда я был в Оше⁸⁷.

Около полудня к нам присоединяются Вайян и Нуэт, а затем прибывает караван. Кавлан-Куль сегодня – это просто практически пересохшее болото, заросшее камышом. Караван немного задержался из-за капризов двух наших лошадей, которых нужно было преследовать несколько километров, чтобы догнать и погрузить вещи. Вайян нашел по этой дороге окаменелости, которые Футтерер видел полностью покрытыми снегом и, следовательно, не имел возможности их описать.

После обеда Нуэт, Вайян и я отправляемся на другой берег реки Гульчи, чтобы поохотиться. Несколько птиц на доске, из которых Вайян готовит одну вечером – «кукскенд» – этакую очень красивую синюю ворону. Пока мы работаем, казаки, которые находятся рядом с нами в своем летнем лагере, поют так же, как когда-то я слышал их во Дворце предков [Таймяо] в Пекине в августе 1900 года.

Офицер пришел к нам с ответным визитом; он находится здесь, бедняга, со своей женой – единственной европейкой.

---

86 Тилеке баатыр (XVII в.) – бий алайских кыргызов. «Бува» соответствует «баба», южный вариант «ата».

87 Этот памятник – мазар Дулдул-Ата на окраине айыла Араван на правом берегу одноименной реки. На скальном обрыве можно разглядеть довольно крупные рисунки лошадей, называемые «небесными конями», а рядом – мелкие изображения оленей, коз и охотников с натянутыми луками. Дулдул, мула пророка Мухаммада, стал одним из атрибутов Хазрета Али, подобно мечу под названием Зульфикар, который после смерти Мухаммада перешел к нему. Дулдул – имя легендарного коня, который, согласно народным преданиям, не раз спасал жизнь Али, одним прыжком перенося его через широкие реки и горные пропасти. В Кадамжайском районе Баткенской области, глубокие выемки на голых скалах почитаются как следы от копыт Дулдула, на скаку высекавшего искры из камня. Мазар Дулдул-Ата и сегодня является важным местом паломничества вокруг мавзолея, чилдеканы и источника. (Aitpaeva G. (ed.), *Sacred sites of the Southern Kyrgyzstan: Nature, Manas and Islam* (Bishkek: Aigine Cultural Research Center, 2013), 61-63).

30 Лагерь в Гульче, Вайян (сидящий)

«Кызыл-Курган, уменьшенная копия Гульчи, его название происходит от красноватых стен разрушенного форта, построенного бывшими Ферганскими ханами. Он служил резиденцией поста зеккетчей (таможенников), которым было поручено взимать пошлину с караванов и солдат, которые должны были сдерживать барантаци (мародеров, конокрадов).» (Mannerheim С.С., *op. cit.*, 280-281)

«[В 1827] правитель Кокана Мадали-хан, испуганный приближением китайцев, приказал андижанскому хакиму - Иса-Датхе построить два укрепления: Суфи-курган и Кызыл-Курган на караванном пути из Кашгара в г. Ош. Приказание было выполнено и эти укрепления или вернее посты, были возведены. Теперь от них остались только развалины.» (Куропаткин А., «Исторический очерк Кашгарии», *Военный сборник*, 11 (1877), 307-308).

14 августа 1906 г.

Посылаю вперед повара и Бокова - они должны проехать Кызыл-Курган [Кызыл-Коргон] и купить там барана, а затем отправиться готовить еду в наш лагерь в Янырыке [Жанырыке], где мы должны были поставить две палатки: для этой цели старший [старшина] из Гульчи прислал джигита. Караван отправляется в путь в 8:30. У нас есть ружья и я подстреливаю несколько птиц. Рельеф почти тот же: намыв на сланцевом дне. Однако, в Кызыл-Кургане встречается мрамор и Вайян собирает там окаменелости, особенно устриц Кауфмани⁸⁸.

31 Калмыкский коргон рядом с Жанырыком

В четырех или пяти верстах после Кызыл-Кургана мы прибываем в Янырык. Тут ничего похожего на дома нет, но это место возделывалось - это заметно по старым небольшим отводным каналам и, кроме того, поблизости все еще существуют поля ячменя и т.д. Рядом с нашим лагерем бывший курган - это древний крепостной вал, возрастом, возможно, от 400 до 500 лет - сказал старый «каракеш» и Асанбек подтверждает: «Он восходит ко временам калмыков, а название кургана - Калмук-Курган [Калмак-Коргон]». Справа от дороги

---

88 Вероятно, ракообразные остракоды *Cypris kaufmani*.

еще один крепостной вал – тоже квадратный, земляной, носящий имя Турткуль-Курган или курган четырех озер. История его тоже неизвестна. Асанбек говорит нам, что калмыки должны еще раз до конца света завоевать Алай и всю страну. Но похоже, что он путает завоевания китайцев с завоеваниями калмыков. Для него – как он говорит, горные китайцы – это калмыки, а городские китайцы – это, собственно, сами китайцы.

Ни повара, ни Бокова мы здесь не нашли. Они миновали место стоянки, не узнав его, и только вечером вернулись, пройдя по ложному следу Янги Кургана, а не Янырыка. Янырык – буквально означает утёс или скальное ущелье.

Топоним «Жанырык» относится к узкому ущелью между скалами и означает «эхо», звучащее там. Эхо исчезло с расширением дороги в 2000-х годах, что потребовало срезать часть скалы. Инженер, отвечавший за строительную площадку в 1893 году, так описал ущелье: «Особенно грандиозный вид представляет ущелье Янгрык (Ялги-арык тоже) на 23-й версте, которое напоминает знаменитое Дарьяльское ущелье на военно-грузинской дороге. Тут быстро текущий поток, пенясь, шумным каскадом спускается вниз, вековой борьбой проложив себе глубокое русло по твердому граниту. Дорога шла раньше по карнизу; теперь же новая дорога высечена в сплошной скале. На этом месте у человека непривычного может закружиться голова: наверху между вершинами надвинувшихся гор виден лишь клочок неба, а вниз спускается отвесная скала в 10-тисаженную пропасть, в глубине которой змеей извиляется бурный поток». (Буровский В., «Проведение дороги через Алайский хребет», Военный сборник, 1 (1895), 224).

Много лесных голубей; я подстреливаю одного, а также двух желтобрюхих воробьев, которые здесь называются «сары айрык».

Завтра нам предстоит преодолеть 24-25 верст до Куртуг-Ата [Куртук-Ата].

Асанбек объясняет все с большой любезностью, но он убежден, что целью геологических исследований Вайяна является поиск золота, так как, по его словам, бурный поток его выносит.

Калмук-Курган имеет длину 64 метра.

Нам пообещали дождь до конца поездки. Сегодня упало несколько капель и погода была довольно пасмурной, но все быстро рассеялось, и ночь – очень ясная.

Российская сорокаверстная карта с большими погрешностями. Прочитал нашим «каракешам» (особенно старому) и Асанбеку названия десятиверстной

карты, которые соответствуют Алаю в целом и нашему маршруту в частности. Они - точны, и в принципе все указано верно. Однако, есть ошибки в деталях.

Вечером Ильязову стало плохо. Он попросил хинин сегодня утром, так как у него была лихорадка, потом он сопровождал конвой и вместе с конвоем и обогнал нас в Кызыл-Кургане. Мы нашли его спящим, растянувшись на земле, измученным, с кружащейся головой, на обочине дороги примерно в трёх километрах до Янырыка. Нам пришлось поддерживать его, чтобы он смог добраться до лагеря. Температура у него была выше 39°C.

15 августа 1906 г.

Сегодня именины моей матери⁸⁹. Несмотря на то, что мы находимся около телеграфной линии, вокруг нет никакой почты для отправки ей телеграммы.

Ильязову лучше не стало. У него кружится голова, рвота, кровотечение из носа. Решаем остаться сегодня здесь. Нуэт, Маннергейм и я идем поохотиться на горных куропадок. Мы увидели только раз одну стайку, но безрезультатно, и за всё про всё приносим маленькую сову, которую я подстрелил.

После обеда я готовлю чучело совы, но для меня - это дебют, и в шкурке птицы появляется столько дырочек, что, закончив приготовления, нам приходится ее выбросить.

Вечером Асанбек ужинает с нами. После ужина мы болтаем на кыргызском вперемежку с русским, Маннергейм удаляется в свою палатку. Асанбек - любопытный малый, невозмутимый, очень жизнерадостный. Он объясняет мне свою концепцию человечества. Есть три вида людей: первые два происходят от Хазрат Адама, но в то время как мусульмане признают всех пайгамбаров [пророков], включая Мухаммеда, у Фарангов⁹⁰ же последним пророком является Иса; поэтому мы не являемся «динден карындаш» [братья по вере]. Третий тип людей - это китайцы, которые были рождены не от Адама, а от Бали Юлджу, как сказано в книгах. Японцы - братья китайцам; очень скоро все Фаранги объединятся против китайцев и японцев, а мусульмане станут непосредственными зрителями этой борьбы.

Вайян показывает кыргызу в своем маленьком карманном атласе положение разных стран. «Господин Доктор» - очень могущественен, - говорит Асанбек - у него вся земля в кармане. Раз он так могуществен, тогда пусть отдаст мне Фергану и даже старое Кокандское ханство с зависимыми от него

---

89 Мари Рено (1848-1923).

90 В данном контексте речь идет о христианах; в более общем смысле соответствует европейцам, в целом, в мусульманских странах и в Южной и Юго-Восточной Азии.

Улугчатом и Алматы⁹¹; я буду платить ему ежегодную дань – мне нужно 100 пушек и 50 000 ружей. – Доктор –, добавляет он, – самый приятный человек в мире после мастера [Пеллио]; ведь мастер (друла) владеет тайной письма и искусств, а к врачу все обращаются, когда болеют; и Асанбек придумывает для Вайяна полурусское, полуперсидское прозвище – «Больнойкар»⁹².

Рассказ Эдуарда Блана о племяннике Асанбека: «Априори у меня сложилось хорошее мнение об этом Мирза-пайасе [одном из сыновей Абдылдабека], который, конечно, не был первым встречным. Это мнение было основано на одном случае. Во время моего первого пребывания в Туркестане, незадолго до того, как я предпринял переход через горы, отделяющие Мавераннахр от Кашгарии, он пришел однажды, чтобы найти русского чиновника, с которым у меня были прекрасные отношения, и которые сохранились до сих пор.

– Я хотел бы получить разрешение на поездку в Кашгар, если имперское правительство позволит мне, – просто спросил он.

– Хорошо. Просто попросите у полковника Дайбнера паспорт в Оше. Он сделает его вам без каких-либо затруднений, – так ответил мой приятель.

– Это не то, – говорит кыргызский главар в огромном мохнатом халате.

– Как так? Вы не русский подданный? Соглашение с Китаем чётко определяется, что все русские подданные: купцы, чиновники и прочие, как туземные, так и европейские, имеют право свободно въезжать и передвигаться в Кашгарии, имея при себе служебный паспорт, выдаваемый начальником пограничного округа.

– Не так я хотел бы поехать в Кашгар. Это предложение хорош для торговцев.

– Так чего же вы хотите?

– Я хотел бы пойти в Кашгар, чтобы взять и разграбить город... с позволения Белого Царя. Моим джигитам скучно. Каждый год они готовят оружия и провизии на дни походов. Это старый обычай. Они копили их десять лет и ничего не делали. Их запасы – полны и ухудшаются.

91 Асанбек не уточняет, что он имеет в виду, говоря об Алматы. Окрестности нынешнего города Алматы были известны в то время как Алматы, но второе упоминание Асанбеком Алматы позже в тексте связывает его с территорией, населенной группами кыргызского происхождения Отуз Уул, которые также присутствовали вокруг Кашгара. Вопрос о его точном разграничении остается открытым.

92 Персидский суффикс *-kar* используется для обозначения профессии.

Они жалуются. Мы не воюем. Мы уже не можем грабить Фергану по старому обычаю. Разве я не могу, хотя бы повести свой народ на грабеж восточной равнины? Мы уже давно оставили китайцев в покое. Они не должны быть начеку, а наши лошади откормлены.

Чиновник улыбается простоте дикаря.

- Пока нет, - ограничивающий своим ответом с той изящной и жесткой доброжелательностью, которая является одной из характерных черт русской дипломатии.

Что же касается меня, то я был очарован рассуждениями и идеями этого храброго кипчака - сородича и отдаленного подражателя Бейбарса-арбалетчика, еще одного наемника той же расы, который стал султаном Египта, завоевал часть Азии и господствовал в восточном мире с аналогичными принципами, но в другое время».

(Blanc E., «Journal de route en Asie centrale : du Ferghanah en Kachgarie (deuxième partie)», *Revue des Deux Mondes*, vol. 149/3 (1898), 635-636).

Асанбек рассказывает мне, что в Оше у его брата есть китайский ярлык (или письменный «фирман»⁹³) или, как его называют китайцы, «пшик» или «пешик». Ярлык подписан 200 или 300 лет назад императором Китая - Исан-ханом. Эта дата - слишком древняя, потому что количество поколений не восходит так далеко.

Асанбек - сын Алымбека, сына Асана бия [Хасана Бея], сына Шаамырзы [Шахмирзы], сына Жетибая [Жети Бая] хана, сына Ажы бия [Хаджибека], сына этого Тилека Бува (или Тилек-хана), гробницу которого мы видели по дороге из Чигирчика в Гульчу и убитого там калмыками. Когда умер Тилек Бува, его восемь сыновей были взяты в плен калмыками таргаутами [торгутами] и оставались там от семи до восьми лет. Одного из младших братьев Жетибая звали Алты Бай.

Жетибай тогда правил Алаем; он зимовал в Гульче, а лето проводил на Алае. Жетибай отправился с подарками в Пекин и по неизвестной мне причине, Китай держал его плену в течение 12 лет в Кумбуле (любопытная деформация названия Комул или Хами)⁹⁴. Именно Жетибай получил от китайского императора ярлык, в котором перечислялись дары, которые он должен был регулярно преподносить и получать. Также Китай возложил на него «боч», то есть право забирать сороковую часть всего, что проходило из Китая в Фергану через Алай.

93 Указ правителя.

94 Древний город, основанный в первом тысячелетии до нашей эры; получил название Комул во время захвата региона уйгурами, при династии Мин название города было записано как Хами.

Асанбек говорит мне, что его племя китайцы называют бурутами. Со своей стороны он знает и наименование «чань-тэу»⁹⁵ и подтверждает высказывание китайца Лю, что в Оше считают, что «чань-тэу» – это сарты.

Согласно Асанбеку, персов – Шия – называют Кызыл Баш. Калмыки, в целом – не мусульмане, они подчиняются ламам. Титул Императора Китая – «Хэ-хань-цын». У Асанбека есть китайский раб («кул»), которого он купил еще молодым в Китае, благодаря ему он узнал некоторые китайские слова – «хао-ди-хэнь» (очень хорошо) и объясняет «хэ-хань» как «очень хорошо»; не является ли это традиционной транскрипцией слова «каган» («кэ-хан»), увековеченной ярлыками?

16 августа 1906 г.

При пробуждении чувствуется прохлада (ночью было 14 градусов по Цельсию), но ветра нет. Ильязову лучше; мы можем ехать. Я оплачиваю за двух овец, купленных для нас на эти два дня, за наши две юрты (это слово не используется кыргызами, они используют другие слова для различения «таш үй» от «боз үй»), за дрова – довольно редкие в этих местах, и – в дорогу.

У непосредственного выхода из долины, где располагался наш лагерь, находится ущелье [Жанырык], где русские под командованием Скобелева сражались с кыргызами. Совсем недалеко от нынешнего моста Асанбек показывает нам место, где лошадь Скобелева получила ранение в ногу и упала, волоча за собой всадника. Кыргызов там было около 4000, ими руководил «лашкар-баши» (армейский предводитель) Абдылдабек, брат Асанбека. Кыргызы отступили в сторону Алая, куда за ними последовали русские. Как объясняет мне Асанбек, при равном вооружении сто киргизов стоят 500 русских, но у русских были винтовки и пушки, а у киргизов – нет.

Асанбек объясняет мне по дороге, что без войны с Японией Россия захватила бы Индию в кратчайшие сроки; у нас в Фергане, особенно, в направлении Андижана и Оша, было реквизировано 12 000 лошадей, от 3000 до 4 000 верблюдов, столько же быков.

Исследование Вайяна заинтриговало Асанбека, он считает, что мы ищем золото. Он спрашивает, могу ли я в любой местности сделать «машкламак», то есть выполнить упражнение – прибегнуть к некоему методу предсказания, чтобы точно узнать, что здесь сокрыто? Он рассказывает нам, чему учили книги древнего учителя Аплатуна [Платона], ученика Сухарата [Сократа], но который стал более великим, чем его учитель, а также книги ученика Аплатуна

---

95 Название, используемое в эпоху династии Мин для обозначения мусульман, в переводе означает «тот, кто носит тюрбан». (Pelliot P., «Le Hōja et le Sayyid Husain de l'Histoire des Ming», T'oung Pao, Vol. 38, 2/5 (1948), 131-132).

- Арастуя [Аристотеля]. Арастуй был врачом в древности, как Сухарат, но простым учеником. Все они жили во времена Искандера Зулкарнайна [Александра Великого]; другие врачи («хаким») того времени остались знаменитыми, как Пухарат (Гиппократ) и Ялиус (Гален?). Ялиус, среди прочего, создал лекарство, которое после 40 лет подготовки могло, с милостью Аллаха, якобы сохранить жизнь на устах умирающего и спасти его; сегодня у нас больше нет этого секрета. Однако, говорят, что все книги Аплатуна и других, в которых были раскрыты все секреты современной науки, хранились в «доме Аплатуна», посреди «гызры» (пустыни); говорят, что эти книги получили Фаранги, отсюда и происходит их нынешнее превосходство.

На протяжении почти 900 лет кыргызы делились на две основные группы:

1 ° Отуз Уул (30 сыновей), они живут в Кашгаре и Алматы;

2 ° Ичкили [Ичкилик] (произносит, почти как «искили»), которые проживают в Самарканде, Фергане и Алае.

Ичкили обязаны своим названием тому факту, что они занимали долины между («ички») горами. Их также называют Он Уул - десять сыновей. Следовательно, Асанбек - Ичкилик; его семья, судя по всему, родом из Кок-суу в Алае. Семья эта большая, восходит к герою Тилек-хану, потому что насчитывается не менее 1500 «үй» от восьми сыновей Тилек-хана.

32 Лагерь в Жанырыке: Тин (стоящий), Вайян (сидящий)

33 Лагерь в Жанырыке: Вайян – сидящий возле юрты справа

Луи Вайян описывает Асанбека в одной из его статей: «Мы пересекли Алайские горы и однажды вечером мы сидели с Асанбеком [Ассамом] - сыном царицы кыргызов этого края. Этот туземный князь был образованным мусульманином, он ездил в Мекку через Стамбул, он знал, что такое железная дорога, пароход, фонограф, электрический свет и т. д. Он рассказал нам обо всем, что отличает нашу материальную цивилизацию от цивилизации этих народов. И перечисляя эти открытия, он, в конце концов, сказал нам: «Мы - мусульмане, сделали бы их, если бы христиане не украли у нас книги Платона. Тем не менее любопытно видеть одно из этих великих имен греческой цивилизации почитаемым мусульманами. Разве мы не знаем также, что арабская наука является последовательницей греческой науки.»

(Vaillant L., «Quelques mots sur le Turkestan chinois (mission Pelliot)», *Mémoire de l'Académie des sciences, lettres et arts d'Arras*, t. 3 (1923), 18-19_

В верстах пятнадцати от Янырыка Асанбек показывает мне обширное место в довольно широкой долине, называемое Курук-Таушхан («*таушхан*» – имя животного; «*курук*» – сухой, потому что в этом месте нет воды или потому, что до него есть место, которое называется Таушхан и там есть источники воды). Курук-Таушхан заполнен могилами калмыков. Борьба между кыргызами и калмыками началась из-за вторжения кыргызского предводителя Беш Бури в страну калмыков. В свою очередь, калмыки вторглись в земли кыргызов и однажды, когда Беш Бури ушел на охоту, оставив в Курук-Таушхане весь свой лагерь, калмыки забрали все: палатки, женщин, животных. Отсюда и происходит их непримиримая борьба. Эти калмыки в древности – несколько сотен лет назад, в основном, делились на Калтатай и Чигатай. Здесь их уже нет, а вот Чигатай (Джигатай), якобы, остались в Фергане (эта концепция – довольно странная). Кроме того, мне не удастся прояснить вопрос о различных племенах калмыков (торгуты и др.) и их хронологических соотношениях.

34 Женщины и дети, едущие верхом

35 Женщины, едущие верхом рядом с Куртук-Ата

Вчера и позавчера мы видели массу кыргызов в пути, с женщинами на лошадях - с яркими попонами, в костюмах в красную полоску, с высокими белыми вуалями на головах, похожими на ту, в которой Авалокитешвара⁹⁶ прячет своего дхьяни-будду, и перед ними на лошадях - их дети в колыбелях. А сегодня, наоборот, их совсем мало, но те, кого мы встречаем, спешат поклониться Асанбеку не менее, чем вчерашние.

Около полудня мы прибываем на место, где дорога Терек-Давана отделяется от Талдыка. Точка пересечения на десятиверстной карте находится у Суфи-Кургана [Сопу-Коргона], но, по словам Асанбека и нашего старого «каракеша», Суфи-Курган находится в нескольких верстах по особой Терекской дороге, и мы оставляем его слева. Дом на перекрестке двух дорог - это не Суфи-Курган. Река когда-то, по всей видимости, была окаймлена тополями («терек»); до сих пор видны некоторые из них на берегу и другие высохшие в русле,

---

96 Авалокитешвара («Владыка, милостиво вззирающий на существа»), в буддизме Махаяны, относится к семье Будды Амитабхи. Он, давший обет не уходить в нирвану и не становиться буддой, достигнув просветления, чтобы здесь оказывать помощь живущим в пути освобождения от страданий. В первых изображениях Авалокитешвара, дхьяни-будда (пять Будд, которые символизируют собой пять аспектов Высшей Мудрости изначального Будды) Амитабха появляется в центре головного убора. (См. Kasai Y., «The Avalokitesvara cult in Turfan and Dunhuang in the pre-mongolian period», Kasai Y., Sorensen H. (eds.), *Buddhism in Central Asia II: Practices and rituals, visual and material transfer* (Leiden: Brill, 2022), 244-269).

но на самом деле сегодня этот район остался практически без деревьев – все деревья были вырублены. После перекрестка мы видим, как появляются сосны вперемежку с особенного вида тополями: – в прошлом их тоже было много, но они практически исчезли за 40 лет, – говорит Асанбек – а это совсем недавно.

Две легенды связаны с Сопу-Коргоном: одна относится к стоянке суфийских паломников, которые укрывались от непогоды в большой пещере, которая существует до сих пор; согласно другой, рассказанной старейшиной айыла – Атантай-аке в 2021 году, – упоминается кыргызский охотник по имени Сопу, который объехал весь регион прежде, чем поселиться на перекрестке и построить там «коргон».

Незадолго до прибытия в наш лагерь в Куртук-Ата, названный так в честь мазара, который находится на противоположном берегу⁹⁷, мы впервые видим яков («кутас» [алайский диалект]) и это те яки, на которых привозят в наш лагерь сено, необходимое для наших лошадей.

Река образовалась в результате размыва каменистого аллювия со сланцевыми породами на дне; а в нашем лагере течение проходит через отвесные глиняные скалы. Образовались овраги, в которых при таянии снегов, мелкие потоки вливаются в большие. Мы следуем по одному из них, который зигзагами проходит между двумя глиняными стенами высотой от 15 до 20 метров, обычно при его ширине может пройти только один человек, он протянулся с галереями и тоннелями на более чем 250 метров.

Вечером собираются тучи, возможно, пойдет дождь – сегодня вечером или завтра; это было бы досадно, так как охотиться трудно во время дождя, а мы, оказываемся, прибываем в регионы с намного большим количеством дичи, чем те, которые мы только что прошли. По словам Асанбека, раньше здесь было намного больше деревьев, намного больше людей и намного больше дичи; сегодня почти все: тигры, фазаны и т. д. исчезли. Я подстрелил лесных голубей и небольшого пушистого грызуна.

Наша завтрашняя дорога приведет нас к подножию Талдыка, который мы пройдем послезавтра.

---

97 Куртук-Ата обладал даром прорицания и считался святым. Он является одним из семи святых братьев, упоминания о которых Самуил Абрамзон зафиксировал на юге Кыргызстана. На его могиле был возведен мазар, который до сих пор является объектом поклонения паломников. (Орозбекова Ж., «Места погребений как объект поклонения кыргызов в Алайской долине Кыргызстана (на примере мазара Куртук-Ата)», Вестник Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. Т. 12, вып. 3: Археология и этнография, (2013), 285-291).

Асанбек хорошо знает страну и ее историю, во всех деталях. Когда я беседовал с Маннергеймом о нынешней российско-китайской границе и старой границе Кокандского ханства, Асанбек понял, о чем идет речь, хотя разговор велся на французском языке, и сказал нам, что действительно старое Кокандское ханство включало Иркештам, Улугчат вплоть до Кызыл Ый, который Якуббек впоследствии завоевал до Иркештама и что за исключением этого последнего поста, Россия оставила ему эти территории.

Иркештам известен уже несколько тысячелетий как пограничный пост - Чжан Цянь стал первым китайским чиновником, пересекшим эту границу около 128 года до н.э. с дипломатической миссией от имени императора Ханьуди, чтобы найти союзников против хунну. Этот же император основал округ Дуньхуан, открыв дорогу, ведущую в Кашгар, а затем в Ферганскую долину через Алай, которая стала одним из основных торговых путей между Китаем, Центральной Азией, Южной Азией, Западной Азией и Европой. Он проявлял особый интерес к далеким «цивилизованным» народам, которые населяют западные земли. Настенные росписи с его изображением найдены в пещерах Могао. В 1885 после завоевания региона российская власть построила форт в Иркештаме.

17 августа 1906 г.

Сегодня отправимся к подножию Талдыка, в Кок-Булак. С Ильязовым все хорошо. Наш вчерашний лагерь в Куртуг-Ата указан на десятиверстной карте как Куртгата. Наша дорога пересекает реку, (которую здесь называют Талдык) немного выше по течению от Кичик Каракол, но Асанбек рассказывает мне о курганах калмыков, которые должны быть на нашем пути, если мы останемся на правом берегу и, оставляя караван, мы идем туда.

В настоящее время мы огибаем три горы, обычно называемые три «Кичига» (или затылок). На карте они называются - Уч-Тюбе (Уч-Тепе [Уч-Добо] по-кыргызски) - это, - говорит мне Асанбек, - старое название, перенесено немного дальше по карте, левее, за рекой Ак-Таш. Это название - Ак-Таш - неизвестно Асанбеку, он называет реку - Кичига. В точке, отмеченной мной - **ж** (крестиком), перед слиянием главной реки и речки Ак-Таш, находится древний курган или укрепление калмыков, две стороны которого уже были смыты водой. Двадцать лет назад, когда земля осыпалась, там обнаружили два медных казана (котёл), принадлежащих калмыкам. Два котла находились один внутри другого.

Мы продолжаем движение по тому же берегу и прибываем (место $\square$, чуть больше, чем на полпути между Ак-Ташем и Калта Караколом) к группе руин кал-

мышьких домов, которая представляет собой довольно важный древний город. Место называется Газыр Кичиг. Там среди прочих есть одна крупная постройка, совершенно точно указывающая на резиденцию предводителя. Внешнего типа ров с валом и земляной площадкой. На этой глиняной платформе - высокие земляные стены высотой - около трёх метров и толщиной - более метра. Весьма выраженное углубление на восточной стороне, вероятно, соответствует расположению двери. На северной стороне кыргызы вырыли большую круглую яму, очевидно, для раскопок. Асанбек говорит мне, что в курганах обычно находят глиняные кувшины и вазы. Мы действительно нашли такие фрагменты в Калмук-кургане в Янырыке. Кажется, что у кыргызов в этом регионе никогда не было таких крупных оседлых поселений. Асанбек говорит мне, что когда-то давно здесь был город калмыков, а теперь - это город соганов (сурков)!

Сразу после Калта Каракола мы переходим на противоположный берег, чтобы пройти Кызыл Белес. Справа от дороги мы видим довольно большое мусульманское кладбище, некоторые надгробия с глиняным покрытием с глазурью, одно из них с полуразрушенным куполом. Там лежат кыргызы, которые были убиты в борьбе с китайцами во времена Джихангира Ходжи⁹⁸, более 80 лет назад. Среди них - их вождь Саки Батыр.

При раскопках гробницы калмыков отличаются от мусульманских: калмыки хоронили своих умерших в гробах. В их могилах можно найти вазы, предметы из золота, серебра, железа. Асанбеку никогда не приходилось видеть их вскрытие, но он утверждает это, опираясь на слова своего отца. Я спрашиваю его, нет ли сейчас у кыргызов таких вещей, которые я бы очень хотел купить? Он мне отвечает, что кыргызы, как только находят такие предметы, плавят их. Однако, мы спросим в Алае, не находили ли что-нибудь в последнее время?

Асанбек заинтересован нашими поисками, так как он считает, что мы ищем сокровища. У первого кургана, который мы видели сегодня, он обратил мое внимание на то, что земля там издает менее глухой звук, чем земля вокруг, издавая звук - «кум, кум», что указывает на то, что внизу что-то есть.

Всю дорогу мы видим соганов или иначе - бурых сурков, а завтра, - говорят, - их будет еще больше.

Мы разбиваем лагерь в Кок-Булаке. Флора - довольно высокогорная: гвоздики, ворсянки, васильки, короткостебельные, иногда низкорослые растения, лютики; здесь можно, как и во Франции, всюду раздуть хлопья одуванчика. Температура довольно прохладная.

---

98 Джахангир-ходжа (1788-1828) был членом влиятельного восточно-туркестанского клана Афаки-ходжи, сумевшего на несколько лет в 1820-х годах вырвать Кашгарию из-под власти Империи Цин, но, в конце концов, потерпевшего поражение и казненного. В составе его войска были кыргызы.

18 августа 1906 г.

Ночь была очень свежей - 5° по Цельсию. Мы приедем сегодня в Катинарт.

Кок-Булак обозначен на десятиверстной карте не по названию, а по телеграфной станции, которая находилась прямо у нашего лагеря. Сам Кок-Булак - голубой источник - это название не села, а ручья, который впадает немного выше по течению в Талдык, на правом берегу; к этому моменту Талдык уже является всего лишь ручьем. Название Талдык дано кыргызами по названию перевала - реке, которая выходит за пределы перевала и которую на российской карте затем называют рекой Гульча. Само название Талдык довольно распространено (на российских картах обозначена река Талдык, немного после Каратая до перевала Чигирчик) и происходит от обилия ив или «тал».

Каждое из этих тюркоязычных названий имеет свое значение и в этой связи любопытно посмотреть, чем ономастика Кашгарии похожа на ономастику Ферганы. Замечаю, что на российской десятиверстной карте немного к северо-востоку от Оша отмечен город Кашгар⁹⁹. Ономастика десятиверстной карты - неплохая, однако, следует отметить, что она не имеет единой орфографии; так возле Талдыка обозначается «Кой джулу» (овечья тропа) - кыргызское произношение и «Атъ юлу» (конная тропа) - произношение сартское.

С лингвистической точки зрения, в кыргызском языке всегда буква «дж» вместо сартского «й», но какой из вариантов более ранний? Возможно есть определенное сходство между китайским и тюркским языком; «йил» - год, по-кыргызски - «джыл», возможно, относится к 年 («нень»), «йок», «не иметь», - к 無 («у»); идентичность финальной вопросительной частицы «то» примечательна. Китайские слова перешли в кыргызский язык; таким образом - «тон» - или «холодный», отсюда глагол - «тонламак» - эквивалентный в кыргызском языке Алая и Кашгарии сартскому - «суук» - кажется то же, что на китайском - «дон» - то есть морозить. Асанбек называет трубку, подобную нашей - «ганза», воспринимая это как китайское выражение; первая часть действительно должна быть - «ень» - [табак по-китайски; «ень-гуандзы» обозначает курительную трубку]. Надо отметить еще один интересный феномен кыргызского языка - сартское - «б» - часто становится - «м» - в кыргызском языке: «бурун» - нос, становится «мурун» на кыргызском языке. Также надо обратить внимание на то, что в сартском и кыргызском языке произносится - «н» - вместо - «ф» -. Эти два языка имеют произношение - «в» - вместо - «б» -: «арова» для «ароба» - повозка. Еще одна аномалия - на кыргызском - «сиздики», «биздики» произносятся на сартском как - «сизники», «бизники».

---

99 На самом деле название идет от того факта, что там поселились кашгарцы.

36 Подъем на перевал Талдык: Маннергейм фотографирует, рядом с ним Лю и Пеллио; на заднем плане Асанбек и Маамытбек (?) верхом на лошадей

Вскоре после Кок-Булака мы начинаем восхождение на собственно сам Талдык, по довольно легким поворотам и, достигнув вершины, чувствуем, что с Алая, с долины реки Талдык дует ужасный ветер. Сверху - красивая панорама. Чугунная надпись напоминает, что «проходимая» дорога Талдыка была проложена в 1893 году под руководством подполковника Громбчевского¹⁰⁰ (ныне Астраханский губернатор) по приказу туркестанского генерал-губернатора барона Вревского¹⁰¹. Наверху, пока я с трудом курю отличную трубку г-на Жедадь-

---

100 Бронислав Громбчевский (1855-1926) - офицер польского происхождения, принял участие в Алайском походе в 1876 году и в Памирских походах в 1891-92 годах. Он перешёл в 1888 году на службу по военно-административному управлению Туркестанского края и с 1893 по 1895 был начальником Ошского уезда Ферганской области. Служба в Туркестане до 1896 развила у Громбчевского интерес к истории и этнографии населения Ферганы; он достаточно хорошо выучил кыргызский язык, освоил традиции и обычаи местного населения.

101 Александр Вревский (1834-1910) был Туркестанским генерал-губернатором с 1889 по 1898 гг.

жа¹⁰², Вайян делает гипсометрические наблюдения. На российских картах высота Талдыка отмечена на уровне 11 600 или около 3880 метров, но наши наблюдения показывают высоту лишь 3600, не учитывая погрешности; для высоты 3880 следует предположить, что в этот момент на уровне моря было очень сильное давление, примерно 780 миллиметров - узнаем об этом позже.

Затем проезжаем перевал Катынарт и продолжаем путь почти до Алайской долины, немного после перекрестка Памирской и Иркештамской дорог. Вдоль всего пути по Катынарту к нам постоянно подъезжают всадники, чтобы поздороваться и выразить свое почтение Асанбеку. Через полчаса после нашего приезда в наш лагерь их собралось уже более пятидесяти человек. Завтра будет «томаша» с борцами и «байгой»; послезавтра - охота.

---

102 Андре Жедальж (1856-1926) - французский композитор и профессор Парижской консерватории, преподавал искусство фуги. Один из его учеников был Морис Равель. Алиса Пеллио - сестра Поля, была его ассистенткой по контрапункте и продолжила преподавать по его методу.

С геологической точки зрения дорога не представляла собой ничего необычного: переходная зона, покрытая сланцем на известняковом фоне. Наш лагерь усыпан эдельвейсами, а перед нашими глазами - внушительным бастионом встает хребет Музтагата или Актаг, если встать перед этими снежными массами, Тонгмурун будет скрыт слева; направо они ведут к Кызыл-арту и пику Кауфмана - двум гигантам Памира.

Река, возле которой мы разбили лагерь, носит название Катинарт по названию перевала, с которого она спускается; в ней прячется прекрасная форель с красными точками; мы побалуем себя угощением сегодня вечером. Очень жаль, что у нас не осталось образца уникального вида рыб, обитающих в реке Талдык, - говорят, - на Алае водится еще один новый вид.

37-38 Топографические съемки, проведенные Вайяном и Маннергеймом в верхней части перевала Талдык

Прошлой ночью было - 5 °; сегодня вечером, должно быть, так же холодно, потому что там, где не светит солнце, мы дрожим. На закате эта огромная белая громада кажется нам непроходимой.

Через час после нашего размещения к нам приезжает русский офицер, который командует солдатским постом, расположенным в двух юртах, примерно в двух километрах от нас. Его сопровождает гражданское лицо - это Березовский. На первый взгляд, мне кажется, что это тот орнитолог-путешественник, но на самом деле - это его брат, архитектор¹⁰³. Неважно - он также приехал из Кучи и сообщает нам новости о русской и немецкой экспедициях. Здесь его останавливает задержка багажа, но ему не терпится, как можно скорее, добраться до Петербурга, так как он опасается возможной забастовки.

Кажется, Грюнведель¹⁰⁴ и [Михаил] Березовский нашли в Куче, несмотря на японскую экспедицию, больше, чем они ожидали. У них есть фотографии всего, что они видели. Относительно мало рукописей; тем не менее, у Грюнведеля есть с десяток книг, все - на брахми. Монеты монгольского периода. Фрески были когда-то обильно позолочены густой позолотой и это объясняет, почему они были так сильно испорчены. Китайцы, за исключением одного или двух мест, не посещают святыни в Куче, и там можно работать совершенно свободно. По словам [Николая] Березовского, именно Фон Ле Кок¹⁰⁵ достоин особенных похвал; а Грюнведель - гораздо менее трудолюбив. Фон Ле Кок вернулся сегодня, но Грюнведель продолжил путь в сторону Корлы и Карашара [Яньци], и сейчас он должен находиться около Турфана; [Михаил] Березовский, несомненно, останется в Куче еще почти на год. Грюнведель думал, что Стейн собирается отправиться в Кучу и Колоколов¹⁰⁶ располагал той же информацией; нам, чтобы не вызвать недовольство англичан и Стейна, запретили идти на юг от Лобнора при том условии, что Стейн не пойдет на север!

---

103 Николай Березовский (1879–1941) - архитектор и брат орнитолога и археолога Михаила Березовского (1848–1912), участвовал в экспедиции своего брата в 1905–1908 годах. Чертежи и съемки в Куче и Кумтуре, в основном, были сделаны им. В 1909 году Николай Березовский в соавторстве с Гавриилом Барановским создал архитектурный проект буддийского храма Дадан, официально освященного и открытого в Петербурге в 1915 году.

104 Альберт Грюнведель (1856–1935) - немецкий тибетолог, археолог и специалист в области буддийского искусства. Он сам возглавил первую (1902–1903) и третью (1905–1907) немецкие экспедиции в Турфан.

105 Альберт фон Ле Кок (1860–1930) был помощником Грюнведеля в Берлинском этнологическом музее. Он заменил заболевшего Грюнведеля и возглавил вторую немецкую экспедицию в Восточный Туркестан. Вместе с Бартусом он работал в Турфане в 1904–1905 гг. Третья экспедиция под руководством Грюнведеля прибыла в Кашгар в декабре 1905 г. Две экспедиции соединились и завершили совместную работу в июне 1907 г. В середине 1906 г. Фон Ле Кок из-за болезни был вынужден вернуться домой.

106 Сергей Колоколов (1868–1921) окончил факультет восточных языков Санкт-Петербургского университета и поступил на службу в МИД. Он был генеральным консулом в Кашгаре с 1904 по 1909 гг.

39 Вид на Алайскую долину с нынешнего местонахождения айыла Сары-Таи

Все это позволяет еще меньше, чем когда-либо понять, что именно мы сможем там сделать и оттуда привезти.

Среди неправильных названий десятиверстной карты надо обратить внимание на Арчат Ташу на пути к Талдыку. Нам нужен Арчат Ашу [Арчат-даван, на несколько километров восточнее перевала Талдык] (кроме того есть Арчат Булак – почти напротив, и для второй части названия на карте есть другие Ашу).

19 августа 1906 г.

Этой ночью градусник показывал -1° . Около 10 утра нас забирают на «томашу». Само это слово обычно означает – прогулку, развлечение. Когда мы были в Ташкенте, в городском парке было гуляние, «прогулка» с играми, которую сарты называли «томаша». Здесь «томаша» – это то, что европейцы часто называют «байга», борьба верхом на лошади за тушу козла с отрубленной головой. Это такая игра, похожая на поло, которая опасна бесчисленными падениями, но я не видел ни одного несчастного случая. Животные и люди падают, перекатываются, встают и снова бросаются в игру. Из вежливости мне дважды оставляли тушу козла, которую я бросал к ногам Асанбека; и оба раза я, в качестве «туры» [«төрө» – почетного] получал по одному рублю, тогда, как обычно, простые люди получают по 10 копеек.

Торжества были совмещены с нашим пребыванием, но они были не в нашу честь: на самом деле их организует один богатый кыргыз по случаю свадьбы своей дочери. Бешеным галопом, потом ещё на скаку, на большой скорости переправляемся через реку Алай и после очередной схватки мы попадаем к кыргызу – организатору празднеств. Затем Нуэт фотографирует женщин, которые специально для этого выстроились в ряд, и мы отправляемся посмотреть на то, что здесь собственно и называется «байга» (или «найга»), то есть скачки на лошадях.

41 Женщины в праздничных костюмах с молодой невестой в центре; все собрались по просьбе Нуэта (97–98 стр.)

40 Молодая невеста, в честь которой были устроены торжества в Сары-Таше

Одиннадцать лошадей выезжают на расстояние трех верст, с наездниками - мальчишками от 11 до 13 лет. Эти лошади пребывают в закрытых капюшонах, прямо как в наших загонах. По стартовому сигналу они начинают свои скачки, на расстоянии от 500 метров до одной версты - до финиша взрослые верхом на отдохнувших лошадях захватывают веревку и изо всех сил тянут скакунов. Эти скачки - малые; я дарю первый приз - халат, но бывают и более длительные скачки на дистанцию в 60 верст, которые проходят с вечера до утра, и там приз - 600 рублей. Другой службы у скаковых лошадей нет, и довольно неожиданно видеть скаковых конюшни в Центральной Азии, в долине, отделяющей Небесные Горы от Памира. Эти скаковые лошади отрабатывают довольно долго, иногда до 15 лет.

После скачек («пайги») возобновляется «томаша», но на этот раз - с тушей теленка. Я дарю халат тому, кто принесет тушу теленка наверх, в гору и, как бы случайно, приз достается - местному предводителю волости. Но вполне вероятно, что это происходит из-за альянсов, которые образуются специально для «томаши», и тогда несколько участников помогают именно тому из них, кто поймает тушу.

«Томаша» носит здесь более конкретное название - «улок тартмок». В перерыве «томаши» с теленком проходят соревнования по борьбе среди детей, сидящих верхом на лошадях. Пробуют также организовать борьбу среди взрослых пешех; чемпион, вышедший на поединок, долго сидит посреди нашего круга в ожидании соперника, но тщетно; никто так и не вышел, и чемпион забирает халат, предназначенный победителю.

42-44 Сцены из «томаша» или «улок тартмок» – «көк-бөрү»

45-46 Сцены из «толмаша» или «улок тартмок»: «байге» (скачки на лошадях)

47-50 Сцены из «томаша» или «улок тартмок» – эниш – соревнование по борьбе среди детей, верхом на лошадях

Вечером Березовский и офицер находят нас в палатке. Березовский уезжает завтра. Я расспрашиваю его, и мне нетрудно понять, что здесь русские и немцы составляют весьма плохой альянс. По словам Березовского, российский комитет и немецкий комитет договорились (Березовский даже говорит, что это решение приняла Международная Ассоциация [Историко-Археологических, Лингвистических и Этнографических Исследований Центральной Азии и Дальнего Востока]; а я указал ему, что это определенно неверно) предоставить Турфан – немцам, а Кучу – русским. Однако, Грюнведель, в качестве частного лица, а никто и не знал, что он был главой экспедиции (в которую

также входили Фон Ле Кок, Бартус в качестве фотографа¹⁰⁷ и Порт в качестве синолога¹⁰⁸), объявил в Петербурге о своем намерении пройти через Кучу.

Русский комитет не стал возражать против Грюнведеля - человека с большим научным опытом и, таким образом, четыре немца побывали в Куче - Фон Ле Кок приехал из Турфана в Кашгар, к своему шефу. Потом туда прибыли русские и показали себя по отношению к немцам с весьма дружественной и гостеприимной стороны, а те, в свою очередь, не колеблясь, везде выбивали русским землю из-под ног. Оба Березовских, в основном, делали планы, чертежи и фотографии, но пока не занимались никакими раскопками. Немцы проделывали «дыры» и вели себя больше как «сарты», скорее подыскивая предметы для своих музеев, чем работая во имя науки; именно поэтому они разбивали статуи, чтобы увезти головы. Немцы и русские встречались, видели работу друг друга, но не работали вместе. Немцы собрали богатый урожай, особенно благодаря Фон Ле Коку, и они могли уже сейчас вернуться с очень хорошей добычей. У них есть большие денежные средства. Вместо 16 копеек - обычной платы за рабочего в Куче, немцы давали в пять раз больше и это, естественным образом, побуждало рабочих просить еще больше. Сумма, за которую проголосовал германский Рейхстаг, скорее всего, была за первый год, потому что немцы еще получили деньги перед отъездом из Кучи в Турфан. Фон Ле Кок вернулся из Кучи через Индию; Грюнведель тоже подумывает спуститься из Турфана этим маршрутом. [Михаил] Березовский проведет еще год в Куче, возможно, поедет в Урумчи и, скорее всего, тоже захочет вернуться через Индию.

Одна из характерных сторон памятников Кучи - обильная позолота, что также привело к разграблениям со стороны сартов.

Насколько молодой Березовский считает работу немцев по коллекционированию, малонаучной - настолько высоко он ценит работу двух предше-

---

107 Теодор Бартус (1858-1941) - немецкий моряк, техник и музейный консерватор, был участником 4-х немецких экспедиций в Восточный Туркестан. Он разработал методы снятия надписей и произведений искусства со скальных стен и руин без их повреждения, а также методы их консервации и сохранения.

108 Германн Порт (1877-1950). юрист, выучил китайский язык во время дипломатической миссии. Он работал волонтером в Берлинском этнологическом музее и был нанят Грюнведелем в качестве помощника для третьей немецкой экспедиции в Центральную Азию. В 1905 году он уехал в Турфан с Грюнведелем и работал переводчиком. Он сделал множество фотографий во время экспедиции. В Первую мировую войну он служил летчиком и был близок к Герингу. При нацистском режиме эти отношения позволили ему спасти жену Марго еврейского происхождения. (Ayigezeer Y., Prusya ilimler akademisi Turfan ekspedisyonlari (19002-1914), T.C. Trakya Üniversitesi sosyal bilimler enstitüsü Tarih anabilim dali yüksek lisans tezi (Edirne, 2019), 65).

ствовавших им японцев¹⁰⁹; там, где японцы искали – они расчищали всё, исходя из научных принципов, даже когда были уверены, что ничего не смогут найти. По словам Березовского, самыми продуктивными станут раскопки большого храма, расположенного на реке к северу от Кучи, но поскольку все, что можно было взять с поверхностных раскопок, уже было извлечено, то теперь требуется полная расчистка, которая может стоить 20 000 рублей. Березовский не считает наш бюджет огромным; что касается его экспедиции – им помешало молчание Петербурга, не приславшего вовремя обещанные деньги.

Березовский младший не знал имен Бауэра¹¹⁰ и Литльделя¹¹¹. Он мне указал, что около Тумшука (в дословном переводе означает – рот, морда, клюв), в двух станциях от Маралбаши и пяти станциях от Аксу, есть интересные руины, своего рода, большого монастыря, которые никто не изучал.

Из развалин Кашгарского региона Березовский знает только «три окна», которые посетили немцы, и где они нашли мусульманские надписи¹¹². Березовский не знает статьи Петровского на эту тему¹¹³; он не слышал о руинах Нагарашалди. Более того, кажется, что в одном только районе Кучи есть невероятное число памятников, часть из которых сегодня покрыты песками, но обещают наличие весьма богатых материалов для изучения. Стоит ли поспешить туда, а значит, поехать по «арбовой» дороге из Кашгара в Аксу? Или же, наоборот, нам нужно ехать по вьючной тропе, идущей вдоль подножия гор? Я все еще сомневаюсь.

---

109 Граф Кодзуи Отани (1876–1948) – настоятель Дзёдо-синсю (школа японского буддизма, в переводе означает «чистая земля»), берущей свое начало в Восточном Туркестане, организовал три экспедиции в Центральную Азию в 1902, 1908 и 1910 годах. Он был вдохновлен первыми открытиями Аурела Стейна. Два японских монаха, упомянутые Пеллио – Хори Кэнью и Ванатабе Тэссин, приняли участие в первой экспедиции Отани в 1902 году и были отправлены исследовать Такламакан. Они провели раскопки на важных объектах, в том числе – в Кызыле и Куче, но после землетрясения – все их записи и фотографии были утеряны. Немцы Грюнведель и фон Ле Кок отправились туда позднее и представились первооткрывателями этих памятников. (Galambos I., Kitsudō K., «Japanese exploration of Central Asia: the Otani expeditions and their british connections», *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*, 75/1 (2012), 113–134).

110 Гамильтон Бауэр (1858–1940) – офицер разведки британской армии в Индии, в 1889–1890 годах был отправлен с миссией в Восточный Туркестан, чтобы найти убийцу шотландского купца. Имя Бауэра связано с известной рукописью на санскрите, которую он привез и опубликовал.

111 Георг Литльдель (1851–1931), английский исследователь и охотник, прославился своими путешествиями по Азии с женой Терезой. В 1890 году они прошли по дороге из Оша в Кызыл–Арт через Катынарт. Его считают одним из величайших охотников на крупную дичь всех времен, собирая образцы животных по всему миру для многочисленных музеев. (Clinch E., Clinch N., *Through a Land of Extremes: the Littledales of Central Asia* (Stroud: The History Press, 2008).

112 «Три окна» относятся к трем скалистым пещерам, расположенным в 15 км к северу от Кашгара по дороге в Нарын. Бартус из немецкой экспедиции посетил их в 1905 г.; вскоре туда поднялись Пеллио, Вайян и Нуэт. (Pelliot P., «Notes sur l'Asie centrale», *Bulletin de l'EFEO*, n°6 (1906), 255–269).

113 Петровский Н., «Буддийский памятник близ Кашгара», *Зап. Вост. отд-ния Имп. Рус. археол. об-ва*, Т. VII (1892), 298–301; Петровский Н., «Заметки о древностях Кашгара. Вып. 1. Хан-Уй», *Зап. Вост. отд-ния Имп. Рус. археол. об-ва*, Т. IX, вып. 1–4 (1896), 147–155.

20 августа 1906 г.

Температура этой ночью упала только до 4°. С утра льет дождь и мы не знаем идти ли на охоту, как мы собирались? Наконец, я иду проститься с Березовским, который берется доставить наши письма и, по возвращении, поскольку погода прояснилась, мы решаем - Маннергейм и я, пойти на охоту в сопровождении Асанбека и нескольких кыргызов. Мы собираемся найти «такка»¹¹⁴ (или скорее всего «кшик»¹¹⁵), то есть - серну¹¹⁶. Мы проезжаем более 10 верст на лошадях, затем начинаем все еще верхом, подниматься на такие крутые склоны, на которые в Европе бы нам и в голову не пришло подниматься верхом, а не иначе как пешком. Лошади кыргызов могут подниматься и спускаться по крутым склонам. Лошадь Маннергейма и моя могут также, но будучи не так натренированы, очень устают. Наконец-то, мы достигаем вершины, но не видим никаких серн; к тому же, в это время года их можно увидеть реже, чем зимой. Возвращаемся с пустыми руками, но в кыргызской палатке пробуем каймак, то есть кипяченое молоко со сливками «кутаса» (яка); оно намного лучше кумыса, кислотность которого для моего желудка - вредна. На обратном пути нам нужно раздобыть другую шкурку согана (сурка) для Музея, так как наш соган позавчера был похищен собакой; я решил испробовать наш винчестер и пристрелил довольно хороший экземпляр.

Завтра мы отправимся в Тонгмурун в сопровождении Асанбека. Я доволен нашей остановкой, которая дала отдых нашим вьючным лошадям и позволила нам немного увидеть кыргызскую жизнь. У меня осталась только одна забота, и она может стать серьезной в будущем: вопреки тому что нам сказали, мы не смогли купить здесь юрту; Березовский утверждает, что в Китае повсюду есть постройки, где можно остановиться, но он не берет в счёт пустыню от Лоба до Лукчуна.

Примерно между половиной пятого и пятью часами начал лить сильный дождь, и он все еще шел в 10 часов; было бы хорошо, если б он прекратился завтра; в 6.30 вечера всего 4° градуса.

21 августа 1906 г.

Термометр показал не 0°, а 0°5; но от этого не стало теплее.

Вчера Маннергейм купил кыргызские украшения и ткацкий станок. Их не принесли вчера вечером, и он уже выразил свое недовольство Асанбеку в очень

---

114 Кыр. «Теке» – домашний козёл.

115 Кыр. «Кийик» - Дикий горный козёл.

116 Серна (*Rupicapra*) в Кыргызстане не встречается. Он, возможно, имеет в виду горала (*Naemorhedus goral*), напоминающего серну.

резких выражениях. Утром эти вещи привезли, пока Маннергейм уходил прощаться с казачьим офицером. Когда он появился снова, то прошел мимо кыргызов, не здороваясь и, продолжив свой путь, в ярости отказался от принесенных вещей. Такое отношение, к счастью, не впутывает нас, так как Асанбек ясно видит, что мы не оправдываем нашего спутника. Но что же будет в Китае? Я не могу допустить, чтобы Маннергейм на китайской земле относился к местным иначе, чем мы.

Маннергейм всю дорогу держится в стороне, а Асанбек идет рядом со мной. Маннергейм понимает, что даже здесь, в одном из регионов Российской империи, владение русским языком не позволяет ему получить столько же информации, сколько удастся мне. В Китае будет еще хуже. Поэтому он рассказывает Вайяну о своих опасениях; он боится, что я мало сообщаю ему о местных жителях, но его отношение, подобное сегодняшнему, не сможет исправить эту ситуацию. Он считает себя полностью независимым от нас, будучи только на пансионе с нами. Но, тем не менее, он извлекает пользу из множества совместных вещей, в которых не всегда дает что-то взамен. Он видел и «пайгу», и «томашу», но халаты давал только я.

По скачкам есть дополнительная информация: год назад в Кызыл-Арте на Памире был забег из Уусоза («Уу» - растение, убивающее скот, который его поедает; Уусоз находится между Талдыком и Катинартом) протяженностью около 40 верст. Примерно из тридцати скакавших лошадей погибли две, одна из которых стоила 450 рублей. Первый приз был 150 рублей, второй - 80 рублей.

Три года назад был еще один забег от Талдыка до Шейтанды - зеленой горы, которая выступает по дороге между Ак-саем и Айлямой. Первое место - 300 рублей, второе - 150. Три лошади погибло. Во всех этих забегах призы вручаются богатыми кыргызами, которые обычно организуют забег для своих семейных торжеств.

Незадолго до Ак-Кындыка, где дорога во второй раз пересекает Суркх Аб (красный ротанг), мы оставляем слева Кичил Кук-Булок [Кок-Булак] и Катта Кук-Булок. А еще есть Кук-Булок, слева от Шейтанды.

Примерно к устью Айлямы - справа, оставляем квадратный курган, но с гораздо более закругленными углами, чем у калмыцких курганов. Это одно из тех мест, где во время войны с Кокандом, последовавшей за битвой с Джихангиром, располагался лагерь китайского «сакал амбола» (то есть первого «амбана»¹¹⁷) Хан Дарина («Дачень» [китайский перевод маньчжурского «амбана»]). Где бы он ни поселился (где он спал, - как говорит Асанбек) - он строил один из этих валов. Этот вал находится после приподнятого камня, своего

---

117 Представитель маньчжурского императора на подвластной территории.

рода «обо»¹¹⁸, который здесь называется «купган таиш», а чуть дальше – кладбище под названием «карабеит», черное кладбище или черный надгробный камень. – Хан Дарин, – как рассказал Асанбек, – был великим китайским «лашкар-баши» (или «ваши»). Мать Асанбека до сих пор хорошо помнит китайскую деревню того времени. (С лингвистической точки зрения отмечу, что кыргызы чаще всего произносят в отрицательных глаголах (суффикс) «-ба», а не «-ма»: кыргызское – «курбадым» – соответствует сартскому – «курмадын»).

От Катынарта дорога поднимается и, поскольку мы спустились совсем немного – мы, сами того не замечая, прибываем в Тонгмурун, чья высота не производит большого впечатления. С другой стороны – склон круче. Это водораздел между Туркестаном и Китаем и именно здесь должна проходить естественная граница.

Асанбек говорит мне, что сегодня «даотай» Кашгара – Хан Дарин – бывший глава Улугчата¹¹⁹, друг Маамытбека и его самого; он просит передать ему приветствия.

Асанбек хорошо знает историю Кашгарии. Он рассказывает мне о кыпчаке Сыдыкбеке¹²⁰, который захватил Кашгар и правил там, прежде чем был свергнут и казнен Якуб-беком.

Семья Асанбека имела отношение к истории Якуб-бека. Один из его двоюродных братьев – Аркым Бай Датка был помощником Якуб-бека. Что касается его братьев, то вот список с пояснениями, кем они были:¹²¹

1° Абдылдабек. В Кашгарии не был. Это он воевал против Скобелева и погиб в Афганистане.

2° Акимбек [Хакимбек] – три года был «пангсатом» (персидское воинское звание) Якуб-бека, затем комендантом Уч-Турпана. Он путешествовал по Китайскому Туркестану, вплоть до Лоба, жители которого рассказали ему, что они приехали из Кокандского региона. Он вернулся в Алай после падения Якуба, прожив 13 лет в Кашгарии, и умер в своей семье.

3° Баатырбек. Был «ясул-баши» у Якуб-бека. Также провел 13 лет в Кашгарии и умер дома.

---

118 «Обо» или «овоо», что означает «каменная насыпь» – место поклонения местным духам среди монгольского населения.

119 «Даотаем» (начальником районной административной единицы Китая) Кашгара был Хуан Хун Джу. Он принял в Кашгаре членов французской экспедиции и Маннергейма, о чем свидетельствуют фотографии, сделанные Маннергеймом и Нуэтом.

120 В 1864 году власть в Кашгаре захватывает Сыдыкбек – предводитель кыргыз-кипчакского рода, опираясь на поддержку Кокандского ханства, кыргызской племенной знати и выходцев из Восточного Туркестана. Среди лиц, сопровождавших нового правителя Кашгара, находился Якуб-бек, будущий правитель Восточного Туркестана и Джунгарии с 1867 по 1878 гг.

121 См. также Жетимишов С., Баргылар. Санжыра (Бишкек: Полиграфбумресурс, 2023), 146-151.

4° Маамытбек. Был 13 лет с Якуб-беком, но без определенного титула, путешествовал по всей стране. Это тот, которого мы видели с Асанбеком в Оше.

5° Асанбек, наш гид. В конце правления Якуба занимал должность в Улугчате.

6° Камчыбек был казнен русскими, несомненно, за восстание - во времена губернатора Чайковского¹²².

7° (от другой матери) Кылычбек.

У самого Асанбека - пятеро сыновей от трех жен; старший заботится об имуществе; второй - Мамадалибек [Мухамед Алибек] - косолапый, живет с бабушкой: это тот, кого мы видели в лагере, он выучил русский язык в сартско-русской школе в Оше.

Асанбек рассказал мне, что в Кумбуле у него есть знакомый кыргыз из Кашгара - Тузы Зарипбек Мусака уулу. В Кумбуле (Хами) также есть внук Джихангира - «тура» Ван Ходжа.

У Асанбека - много земель, заселенных его «чейками»¹²³, многие из которых - кашгарцы. Сегодня по дороге мы встретили двух кашгарцев - он их расспросил - они ответили Асанбеку, что идут к своему хозяину Асанбеку, живущему недалеко от Оша, не зная в то время, что они разговаривают с самим Асанбеком.

22 августа 1906 г.

Этой ночью было 2° мороза и ветрено. Вскоре начал сыпать снег, словно пыль под порывами ветра. Пять наших лошадей ночью убежали с пастбища и после трех часов поисков мы нашли только двух. Я отпустил караван и мы остались хандрить в юрте у подножия Тонгмуруна.

---

122 Андрей Чайковский (1841-1920) - офицер, служил в Туркестане с 1860-х годов. С 1897 по 1901 являлся военным губернатором Ферганской области.

123 Правильное слово должно быть «чек» означающий границу/предел, а также земельный участок. Две формы найма получили широкое развитие в Ферганской долине - мардикерство и чайрикерство. Обычно мардикёры были наемными рабочими-поденщиками или это были безземельные дехкане, которые нанимались на работу со своим кетменем. Оплата производилась по договоренности. Чайрикер - издольщик, обычно оставлявший семью на родине и уходивший на заработки на 7-8 месяцев для обработки чужой земли за 1/4 доли урожая.

51 Лагерь в Тонгмуруне

В три часа, наконец-то, нашли лошадей. Караван и Маннергейм ушли уже с утра. Я простился с Асанбеком и подарил ему халат. Вайян отправился в путь в полдень, чтобы завести часы в назначенное время. Нуэт и я, в сопровождении Бокова, Ильязова и Тина, наконец, покидаем Тонгмурун; Тахватуллин сопровождает наших лошадей, нагруженных легким багажом. Довольно быстро местность меняется. Соганов видно все реже. Мы проходим через местность, усеянную воронками, своего рода гигантскими казанами, образовавшимися в результате проседания грунта, несомненно, под действием воды. Мало-помалу, по мере спуска мы вновь видим удонов, синих птиц, то есть виды, обитающие на средней высоте, которых мы совсем не видели после Янырыка. Кстати, погода совсем не располагает к наблюдениям - льет непрекращающийся дождь. Примерно на полпути к Иркештаму мы встречаем дикого кролика и маленького зайца - первого в нашей поездке.

После перехода через Кызылсу [Кызыл-Суу] нас настигает ночь. Невозможно нигде остановиться - мы продолжаем путь. Это чудо, что спускаясь дважды в реку, мы обнаружили дорогу по покрытому галькой дну и что не упали с высоты во многие пропасти. Когда мы прибыли в Иркештам в 8.30 вечера, нас уже перестали ждать. Маннергейм, однако, сказал Вайяну: «Бьюсь об заклад, Пеллио поступит безрассудно, не взяв в дорогу проводника». Это факт, что ни-

кто из нас не знает дороги, и что Маннергейму с трудом удалось не потерять ее среди бела дня. Несмотря ни на что, мы в безопасности, но Тахватуллин и его вьючные лошади остались позади, и я не представляю, как они смогут догнать нас. Хоть бы они нашли место в пути, чтобы остановиться и укрыться!

Капитан - командующий казаками Иркештама оказывает нам гостеприимство. Он - мусульманин, помощник капитана, Бекчурин, 27 лет службы, с усами башибузука¹²⁴. Он здесь с женой - также мусульманкой и четырьмя маленькими детьми. Его зарплата составляет около 80 рублей и еще 30 рублей на служебные расходы - целое состояние. Он завершает свои три года службы, затем, как и все офицеры - казаки, проводит три года вольным (по льготе) и будет получать, возможно, всего 65 рублей в месяц. Учитывая такую ограниченность в средствах, мы невольно еще больше оцениваем очень радушный прием, оказанный нам; госпожа Бекчурина не перестает готовить нам печенье к чаю, а мы ужинаем котлетками из молодых яков, от которых наши голодные желудки получают невероятное удовольствие. Я уже пил кипяченое молоко яка со сливками (каймак), а также некипяченое молоко; а вот сегодня пробуем мясо; определенно, як является столь же ценным ресурсом для питания, как и для транспорта.

Я забыл отметить, что при проезде Тонгмуруна моя прогулка по китайскому кургану с Асанбеком помешала мне увидеть китайскую надпись - первую, которую мы встретили. Вайян и Нуэт ее видели, и Тин прочел дату, по крайней мере, с одной стороны; это надпись прошлого года, где китайцы загадывают желания для своих детей и внуков, а с другой стороны - надпись с буддийским обращением - «А ми та фу»¹²⁵ и т. д. Позыл - мой джигит, который уже проходил там, знает этот камень. Он называет его Тамгаташ, камень с надписями. Асанбек не знал о существовании этой надписи.

23 августа 1906 г.

Караван Тахватуллина не догнал нас ночью. Как раз в тот момент, когда мы посылаем людей ему навстречу, он, наконец-то, прибывает. Мужчины не ели 24 часа и им пришлось остановиться без укрытия, потому что лошади падали ночью на размокшей глине. Ночь была потрачена на то, чтобы животные

---

124 Название нерегулярных военных отрядов в Османской империи. Слово «башибузук» в дословном переводе с турецкого означает «безбашенный». В переносном значении является синонимом слова «головорез».

125 Амитабха (Бесконечный Свет) - Будда направления Махаяны и Ваджраяны правит «Западной чистой землей блаженства». Повторение имени Амитабха является фундаментальной практикой школ Чистой Земли в форме заклинания «Намо Эмитуо фо», наделенного духовной и защитной силой.

не убежали. Люди беспокоились, что я их отругаю за то, что они не прибыли вовремя. Не стоит и говорить, что я спешу их успокоить.

По словам Асанбека, Иркештам означает Эричкитам, стена козлов (самцов) и так он назван из-за загона, который когда-то построил там один кыргыз для владельцев стад, проходящих через это место; этимология не очень убедительная.

Российский пограничный пост, рядом с телеграфом и таможенной, находится в месте, очень незащищенном от ветра, где даже снег не может удерживаться и накапливаться. Я бы хотел телеграфировать во Францию, но телеграф работает только на русском языке и только для России. Таможенные формальности завершаются быстро и я отправляю караван дальше – в Нагарачалды. Сам же я отправляюсь с Вайяном на разведку окаменелостей возле русской почты; после обеда я сам поеду в Нагарачалды, оставив здесь Маннергейма, Вайяна и Нуэта, которые присоединятся завтра.

Капитан Бекчурин сообщает нам о людях, которые проходили здесь недавно. И снова мы разминулись с Ансельмом. Он покинул де Лакоста после перехода через Памир и пока Лакост возвращается через Индию, Ансельм прошел здесь четыре или пять дней назад по пути через Терек-Даван.

По этой дороге в Кашгар и в Хотан проходил недавно некий Райков, командированный Русским комитетом по исследованию Центральной Азии. Он, как говорят, имеет бурятское происхождение, но учился на Восточном факультете в Петербурге, знает персидский и кыргызский¹²⁶.

За столом с капитаном Бекчуриным сидит медицинский офицер – фельдшер Анзигитов, долгое время служивший в Таш-Кургане и Кашгаре. Он дает мне некоторую информацию о Таш-Кургане, куда можно добраться из Кашгара за семь дней (если не ехать по Памиру) и где у русских есть небольшой гарнизон.

Таш-Курган означает каменное ограждение¹²⁷, но Анзигитов ничего не знает об этом. Всего в 40 верстах южнее будет большое земляное ограждение, которое, по его мнению, называется «сорок молодых девушек» – «Кырккыз», я подозреваю здесь некоторую путаницу с традиционной этимологией названия кыргызов.

В районе Тагармы – по дороге из Кашгара в Таш-Курган – верстах в 12 от последнего города находим камеи. У заместителя фельдшера – Арзамасо-

---

126 Михаил Райков (1868-1930) – хакас, а не бурят, окончил Красноярскую учительскую семинарию. С 1894 по 1898 гг. он учился на арабско-персидско-турецко-татарском отделении факультета восточных языков университета Санкт-Петербурга. Он был членом Русского географического общества и принимал участие в экспедициях. Параллельно он посещал курсы юриспруденции и стал адвокатом. Он работал в Самарканде, затем в Минусинске. В 1920-е годы он был одним из авторов хакасского алфавита.

127 Исторически Таш-Курган известен своей каменной крепостью, возведённой, по крайней мере, 600 лет назад, но, возможно, существовавшей гораздо раньше. Город был важным стратегическим пунктом на Шелковом пути. Район населен сарыкольцами, одним из памирских народов.

ва, который сейчас там, есть целая коллекция, которую он, возможно, захочет продать, совершенно в ней не разбираясь.

Наконец, как мне рассказали, к юго-западу или югу от Таш-Кургана, не очень далеко - по дороге в Канджут, можно увидеть каменные надписи, которые сегодня непонятны местным жителям, и которые еще ни один европеец не изучил.

Рядом с Таш-Курганом есть еще «хрустальная гора»; за всей полезной информацией обращаться к таджику из Таш-Кургана - Мыскену.

Согласно Анзигитову, было бы интересно посетить медные рудники, которые находятся после Улугчата, недалеко от Сарыкамыша - слева от дороги.

Я уезжаю из Иркештама в три часа с Боковым и Позылом. На очень скромном пограничном столбе на китайском написано, что он был установлен в 1886 г. на русско-китайской границе. Боков немного взволнован осознанием того, что он впервые покидает российскую землю. А я привык к этим разлукам, уж столько раз я покидал родную землю.

52 Река Кызыл-Суу в сторону Иркештама

Переход через Кызылсу прошел без происшествий. Однако, река довольно быстрая. На галечном островке с вьючным седлом лежит недавно умершая лошадь, скорее всего, сегодня. Караванщики изо всех сил пихают своих животных, и их трупы усеивают дорогу от подъема в гору.

После Иркештама мы поднимаемся по течению Кочеток, затем попадаем на плато, которое на десятиверстной российской карте обозначено белым цветом в центре массива Карабель. Это плато представляет собой старое морское дно, усеянное ржавой галькой, которая носит название - «сай» (также произносится как «сой»), как здесь, так и на Алае. Кроме того, весь этот регион, вплоть до Улугчата, представляет собой древнее морское дно, слои гальки которого, особенно со стороны Нагарачалды, поднялись на невероятную высоту.

С этого плато мы спускаемся через Карадаван к Караташу и прибываем в Иген (произносится кыргызами - Джиген). На десятиверстной российской карте написано на русском - Эгин и указано, что форт находится в руинах; она определяет форт к западу от Каратерека - все это мне кажется неточным. Форт был отремонтирован с момента создания карты; видны ещё следы ремонтных работ и новой покраски. Это первый китайский форт, который мы встречаем - с его квадратной формой, зубчатыми стенами и квадратной дверью. Раньше там было 14 человек; сейчас его занимают только двое, а вокруг постоянно установлено несколько кыргызских палаток.

Как мне сказали сарты, многие заселенные места называют Игеном, кыргызское название было бы Йолводы саз (довольно своеобразное сартское произношение; элементы слова - «йул», «болды» и «саз»; это означает «там есть дорога»). Кажется, что на десятиверстной карте Караташ обозначен основным потоком; кыргыз Игена, с которым я беседовал, рассказал мне, что главная река, которая впадает в Кызылсу, носит название Каратерек-он; я не могу объяснить себе значение этого суффикса «он», но очевидно, что речь идет о Каратереке.

На десятиверстной карте восточнее Игена изображен перевал Суван-Куль. Это название, по всей видимости, произошло от имени богатого кыргыза, жившего здесь около пятидесяти лет назад. Здесь есть горная дорога, довольно плохая, уже обозначенная на сороковерстной карте, но опущенная на этой карте, она ведет прямо из Игена в Улугчат через Суван-Куль; по ней передвигаются при паводках.

Каратерек принимает воды Караташа, наверняка, к западу от форта, а не к востоку, так как к востоку от форта я не видел никакого слияния рек.

Караванщики хотели остановиться в Игене, там им понравилась трава, а я хотел дойти до Нагарачалды. Это название - Нагара, меня долгое время интриговало, и [Эдуард] Блан с Петровским обратили мое внимание на это место, как на представляющее археологический интерес.

Таким образом, вечером мы прибываем в Нагарачалды, к северу от Кызылсу, и заброшенные кыргызские домики из дерева и сухих глиняных лепешек дают нам отличную возможность для ночлега.

24 августа 1906 г.

После пробуждения нужно узнать о возможном месте раскопок, а для этого надо бы найти местного жителя. Кыргызы Нагарачалды зимуют на Алае; Позыл идет искать кого-нибудь из местных в Игене. А я пока иду прогуляться и поохотиться, но ничего интересного охота мне не преподносит. Подстреливаю горную куропатку и вижу зайца; вчера у реки вроде бы были дикие утки, но они исчезли.

53 Во время охоты

Наконец-то, приезжает кыргыз. Он ведет нас на другую сторону Кызылсу, где мы действительно можем издали увидеть важный курган. Это довольно хорошо построенная крепость, сделанная из крупной гальки, зацементированной в глину, которая восходит к Якуб-беку. Для ее строительства «бедаулет»¹²⁸ реквизирует всех трудоспособных мужчин страны. Толщина внутренних стен составляет почти три метра. К тому же периоду относятся башня к западу и здание на другой стороне реки. К востоку от главного форта в Кызылсу впадает ручей; это ручей Сакал, который в это время года заполнен водой вплоть до устья. Совершенно неправильно, что на десятиверстной карте его течение не отмечено до конца, а долина ручья, кажется, заканчивается к западу от форта. Именно через эту долину проходит плохая дорога, которая позволяет во время половодья добираться из Иркештама в Нагарачалды, минуя Кызылсу; на десятиверстной карте этот маршрут показан только на его западной половине. Кыргыз, кроме этой скудной информации, не может больше ничего предоставить.

Антиквариат 30-летней давности меня не устраивает. На плато к востоку от Сакала я замечаю фундамент здания. По словам кыргыза, это остатки домов калмыков. Их там несколько. Замечаю груды более вытянутой гальки; Боков идет искать лопату и кирку, и мы раскапываем один из них: под дощатым потолком мы находим пустую дыру; несомненно, это могилы, но от гробов нет никаких следов; во всяком случае, наш кыргыз утверждает, что сегодня кыргызы не покрывают могилы своих умерших досками. Мы также наносим несколько ударов киркой по одному из участков дома и высвобождаем две балки, которые ближе к концу пересекаются под прямым углом.

Здание Якуб-бека, расположенное на другом берегу ручья, не оставляет сомнений в их природе; это доски или балки, которые плашмя помещали на землю и на которые когда-то клали гальку, использовавшуюся для строительства домов, и рухнувшую на балки, как сегодня - на эти же балки настилают лепешки из сухой глины, которые кладут горизонтальными или наклонными слоями. По словам нашего гида, сегодня кыргызы больше не используют гальку для своих домов. Он говорит, что ниже по течению можно найти в большом количестве другие руины домов калмыков. Словом, интересных древностей и в помине нет, и именно с этой информацией я возвращаюсь в лагерь, куда уже прибыли наши товарищи из Иркештама.

Их путешествие прошло хорошо, за исключением того, что одна лошадь, переходя через Кызылсу, потеряла опору, и один из ящиков Вайяна и сундук Тина упали в воду; к счастью, серьезных повреждений не случилось.

---

128 Буквально «счастливчик», титул Якуб-бека, правителя в Кашгаре.

54 Всадник («ма-дуи»)

Судя по информации нашего кыргыза и моих сартов из каравана, это место у кыргызов называется - просто Награ; это сарты говорят «Нагарачалди» или «Нагарачалды». Это название также применяется к нижнему течению Каратерека от Игена до Нагарачалды. Название Кызылсу, что река заслуживает перед Иркештамом, было бы оправдано и здесь; тем не менее его здесь не используют; Кызылсу здесь называют Нурра; а в Улугчате и ниже ее называют Минтур.

Показываются первые мундиры и предстают перед нами в образе всадника (馬隊 «ма-дуи» - написано на круге, нашитом на его камзоле), он собирается предупредить своего правителя Улугчата о нашем прибытии. Кстати, сам этот всадник - кыргыз; он один из двух солдат из Игена. Он также предупреждает нас, что наш лагерь расположен на государственном поле - «арпа» (ячмень), который там растет, настолько тонок и редок, что, скажу без всякого злого умысла, до настоящего времени мы замечали только тростник. Урожай этих храбрых кыргызов - небогат; лучшие поля, которые я видел здесь - это те, которые в настоящее время занимают валы и центральный двор форта Якуб-бека.

25 августа 1906 года

По дороге из Нагарачалды в Улугчат.

Мы с Вайяном отправляемся посмотреть форт Якуб-бека на южном берегу, а затем идем вдоль реки, которую наши спутники должны пересечь чуть дальше. Но мы останавливаемся из-за обрыва и нам приходится переправляться по воде, достигающей уровня выше грудной клетки лошадей. С другой стороны - мы как раз подходим вовремя, чтобы увидеть, как караван проходит в пятистах метрах от нас. Один «каракеш» шел вперед по воде в поисках брода. Переправа проходит без помех - для лошадей, затем наступает очередь ослов, которых хозяева, завернутые до почек, удерживают за хвосты, чтобы их не унесло течением. Скорее всего, этот переход через Кызылсу невозможен в половодье. Однако, по словам старого «каракеша», до недавнего времени люди не решались использовать верблюдов в караванах, которые шли из Кашгара в Ош; они отважились на это только в последние годы.

Дождь не прекращается и горная дорога, по которой мы идем, проходит по такой скользкой глине, что мы поспешно вновь спускаемся в поток, чтобы не упасть с вершины скалы. Маннергейм, который шел по северному берегу до брода, сказал нам, что видел руины домов, которые, по его описанию, похожи на фундаменты домов калмыков Нагарачалды: я сам встретил некоторые из них на южном берегу немного дальше, примерно на полпути между Нагарачалды и Улугчатом; это полностью соответствует информации, которую дал мне мой кыргыз.

Мы намеревались разбить лагерь после перехода через Кызылсу, без сомнений в местечке Йоскичик и не более чем в шести верстах от Улугчата, но нам надо было идти к «амболу» и так как шел дождь, мы задумали просить остановиться у него до завтра.

«Амбол», 王 Ван Та Жен - человек из Кьянг-нана [Цзянь-нань]; он очень удивлен тому, что иностранец говорит с ним на его языке. Это обеспечивает нам хороший прием и далее, когда мы объяснили, кто мы такие - его секретарь пошел просматривать бумаги и принес официальное уведомление, касающееся нас; в нем говорилось, что французский академик [Эмиль] Сенар, ученый Пеллио, доктор Вайян и фотограф собираются в путешествие и т.д., и что им должна быть предоставлена помощь и защита, все в соответствии с уведомлением, данным Вай-ву пу министром 呂 Лю (Дюбай)¹²⁹; как могла возникнуть такая путаница? Я не знаю, но мне достаточно сказать, что французский академик отказался от поездки; присутствие этнографа Маннергейма пока не вы-

---

129 Жорж Дюбай (1845-1932) - французский дипломат, открыл для себя Китай в 1876 году в качестве канцлера посольства в Пекине. Он являлся консулом в разных китайских городах, затем стал полномочным министром в Пекине в период с 1902 по 1906 гг. По возвращении он стал одним из основателей Франко-Китайской Дружественной Ассоциации.

зывает никаких затруднений; властям Улугчата просто приказано уведомить «даотая» Кашгара о нашем прибытии, как только им станет об этом известно.

Вся китайская почта вскоре к нашим услугам, а присутствие Лю и Тина еще больше упрощает отношения. Вайян провел несколько консультаций; я поговорил то с одними, то с другими. Гарнизон обычно составляет 125 человек, но на самом деле в него входит не более 25 солдат, некоторые - очень молодые, другие - старые курильщики опиума, которые пришли сюда во времена Цзо Цонг-танга¹³⁰. Меня спрашивают о последних новостях: Россия и Япония, как говорят, находятся в состоянии войны, не был ли заключен мир, и если да, то на каких условиях? Здоров ли наш император? Когда я говорю, что у нас нет императора, его превосходительство Ван придвигает свой табурет ближе, очень заинтересовавшись, но маленький секретарь, сопровождающий его, очень горд тем, что может объяснить ему, что Франция - это 民主國 «Мин-чжоу-гуо» [республика] с 上議院 «Шан-и-юань» [верхняя палата] и 下議院 «Сиа-и-юань» [нижняя палата].

Эти солдаты из всех провинций, но особенно из Кан-шена, как они говорят, то есть из Ганьсу и из Шэньси. Его превосходительство Ван сам находится здесь только с прошлого года, он переведен из Урумчи.

Китайцы называют Улугчат 烏魯克恰提 [У-лу-ко-кя-ти] и знают Кызылсу только как 大河 Та-хо. [перечёркнуто: и дают броду к востоку от Улугчата имя 塔什推達 [Та-шэ-туи-вей]]. Их этапы от Улугчата до Кашгара: Уксалыр [Оксалыр] 蕪湖素魯克 [У-ху-су-лу-ко], Кургачин Ками 坎素 [Кань-су], Кан Джонган 安場安 [Ан-кеу-ан], Мин-Юл 明約路 [Мин-юэ-лу] и, наконец, Кашгар.

Довольно большой вопрос для нас - это палатки; мы не смогли достать их в Алае, а здесь их нет в продаже. Можно, по крайней мере, попросить отправить несколько штук в Кашгар; именно эту последнюю возможность я и попытаюсь использовать.

26 августа 1906 года

Дорога в Уксалыр должна быть длинной. Багаж погружен с раннего утра, но мы сами должны ждать, пока не появится капитан - командующий гарнизоном Улугчата 王迎琦 Ван Ин Ки. Этот старый курильщик опиума (ему

---

130 Цзо Цзунтан (1812-1885) - китайский военный и политический деятель цинского государства. Участвовал во многих военных кампаниях против восстаний в империи. В 1875 году Цзо Цзунтан двинул своё 70-тысячное войско на покорение Джунгарии. Убедив Якуб-бека в поддержке Пекином автономии Кашгарии в рамках Цинской империи, ему была отдана Джунгария почти без боя. После этого он в середине апреля 1877 года внезапно бросил свое войско против Якуб-бека, который терпел поражения и был отравлен. В декабре 1877 года была покорена вся Кашгария и каратели казнили тысячи мусульман.

всего 60 лет) не может появиться, не выкурив несколько трубок, тем более, что вчера он замерз, сидя довольно близко к двери и разговаривая с нами. Ван Ин Ки просит прощения, что скудные ресурсы страны не позволили ему предложить нам большой ужин; я прошу прощения, что мы не можем отметить его гостеприимство богатыми подарками. Ван Ин Кы, очевидно, хочет, чтобы я рекомендовал его кашгарскому «даотаю» (он сказал об этом Тину), но я напрасно пытаюсь использовать этот аргумент, чтобы купить здесь две «мен-гуо-бао» (юрты) [пиньинь. «Menggubao», дословно монгольская укладка], отличные от «джан-пэн» [пиньинь. «zhangpeng»] или китайских палаток. Ван Ин Кы говорит, что он беспомощен в этом вопросе.

Мы отправляемся в путь - нас сопровождает джигит, местный китайский солдат, которого Тин называет «китайским казаком» (он был бы хорошо принят, если бы настоящие казаки его понимали). На мундире у этого местного солдата знак, из которого мы узнаем, что он принадлежит к «Бурутской кавалерии» 布魯特馬隊 [«Бу-лу-тэ-ма-дуи»]. Как уже сказал мне сам Асанбек, Бурут - это название, которое китайцы дают кыргызам Алая и Кызылсу. Поначалу этот джигит, кажется, совсем не хочет отвечать на наши вопросы, потом он привыкает к нам и называет названия мест, через которые мы проходим. Он не знает Дальдегер на российской карте и помещает Саваяр намного восточнее Уч-Таша; но это, несомненно, ошибка с его стороны в отношении карты, которую он не знает.

Таш-тубе - это 塔什推邊 [Та-шэ-туи-вей] для китайцев Улугчата. В Сарыкамыше, как и во всем регионе между Улугчатом и Кызыл-Үй, находили медь, но сейчас ее ищут не там, а в горах. Два китайца обрабатывают медь в полутора «тех» (12-ти верстах) к западу от Уксальра; место называется Каратал (так что это, вероятно, не медный завод российской карты, на самом деле расположенный в Кугрым); но я должен отметить, что мой кыргыз не знает название Кугрым.

Я также должен отметить, что название Кызылсу, которое, по словам сартов, используется только до Иркештама - это то же название, которое китайский джигит дает реке Улугчат.

Йоз Кичик также произносится как Яси Кичик.

Джигит произносит Теграк Соз и на мой вопрос подтверждает мое предположение, что «теграк» («тограк») - это просто другая форма «терак». Если учесть, что «даван» пишется китайцами как «та-ва хан» и что, кроме того, джигит произносит «даваан», то следует, что Терек-Даван является эквивалентом восточной и архаичной формы Тегарак-даваган.

Для джигита название Теграк Соз (или Кошпчак) относится к долине, пересекающей дорогу, а не к широкому руслу ручья, по которому идет дорога; российская карта в этом вопросе ошибается. Долина, простирающаяся вдоль дороги, называется Ыйген таш - «Нагроможденные камни». В месте, где продуваемые ветрами скалы принимают странные формы, длинная извилистая скала

делит путь на две половины, одна - справа, другая - слева; это называется Айд-жахар таш; «айджахар» [перс. اجدھا (аждаха), каз. «айдахар», кыр. «ажыдаар»] - это «ильян камтасы» [узбек. «камта илон» («katta ilon»)] - большая змея¹³¹.

В Русском Туркестане расстояния считались в «чакаром» [кырг. «чакырым»] (в верстах), здесь - в «потай» (китайское «р'ао-г'ай»); 100 «йол» (сто дорог), что, возможно, является переводом с китайского языка, равны одному «потая»; два «потая» - это 9 верст.

Перед нами идут два каравана, один транспортирует сахар в голове («баш» по-тюркски) - 35 русских фунтов («кадак»); другой везет в Кашгар около 10 миллионов спичек (нагруженных на 30 лошадей по 8 пудов).

Дорога проходит через абсолютно пустынную местность и поднимается довольно высоко в Шур-Булаке [Шор-Булак]; эти «соляные источники» являются подтверждением того, на что указывают обкатанные и нагроможденные камни, а именно, что мы находимся на древнем морском дне. В Шур-Булаке богатый китаец из Кашгара построил два конусообразных дома для путешественников, которые, в силу обстоятельств, вынуждены ночевать в этих него-степриимных местах.

После Шур-Булака дорога постепенно спускается и приводит к Шах-Машрабу; здесь находится большая крепость Якуб-бека - грозный форт над рекой, который на российской карте называют Джан-Булак. Там есть святой мазар, посвященный шаху Машрабу, который является древним святым «ишаном»; все мусульмане, которые проходят мимо, привязывают к нему тряпочку, а Тахватуллин благоговейно кладет на него немного конского волоса со своей лошади.

Боборахим Махраб (1640(56)-1711) - узбекский суфийский дервиш известный под имени Девона Махраба (Махраб-странник) родился в Намангане и связан с братством Накшбандия и Каландарийя. Он оставил книгу «Диван Махраб». Его жизнь в скитаниях и путешествиях по Центральной Азии была предметом многих легенд и историй. Он был повешен правителем Балха Махмуд-ханом за свободное и синкретическое толкование ислама. Одна из легенд связывает его с обращением в ислам калмыцкого хана Галдана (1644-1697) в XVII веке, который успешно воспользовался междоусобицами в Восточном Туркестане и полностью присоединил его к Джунгарии. (см. Zarccone T., «Between legend and history : about the 'conversion' to Islam of two prominent lamaists in the seventeenth-eighteenth centu-

131 Это гигантское змееподобное существо, примерно эквивалентное дракону, который встречается в персидских и центрально-азиатских легендах.

ries», Akasoy A., Burnett C., Yoeli-Tlalim R. (eds), *Islam and Tibet- Interactions along the Musk routes* (Londres: Routledge, 2011), 281-294).

Эдуард Блан посетил это место и описал его: «Стоящее перед нами небольшое здание - место паломничества горных племен названо в честь Махраба, связанного с именем почитаемого персонажа, останки которого здесь захоронены. В течение долгого времени в разных местах Туркестана мне говорили о Махрабе, всегда с глубоким почтением и я не имел возможности точно знать: кто это и даже в какой стране и в каком веке он жил. Я знал только, что он считался святым, мыслителем и мучеником - такие люди часто встречаются среди мусульман. Он также был писателем, что является более необычным. Около четырех часов вечера мы достигаем могилу святого. Это скромное и бесформенное земляное сооружение, покрытое небольшой многокупольной крышей и скрытое грудой камней, каждый из которых является проявлением уважения прохожего. Несколько шестов из ивового дерева, увешанных лоскутами и по-разному наклоненных над курганом - скудно, но тем не менее, достаточно, по-видимому, с ритуальной точки зрения представляют собой знамена и туги, характерные для гробниц более богатых или более «цивилизованных» святых.

На вершине кургана заложено несколько захоронений «уджда» горных баранов Марко Поло (*Ovis Polii*) и архаров (*Ovis Karelini*), примечательных своими чудовищными размерами или «*муика*» (*Antilope [Gazella] subgutturosa*), [рога] напоминающие веревки с узлами. Это обеты, подаренные прихожанами, которые будучи более охотными или набожными, чем другие, не просто бросили камешек, чтобы внести свой вклад в примитивную архитектуру этого мавзолея, но и принесли более редкое и тяжелое подношение издалека. Все это исчезает под невероятным количеством маленьких разноцветных лент, свисающих со всех частей конструкции, а также с ветвей соседнего куста. Это лоскуты, оторванные почтительными прохожими от подкладок их одежды, один грязнее другого - в знак их преданности. Мы покидаем приютившую нас гробницу после того, как я изучил ее план, а также план ее окрестностей. Внутри находятся несколько комнат, в которых нет ничего особенного, за исключением саркофага святого в одной из них. Мои люди благочестиво добавляли по маленькому камешку или лоскутку халата». (Blanc E., «Journal de route en Asie centrale : du Ferghanah en Kachgarie», *Revue des Deux Mondes*, vol. 155/4 (1899), 884-885).

От Шах-Машраба мы резко спускаемся к реке по очень крутой тропе для мулов; от крепости мы видели в нескольких верстах, в зелени - группу кыргызских палаток; это и есть Уксалыр, где мы будем ночевать. Джигит поскакал вперед, чтобы приготовить для нас две палатки.

Кыргызы приняли нас очень хорошо и привели барана. Дорога была долгой и к восьми вечера мы даже не обедали; дыня и несколько фисташек составили весь наш рацион во время остановки в Шур-Булаке. Поэтому мы с удовольствием передаем мясо повару. Я спрашиваю цену баранины; кыргыз заявляет, что цены нет, и что он очень рад видеть нас у себя в гостях; я знаю, что это значит - мне придется заплатить дороже обычной цены.

Наконец-то, мы ложимся спать чуть раньше одиннадцати часов, так как весь день были заняты почти девятью часами ходьбы, и мы ничего не могли сделать. Завтра нам предстоит пройти столько же до Кызыл-Үй, но сегодня мне не терпится добраться до Кашгара.

В ожидании ужина я разговаривал с Маннергеймом. Необходимо было прояснить его положение по отношению к нашей миссии и определить, в какой степени он может претендовать на полноправное членство в ней? Я ответил, что поскольку министерство не захотело взять на себя ответственность письменно просить меня о включении его в состав экспедиции, я не могу обязать министерство сделать это против его воли, поэтому он может говорить, что путешествует с нами, но не более того. Маннергейм был очень расстроен. Далее я объяснил ему, что учитывая его полную независимость, я не могу взять на себя ответственность официально включить в свою экспедицию человека, над которым я не имею никакого контроля. Он ответил, что я окажу ему гораздо большую услугу, если оставив ему эту полную независимость, которой он не хотел бы лишиться, позволю ему воспользоваться официальным прошением французского правительства. Эта комбинация совершенно не в мою пользу и, естественно, не встретила моего одобрения. Маннергейм сказал мне, что он, возможно, напишет генералу Палицину, чтобы проинформировать его об этой ситуации. Замечательно, но ведь именно Маннергейм, начиная с Оша, всячески подчеркивал свою независимость от нас.

27 августа 1906 года

Мы покидаем Уксалыр, решив двигаться дальше к Кызыл-Үй. Этот этап будет длинным. Однако Вайян заметил червячков и ракушек в протекающем здесь ручье, и мы с ним задержались на час с лишним, чтобы их пособирать.

Затем мы уезжаем, оставляя в Уксалыре, как и во многих других местах, называемых «сай» и находящихся вблизи воды, руины домов калмыков. Во время подъема на перевал Каракой, а затем - на перевал Бур, дорога пересекает абсолютно оголенные горы - часто через немыслимо узкие каньоны.

Небольшое количество воды оставляет на земле солевые наросты. От Улугчата до Кызыл-Үй мы пересекаем два места, которые не зря носят характерное название Шур-Булак или «Соленые источники».

Во впадине, указанной на десятиверстной карте между рекой Үй-Булак и рекой Шат, как раз в правом нижнем углу долины, показанной на карте, мы посещаем разработку медной руды, которую ведут китайцы для правительства; эту медь затем обрабатывают в Каратале; уголь привозят издалека. Для шахтеров это, своего рода, принудительные работы и их жестоко наказывают, если они убегают. Их - около шестидесяти. Их единственным инструментом является кирка. Иногда их усилия разрушают скальную массу, и в одном месте мы видим зияющую дыру, из которой торчит рукоятка лопаты: там спит последним сном шахтер, раздавленный оползнем.

Гора, где работают шахтеры («все сарты» или, как здесь говорят, не прозвоня «р» - все «сатты», то есть здесь - это кыргызы), называется Чараджы, а более специальное место, где они копают - «Хан калды булак», «источник, где остановился хан».

Мы воспользовались остановкой, чтобы перекусить, и снова отправляемся в дорогу - очень трудную. Особенно спуск по Бака-Су в долину, за которым трудный подъем. Наконец, мы достигаем плато «сая», которое называется Кызыл-Үй и ближе к его пределу мы находим палатки. Лошади очень устали после этого горного этапа длиной 50 километров. Маннергейм и Нуэт прибыли раньше нас. Вечером Нуэт с некоторой резвостью говорит о недостаточной организации нашего транспорта; это из-за тяжелого дня, проведенного верхом, а также его пути - «тет-а-тет» с Маннергеймом.

Я расспрашиваю нашего хозяина - кыргыза, обладающего определенным статусом и, похоже, хорошо знающего этот регион. Я хотел бы прояснить вопрос о Тамгалыташ, или камне с надписями, который, как говорят, находится со стороны перевала Урук, к северу от Карангелика. Посоветовавшись с другими кыргызами, наш хозяин объявляет мне, что не знает никакого Тамгалыташ со стороны перевала Урук, но что через перевал Урук можно пройти отсюда в Таш-Рабат¹³² (он произносит Таш рават) и что в окрестностях Таш-Рабата есть камни с надписями - Тамгаташ; он не знает, на каком языке сделаны надписи, хотя ему известно, что, например, надпись на пограничном столбе, установленном на Нарынской дороге с одной стороны - на русском языке, а с другой - на китайском.

---

132 «Рабат» («рибат», «рават») представляет собой место остановки дервишей, паломников. Формирование и применение термина неразрывно связано с суфизмом и распространением ислама на территории Центральной Азии. Термин - «рабат» - менее распространен, чем термин - «лангар» - он соответствует форту, построенному арабами на окраинах «дар аль-ислам» для нужд «священной войны». (прим. Д. Скиба)

55-57 Установка юрты, купленной Пеллио в Кашгаре

Мне предлагают джигита, чтобы он сопровождал меня через перевал Урук. Это звучит весьма заманчиво, поскольку маршрут через перевал Урук до сих пор практически неизвестен, лишь обозначен неточными указаниями на российской карте. Здесь, кстати, карта становится совсем неправильной. От Уксальра до Мин-Юла топографическая съемка выполнена довольно слабо; особенно регион Куш-Уян. Я не знаю, распространяется ли двухверстная карта, которая, как мне сказали, готовится для Русского Туркестана на Китайский Туркестан; в таком случае, со времени появления десятиверстной карты уже должно было состояться множество разведывательных поездок, иначе новая карта будет попросту смехотворной.

Пройдя отсюда через перевал Урук, помимо прочего, я выиграю три дня, которые, как нам сказали, еще понадобятся, чтобы добраться отсюда до Кашгара. Но должен сказать, что было бы лучше сразу же по прибытии [каравана] оказаться в Кашгаре, чтобы наладить контакт с властями и также у меня будет больше возможностей для подготовки экскурсии отсюда. Я должен увидеть «даотая» для палаток [для покупки юрт]; и, наконец, возможно, меня ждет корреспонденция. Подумаю над всем этим ночью и приму решение утром. Если я поеду туда, я вряд ли смогу взять с собой Нуэта - необходимо,

чтобы он поехал в Таш-Рабат, если я туда еду, иначе придется отправлять его обратно [в Таш-Рабат] из Кашгара, что будет не очень удобно.

28 августа 1906 года

Проснувшись, я решил двигаться дальше в Кашгар. Говорю об этом Маннергейму, а он мне отвечает, что его лошади сегодня слишком устали и что он останется еще на один день в Кызыл-Үй. Я сам колеблюсь, но решаю ехать, хотя бы до Карангелика. Вскоре после этого Маннергейм сообщает мне, что он передумал и тоже уезжает, так что мы продолжим путешествовать вместе. Через пять минут Маннергейм снова говорит, что он остается. Мы оставляем ему походный котелок, треть хлеба, третью часть риса и отправляемся в сторону Кашгара.

В восточной части долины, а точнее, на плато Кызыл-Үй – воды больше, я кое-что узнал об этом, потому что моя лошадь вошла по брюхо в плавающие на поверхности родника травы и повалила меня.

58 Хуан Хун Джун, «даотай» Кашгара
(© G. Mannerheim / Suomalais-Ugrilainen Seuran-Finnish Heritage Agency).

59 Обед у даотая Кашгара: Лю (стоящий), неизвестный китаец, Маннергейм (за Лю), Хуан Хун Джун, Пеллио и Вайян

На гористом островке посреди плато наше внимание привлекают руины башни из плоских камней и выжженных солнцем кирпичей, установленных в блоки. Может, это ступа? Возможно, и я охотно поверил бы в это, пока не увидел по крепости Кан-Джонган, построенной недавно, совершенно аналогичную установку кирпичей. Кажется, что по дороге в Иркештам не найти ничего буддийского.

Вскоре дорога приводит нас в Карангелик, где, кроме разрушенного китайского форта, обозначенного на российской карте, мы проходим через почти новый, квадратной формы [зачеркнуто: укрепленный] сарай, внешне похожий на крепость - вид, который обычно встречается при строительстве сараев в этом регионе. Сарай находится у слияния двух рек, которые встречаются у входа на плато Мин-Юл. Равнина Мин-Юл или «Тысяча дорог» представляет собой огромный «сай» и является плодородной только в своей крайней точке - в самом оазисе Мин-Юл, где находится таможенный шлагбаум и китайский пост под командованием лейтенанта. Развалины сторожевого поста, отмеченные на китайской карте, указывают скорее на временное жилье для путеше-

ственников или, возможно, жилище рядом с могилой; во всяком случае - это не башня «потай»¹³³.

Кстати о «потаяе», я спросил у «чань-тэу» из Карангелика, чему равняется один «потай»; он ответил, что это 20 «ли»¹³⁴. Поскольку ли здесь очень маленькие, то вероятно, правильно, что два «потая» равны девяти верстам.

В Мин-Юле мы поселились в сарае. Отсутствие корма для лошадей в Карангелике вынудило нас двигаться дальше, вплоть до Мин-Юла. Мы находим несколько «чань-тэу», говорящих на китайском и одного китайского солдата, чей начальник продает баранов; мы покупаем одного по выгодной цене - 3,50. Здесь все, по-прежнему, довольно дорого; небольшой тюк сена стоит 0,05.

Пришли из таможни, чтобы попросить наши паспорта, но люди из Кашгара, проходящие мимо, сказали нам, что достаточно заявить, что мы сами покажем их «даотаю» в Кашгаре; так я и собираюсь поступить.

Здесь, в нашем сарае, находятся трое из 60 солдат кашгарского конвоя, которые направляются в Иркештам. Они говорят, что в Таш-Кургане также находятся 17 их товарищей. Также мимо проезжает один сарт - бывший компаньон Громбчевского в Кенджуте [Канджут]¹³⁵, ныне работающий в россий-

---

133 Сторожевая башня.

134 «Ли» как стандартизированное метрическое значение составляет 500 метров.

135 В 1888 году Громбчевский осуществил экспедицию в Канджут (современная Хунза) под эгидой Русского географического общества; им произведена маршрутная карта в пятиверстном масштабе, определены координаты нескольких географических точек, десятки высот. Громбчевский был торжественно встречен правителем Хунзы - Сафдар-Али-ханом (1865-1930), который просил передать российскому императору просьбу о принятии его в подданство России и о снабжении оружием для борьбы с британцами. Посещение Громбчевским Хунзы было воспринято в Британской Индии как попытка России распространить своё влияние за Гиндукуш. В 1889 году британской экспедиции капитана Дюранда удалось добиться от Сафдар-Али-хана формального согласия подчиниться британскому контролю; в декабре 1891 года состоялась британская вооруженная экспедиция в Хунзу, после серии краткосрочных боев вся территория княжества перешла под полный британский контроль.

ско-китайском банке в Кашгаре. Он рассказывает мне, что Брис и его спутник¹³⁶ - американцы, которые опередили нас на несколько дней на пути из Ташкента в Кашгар, ушли через Нарынский перевал. Он знает о путешествии Лакоста и Ансельма, а также думает, что именно Стейн в настоящее время принимает Макартни¹³⁷ в Кашгаре. Мне было бы очень интересно завязать знакомство с этим «fellow» [коллегой] на обширном «archaeological field» [археологическом поле] Центральной Азии.

29 августа 1906 г.

Прибытие в Кашгар. Люди, которых мы встретили в Кашгаре в сентябре: - Дэвид Фрейзер¹³⁸ - бывший корреспондент «Times» на Дальнем Востоке во время войны; это он хотел установить радиотелеграфную станцию под открытым небом во время осады Порт-Артура.

-г-н Сомад - француз, проживающий в Намангане, который только что совершил поездку в Хотан, чтобы изучить возможность покупки там коконов.

-Райков - мусульманин, который провел здесь месяц и (11 октября) уезжает в Хотан для продолжения сбора местных песен и сказок.

---

136 Вальтер Киркпатрик Брайс (1874–1926) - американский офицер и сын сенатора штата Огайо, познакомился с будущим известным американским карикатуристом и военным журналистом Джоном Т. Маккатчеоном (1870–1949) во время блокады Манилы в 1898 году. Обладающие авантюрным духом они решили в 1906 году организовать путешествие по Центральной Азии, которое длилось 5 месяцев. Они были очарованы захватывающей историей кочевников. Побывав на Кавказе и в русском Туркестане, они прибыли в Ош. «Путь от Оша до Кашгара в Китайском Туркестане, ныне Синьцзян - 250 миль [402 км] проходил через Алайские горы. По дороге домов не было, только войлочные палатки кочевников, которые летом пасут здесь свои стада. Нашим обычным методом было послать человека вперед, чтобы договориться со старшим деревни, чтобы нам оставили палатку и поставили её в удобном месте. Когда мы приехали, кибитка или юрта была красиво украшена коврами, фризами и мягкими спальными ковриками. Баран был только что зарезан, привезли творог и молоко, а иногда кумыс, представляющий собой перебродившее верблюжье или кобылье молоко. Взамен за это - мы принимали всех для лечения, отказывали только тем, кому требовалось хирургическая операция. Люди думали, что будучи белыми мы знаем, как лечить болезни. Мой золотой зуб произвел фурор. Это служило еще одним пропуском к благосклонности людей, которые были добры и дружелюбны.» (McCutcheon J., *Drawn from memory* (New-York : The Bobbs Merrill Company Inc., 1950), 214-215)

137 Джордж Макартни (1867–1945) родился в Нанкине от шотландского отца и китайской матери. Он прибыл в Восточный Туркестан в 1890 году в качестве переводчика в экспедицию Юнгхазбанда и остался там, чтобы основать Генеральное консульство Великобритании в Кашгаре, где он работал до 1918 года. (см. Skrine C.P., Nightingale P., *Macartney at Kashgar: new lights on british, chinese and russian activities in Sinkiang, 1890-1918* (Londres: Methuen & co, 1973))

138 Дэвид Фрейзер - шотландец по происхождению, был военным корреспондентом английской газеты «Times». После русско-японской войны он отправился в экспедицию по Центральной Азии. Он встречает большинство зарубежных научных экспедиций в Восточном Туркестане, также кратко упоминает о встрече с французской экспедицией в Кашгаре: Fraser D., *The Marches of Hindustan, the Record of a Journey in Thibet, Trans-Himalayan India, Chinese Turkestan, Russian Turkestan and Persia* (Edinburgh: W. Blackwood and Sons, 1907), 281-283.

60 В саду Генерального консульства Великобритании в Кашгаре в сентябре 1906 года: (слева направо во 2-м ряду) Джордж Макартни, Шарль Нуэт, Дэвид Фрейзер, Поль Пеллио, Адольф Болин (1873-1964, шведский миссионер), Ларс Хёгберг (1858-1924, шведский миссионер и лингвист); (справа налево в первом ряду) Сигрид Брауне-Хёгберг (1868-1946, член шведской миссии), неизвестная, Элен Свенссон-Тёрнквист, Катрин Макартни (1877-1949), Джон Тёрнквист сидящий и сын Макартни, Эрик Макартни (1903-1994). (© G. Mannerheim / Suomalais-Ugrilaisen Seuran-Finnish Heritage Agency).

Отчет г-на Поля Пеллио об экспедиции
в Китайский Туркестан (1906-1909)
перед Академией Надписей и Изящной
Словесности (25-го февраля 1910)

Отчет г-на Поля Пеллио об экспедиции в Китайский Туркестан (1906-1909) перед Академией Надписей и Изящной Словесности (25-го февраля 1910)¹³⁹

Обращаясь к Академии, я, в первую очередь, хочу выразить свою благодарность. Мой долг перед вами - уже давний, и он увеличивается с каждым днем. Вот уже одиннадцать лет как, благодаря вашей благосклонности, я являюсь частью Французского Института Дальнего Востока, будучи изначально принятым в качестве научного резидента¹⁴⁰. Позвольте мне сегодня сказать вам - от имени всех тех, кто начинал там заниматься наукой, насколько ваш неизменный интерес служил нам драгоценнейшей поддержкой, утешением и, часто - защитой. Так случилось и на этот раз - если моя экспедиция могла быть организована и продолжена, то, в основном, это благодаря вам. И именно благодаря Вашему одобрению член Академии г-н Эмиль Сенар смог предпринять первые шаги в министерствах и научных сообществах. Именно благодаря тому щедрому взносу, который вы сразу же согласовали с фондом Бенуа Гарнье¹⁴¹, стало возможным привлечение других источников финансирования. И, наконец, среди немногих лиц, помогавших нашему предприятию, нужно назвать двух членов Академии - господина Сенара и господина герцога де Луба. Смерть унесла третьего - покойного Барбье де Мейнара¹⁴².

Самым заветным моим желанием было бы, чтобы эта миссия, которая прежде всего в своей организации, но и во многих других отношениях, была

---

139 Pelliot P., «Rapport sur la mission au Turkestan chinois (1906-1909)», *Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*, n°1 (1910), 58-68.

140 После своего возвращения во Францию 24 октября 1909 года Пеллио стал заместителем директора Французского Института Дальнего Востока и занимал эту должность до своего назначения в Коллеж де Франс в декабре 1911 года.

141 Бенуа Гарнье (1822-1883) был французским исследователем и дипломатом, работавшим в Африке и Азии. Все свое имущество он завещал Академии Надписей и Изящной Словесности. Таким образом, после его смерти был создан фонд его имени, предназначенный для финансирования научных исследований в Африке и Азии: он должен был обеспечивать «ежегодно стоимость научной поездки, которую должен был предпринять один или несколько французов, назначенных Академией, в Центральной Африке или в районах Высокой Азии». (Leclant J. «Les missions de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres à l'époque des grandes expéditions scientifiques en Afrique et en Asie», *Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*, n°3 (2008), 1249-1255).

142 Барбье де Мейнар (1826-1908) - французский востоковед, был преподавателем турецкого, затем арабского языков и, наконец, администратором Школы живых восточных языков в Париже.

вашей, не показалась бы вам слишком недостойной по своим результатам. Вы помните, при каких обстоятельствах мы появились. В течение почти десяти лет разные поисковые экспедиции сменяли друг друга в Китайском Туркестане с целью найти остатки буддизма, который процветал там до прихода ислама около 1000 года, но Франция не участвовала в этих исследованиях. Когда мы отправлялись в 1906 году, лучшие места были уже заняты, и у нас не было консулов и соотечественников в стране, как у русских и англичан, чтобы информировать нас и помогать нам. Мы с моими великолепными спутниками – Луи Вайяном и Шарлем Нуэтом сделали все возможное, чтобы преодолеть эти довольно неблагоприятные условия. В нескольких случаях наши усилия были вознаграждены удачей. Академия была регулярно информирована о наших открытиях через письма, которые г-н Сенар сообщал ей.

Сначала я думал представить вам эти находки в целом, в общей картине, а затем сделать некоторые выводы о религиозной и художественной истории Китайского Туркестана. Но вскоре мне стало ясно, что такая попытка была бы преждевременной. Мне ещё не известно о тех очень важных находках, которые наши зарубежные коллеги привезли в Берлин и Лондон. Наши собственные археологические коллекции, едва лишь распакованные, в данное время разбросаны для дальнейшей обработки и оформления. Говорить и делать выводы на основе скорых и отрывочных впечатлений, мне кажется, мало научным, тогда как, возможно, через двадцать дней открытие нового зала в Лувре¹⁴³, позволит нам уточнить и обосновать наши суждения. Надеюсь, вы простите меня, если сегодня я откажусь от систематического изложения результатов и представлю вам только некоторые материалы.

С археологической точки зрения – три основных этапа нашего путешествия – это Тумшук, Куча и Дуньхуан. Возле Тумшука – крошечного оазиса на полпути между Кашгаром и Кучей, мы увидели и узнали буддийский храм, развалины которого ранее относили к какому-то позднему мусульманскому поселению. За шесть недель раскопок мы собрали большое количество статуэток, в основном, головы – сначала вылепленные, затем высушенные на солнце и раскрашенные, однако, они подверглись, своего рода, случайному обжигу в результате пожара в храме. Здесь же мы обнаружили галерею барельефов, довольно поврежденную, с изображением эпизодов из жизни Будды, из них мы привезли три панельные части. Во всех этих памятниках можно легко найти характерные черты греко-буддийского искусства. Но далее начинается неопределенность. Мы имеем дело с искусством, которое было уже весьма разви-

---

143 Открытие зала «Пеллио» состоялось 12-го марта 1910 года. Он располагался на антресольном этаже Большой галереи Лувра. В 1927 году музей Гиме был присоединен к Дирекции французских музеев и важные коллекции, привезенные из экспедиций в Центральную Азию и Китай, в том числе коллекции Поля Пеллио и Эдуарда Шаванна, были перемещены туда.

то и для изучения истории которого нам все еще не хватает довольно полной информации. Даже даты еще точно не установлены. Из некоторых бумаг, найденных в храме, можно сделать вывод, что он еще не был разрушен около 800 года: мы думали так, исходя из самой истории региона. Но внутри самих этих руин узнаваемы следы нескольких эпох храмового искусства, а также очень разных стилей - от индуистских мотивов до привычных форм китайского искусства. Типы и сцены рисунков с трудом поддаются идентификации. И так во всех отношениях: что касается даты, стиля, интерпретаций, пока что мы признаем свое невежество.

В районе Кучи мы пробыли восемь месяцев. Наиболее плодотворные раскопки были проведены в храме Дулдур-акур, к западу от Кучи¹⁴⁴. Академия была проинформирована об открытиях, которые мы там сделали; я лишь напомним, что во внутреннем дворе этого храма мы обнаружили довольно большую партию рукописей, написанных на письме брахми. Но до сих пор еще трудно дать точное описание содержания этих рукописей. Иногда мы можем узнать в них санскритские слова, буддийские формулы, а также примеры тех потерянных языков Центральной Азии, расшифровка которых только начинается. Кроме того, многие из этих текстов находятся в плохом состоянии, и необходима их материальная подготовка перед тем, как приступить к филологическому исследованию. Помимо этих храмов под открытым небом, древний буддизм оставил в Кызыле и Кум-Туре, недалеко от Кучи, несколько особенно важных «мин-үй». Вы помните, что «мин-үй» [дословно «тысяча домов»] - это группы искусственных пещер, украшенных настенной росписью и ранее обустроенных в качестве буддийских святилищ. Пещеры Кызыла и Кум-Тура - самые важные на всем южном склоне Поднебесных гор [Тянь-Шань]. Профессор Грюнведель уже изучил их до нашего приезда, и нам осталось только сделать достаточное количество фотографий. Эти пещеры, как правило, выстроены в стиле храмов под открытым небом, с псевдо-потолками с карнизами, а позднее с ложными куполами. Вокруг постцентрального алтаря находится коридор - «прадакшина»¹⁴⁵; один из этих коридоров, который, похоже, относится к VIII веку, имеет любопытный тип подковообразной арки. Там есть ряд пещер с китайским декором, по крайней мере, в Кум-Туре, и это объясняется определенным присутствием китайских

---

144 Hambis L. (ed.), *Mission Pelliot 3. Koutcha. Temples construits. Douldour-Âqour et Soubachi*. 1. *Planches* (Paris: Maisonneuve, 1967); Hallade M., Gaulier S., Courtois L. (eds.), *Mission Paul Pelliot 4. Douldour-Âqour et Soubachi*. 2. *Textes* (Paris: Centre de recherche sur l'Asie centrale et la Haute Asie, 1982).

145 «Прадакшина» [санскритское слово, буквально означающее «справа»] - это термин, используемый в индуизме и буддизме для обозначения ритуала обхода по часовой стрелке святыни, изображения, священного объекта или даже города. Обычно верующий начинает с востока и держит объект справа от себя, двигаясь на юг, а затем на запад. Вокруг буддийских ступ обычно проходит тропа «прадакшина».

храмов и монахов в «царстве» Кучи в VIII веке. Но в других пещерах можно обнаружить такую смесь эллинистических, индуистских и иранских влияний, на которые еще и дополнительно наслоилося местное влияние, которое к тому же все еще непросто соизмерить; опять же, не вдаваясь в теорию, я буду довольствоваться тем, что покажу вам образцы этих памятников, которые так новы для нас и изучение которых нам еще предстоит¹⁴⁶.

Мне не терпится прибыть в Дуньхуан, который нас задержит на более длительное время. Дуньхуан, как и Куча, славился своими пещерами «мин-үй», или, как говорят по-китайски – «Цяньфодун». Пещеры Дуньхуана, уже известные по рассказам Пржевальского¹⁴⁷, Бонэна¹⁴⁸ и других¹⁴⁹, незадолго до нашего приезда посетил наш коллега Стейн. Но Дуньхуан, хотя и похож на Туркестан по климату и окружающим его пескам, с начала нашей эры находится под прямым влиянием Китая. Его «Цяньфодун» – китайские, и ни один синолог еще не изучал их; я посвятил себя этой задаче.

В «Цяньфодун» в Дуньхуане насчитывается около 500 пещер, многие из которых представляют собой простые ниши, а некоторые уже и не имеют никаких фресок или декораций. Некоторые пещеры, наиболее важные, были «отреставрированы» в наше время, в XVIII веке и особенно во второй половине XIX века: коридоры были заново отделаны, алтари переделаны, статуи перелеплены: однако, эти работы, вдохновленные религиозными мотивами, грозят непоправимым ущербом. Есть небольшая группа изолированных пещер, находящихся к северу от «Цяньфодун», которые можно датировать XIII и XV веками. Но, в целом, здесь насчитывается не менее 200-250 пещер, которые были вырыты, обустроены и украшены в период с V по XI века. Сохраненные от

---

146 Во время своей презентации г-н Пеллио продемонстрировал членам Академии некоторое количество фотографий, касающихся раскопок в Тумшукке и Куче, и групп «мин-үй» (примечание автора).

147 В 1879 году Пржевальский выступил в третье путешествие из города Зайсан по реке Урунгу через оазис Хами и через пустыню в оазис Дуньхуан (сам Пржевальский называет его Са-Чжеу), и дальше в Тибет. (Пржевальский Н., «Оазис Са-Чжеу. Предгорья Нань-шаня», Из Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Желтой реки (СПб: Тип. В.С. Балашева, 1883), 93-102).

148 Bonin C.-E., «Les grottes des Mille Bouddhas», *Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*, n°2 (1901), 209-217.

149 Лайош Лоци (1849-1920) – венгерский исследователь и геолог, посетил Китай, в том числе Дуньхуан, в 1878-1879 годах в составе венгерской экспедиции графа Белы Сечени (1837-1918). В то время рукописная библиотека была еще неизвестна, и участники экспедиции лишь описывали чудесные росписи и статуи в пещерных храмах. Лоци был первым, кто рассказал юному Аурелю Стейну о Пещерах Тысячи Будд близ Дуньхуана. (Loczy L., *A khinai birodalom természeti viszonyainak es orszagainak leirasa. GrojSzechenyi Bela Iteletazsiai utazasa alatt (1877–1880) szerzett tapasztalatai alapjan es a meglevo irodalotn jolhasznalasavat* [Описание природной среды и земель Китайской империи. На основе опыта восточноазиатских путешествий графа Белы Сечени и существующей литературы.] (Budapest, 1886). Был опубликован английский перевод его описания визита в Дуньхуан: Russell-Smith L., «Hungarian Explorers in Dunhuang», *Journal of the Royal Asiatic Society*, n°10 (2000), 341-362).

разрушительного воздействия времени и влияния ислама, они представляют собой бесконечно ценный для нас набор материалов об искусстве и цивилизации Северного Китая на протяжении почти 600 лет.

То, что мне стало ясно из изучения «Цяньфодун» в Дуньхуане, так это величие и глубокая оригинальность искусства эпохи Вэй. Вэй была некитайской династией, обосновавшейся в Северном Китае, сначала в Шэньси, затем в Хэнане и просуществовала на протяжении V и первой половины VI-го веков. Памятники, оставленные ими, были совершенно неизвестны десять лет назад, но постепенно они становятся доступными для нас. Г-н Шаванн недавно изучал искусство Вэй в «Цяньфодун», в Датун-фу и в Лунмыне, там речь идет о скульптурах из камня, а «Цяньфодун» Дуньхуана знакомит нас с живописью и полихромной лепниной в дополнение к каменной скульптуре. И можно сказать, что в период эпохи Вэй искусство пещер достигло такой высокой степени, которую оно уже не превзойдет. При правлении Тан в VII и VIII веках линии становятся толще, контуры тяжелее; и, на мой взгляд, это уже период декаданса данного искусства. Конечно, мы должны прийти к согласию по поводу понимания слова «декаданс». Основные художники периода Тан – тут я не говорю о скульпторах, так как история искусства в Китае их не знает – пользуются большой славой в Китае и Японии. Это справедливо. Некоторые из них обладали большим талантом, порой были гениями. Но украшение пещер – это не работа для выдающихся художников, заслуживающих исключительного места среди множества своих современников. Эти скульптуры и картины – работа мастеров, и я хочу сказать, что в работах народных мастеров периода Тан, в его картинах или пещерных скульптурах, мы не находим спонтанности, энергичности подобных работ периода Вэй. Искусство эпохи Вэй – это искусство первичное. В то время вера наивна и выражается простыми средствами, угловатость которых не лишена очарования. При правлении Тан народное искусство прозябает и, если Вы позволите мне представить мое мнение через сравнение с примерами Запада, то при Тан, как и в нашей стране сегодня, можно было создавать картины мастеров, но уже было не найти рабочих, которые были бы способны украшать соборы. По крайней мере, господа, именно такое впечатление сложилось у меня после изучения пещер. Но тут я вновь спешу напомнить вам, насколько фрагментарна наша информация. Некоторые головы в скульптурах Вэй, кажется, выдают некое далекое эллинское влияние. Г-н Шаванн указал на буддийского гения в Датун-фу, который, кажется, был вдохновлен Меркурием. Новая традиция должна была бы возродиться там в виде нового искусства, но прогресс этой эволюции снова ускользает от нас¹⁵⁰.

---

150 Г-н Пеллио представил Академии некоторые фотографии, показывающие смену различных художественных эпох в «Цяньфодун» Дуньхуана. (примечание автора)

Но Дуньхуан привлек нас не только своими настенными росписями и алтарями. Как я уже имел честь сообщить об этом Академии, нам была предоставлена возможность получить в свои руки бесценную коллекцию рукописей, датированных до XI века, которые должно быть были замурованы в нише в 1035 году¹⁵¹ и были случайно найдены в 1900 году. Эти рукописи были, в основном, на китайском языке и имели буддийский характер, но там были также философские и исторические тексты на санскрите, на уйгурском, тибетском языках и даже фрагмент рукописи на иврите. Здесь находится короткая несторианская рукопись, которая может быть помещена в одном ряду с надписью «цзинцзяо-фу» [«Цзинцзяо бэй» («Стела сиятельной религии»)]¹⁵², сделанной в 781 году, и она упоминает монаха Дзиндзин¹⁵³ как автора этой надписи. Вот этот фрагмент - все, что удалось найти в самом Китае из литературы китайского манихейства. Этот прекрасно сохранившийся свиток представляет собой тиснение «Ваджраччхедика»¹⁵⁴, написанное рукой знаменитого каллиграфа Лю

---

151 «Расцвет строительства храмов-пещер объясняется тем, что Дуньхуан расположен на древних дорогах из Китая на Запад. (...) Путь на Запад разделяется на две ветви: одна идет по северному краю Таримской впадины, вдоль предгорий Тянь-Шаня в Центральную Азию, другая — по южному ее краю, севернее Куньлуна, через Памир в Кашмир и Индию. По этим путям везли товары с востока на запад и с запада на восток, они же служили для передвижения войск, по ним же двигались буддисты-паломники в Индию и обратно (знаменитый Сюань-цзан, например, в Индию ехал по северному тракту, а в Китай возвращался по южному, причем оба раза побывал в Дуньхуане [именно этой поездке была посвящена одна из первых работ Пеллио]). В 1035 или 1036 Дуньхуан был завоеван тангутами и вошел в состав тангутского государства Си Ся; еще через два столетия — монголами. Древние коммуникации Запад-Восток надолго прервались. Тем временем Индия перестала быть буддийской страной, прекратилось движение паломников. А потом китайцы завоевали Синьцзян; Дуньхуан потерял свое значение форпоста на дальнем Западе, захирел и превратился в рядовой уездный городок». (Меньшиков Л., «К изучению материалов Русской Туркестанской экспедиции 1914-1915 гг», *Петербургское Востоковедение*, вып. 4 (1993), 324-325).

152 Обнаруженная в начале XVII века китайским христианином в Сиане, эта надпись восхваляет христианство и рассказывает о начале его существования в Китае между 635 и 781 годами. Поль Пеллио сделал перевод, дополненный важными комментариями, которые были собраны и опубликованы спустя много времени после его смерти: Pelliot P., *L'inscription nestorienne de Si-ngan-fou* (Paris: Institut des Hautes Etudes Chinoises, 1996).

153 Цзинцзин, по его христианскому имени Адам, был монахом персидского происхождения, вероятно, родившимся в Китае около 750 года. Его дед был священником в Балхе на севере Афганистана, а его отец был приглашен Тан в качестве военного для подавления восстания Ань Лушаня. Цзинцзин получил китайское образование, что нашло отражение в его трудах. В 786 году он помог индийскому буддийскому монаху перевести буддийский текст с иранского языка на китайский. Переведенный текст был представлен императору Дэ-цзуну в 787 году, который отклонил перевод на том основании, что он был ошибочным, искаженным и запутанным из-за слияния буддийских и несторианских концепций. (Gillman I., Klimkeit H.-J., *Christians in Asia before 1500* (London, New-York: Routledge, 1999)).

154 «Ваджраччхедика» или алмазная сутра («сутра о совершенной мудрости, рассекающей [тьму невежества], как удар молнии»), является основополагающим текстом буддизма Маяханы, написана на санскрите между III и IV веками.

Гунцюаня¹⁵⁵, тиснение, камни которого были утеряны еще в XI веке. И это было бы старейшим из китайских тиснений, если бы не тот другой текст, который представляет собой сочинение танского императора Тай-Цуна (627–649), еще сообщаемое в эпоху Сун, но утраченное несколько столетий назад: это тиснение было снято сразу после гравировки текста, поскольку на ней имеется рукописная приписка, которая была сделана в 653 году. А вот ксилографические гравюры, датируемые X или даже IX веком, они являются самыми древними из известных в Китае. Вот рукопись V или начала VI века на шелке, прекрасно сохранившаяся; вот этот текст был полностью вышит на шелке цепным стежком. Добавьте ко всему этому договоры аренды, счета, части переписи, ежедневные записи, словом, этого достаточно, чтобы восстановить в записи жизнь этого отдаленного региона Китая примерно с 700 по 1000 год.

Свиток за свитком – я изучил всю библиотеку, найденную в Дуньхуане, но смог приобрести только её третью часть, а это около 5 000 свитков. По крайней мере, в этой трети у нас есть все самое важное; я взял лишь несколько экземпляров, чтобы представить их вам сегодня.

После того, как я показал вам эти несколько работ, мне остается только уточнить, что нового они нам дают. И здесь я не хочу преувеличивать, но я считаю, что приобретение рукописей Дуньхуана – это одно из трех или четырех событий, которые полностью изменят подходы в синологии. В Европе не было древних китайских рукописей. В самом Китае произошло столько революций, к тому же климат в южной половине империи настолько вреден для книг, что древние рукописи оказались почти все уничтожены. Процесс книгопечатания, который начался около 800 года и быстро развивался в XI веке, также способствовал этому исчезновению. Короче говоря, лишь в Японии сохранилось небольшое количество древних китайских рукописей, в основном, буддийских, из которых за последние тридцать лет китайские ученые привезли несколько штук; и похоже, что ни одна из этих рукописей не ранее 600 года. Внезапно мы получили доступ не просто к горстке рукописей, как это было до сих пор в Китае и Японии, а к тысячам свитков, таким же древним, а иногда и более древним, чем все те, которые цитировались до сих пор. И они у нас есть, уже не разбросанные по частным коллекциям нескольких любителей Дальнего Востока, а у нас – под рукой и в сохранности в наших национальных коллекциях. Это новая и особенно выгодная ситуация для европейской синологии.

---

155 Лю Гунцюань (778–865) – родом из Шэньси, был силен в почерке кайшу и придерживался строгих правил в каллиграфии. Он стал выдающимся представителем плеяды талантливых каллиграфов династии Тан, достигнув небывалых высот в каллиграфии почерком кайшу. Наибольшее количество его иероглифов сохранилось на «Цзиньганцзин бэй» («Стеле с 'Алмазной суртой'»), найденной в пещерах Могао в Дуньхуане.

Позвольте мне добавить, что я старался послужить интересам наших исследований еще одним способом. За последнее столетие китайцы много написали, опубликовали и прокомментировали. Но китайский фонд Национальной библиотеки [Франции], составленный из довольно разрозненных поставок миссионеров XVIII века, не только не имел всех необходимых книг, с тех пор как был создан, но, прежде всего, не пополнялся. Другие библиотеки Европы были едва ли в лучшем положении. Я воспользовался своим последним пребыванием в Пекине, чтобы пополнить китайскую коллекцию в Париже, купив около 30 000 «бэнь» или китайских книг, которых нам не хватало. Сейчас коллекция китайских гравюр Национальной библиотеки не имеет аналогов в Европе, а коллекция китайских рукописей не имеет аналогов даже в Китае.

Китайские ученые не ошиблись. Наместник Чжили, Дуаньфан¹⁵⁶, какие только усилия не предпринимал, чтобы я отдал ему некоторые из наших рукописей. Наконец, просвещенная элита Пекина создала своего рода ассоциацию для сбора средств для оплаты фотосъемки и последующей публикации факсимиле в оригинальных размерах всех основных текстов. Стоимость публикации этих коллекций будет настолько высока, что я посчитал, что не могу поступить лучше, чем принять это предложение и облегчить китайским ученым воспроизведение текстов рукописей. Они были очень заинтересованы в этом и я считаю, что в наших интересах удовлетворить их просьбу. До сих пор европейским китаеведам практически не удавалось вступить в контакт со своими местными коллегами. Но по мере того, как работа в области синологии, оставшаяся так долго в хаотичном состоянии, становится более организованной и развивается, мы всё больше ощущаем необходимость в более тесных и частых связях со всем тем, что происходит на Дальнем Востоке. Очень теплый прием, оказанный мне недавно в Пекине, позволяет нам надеяться на лучшее в этом отношении: теперь все зависит от нас, чтобы и далее поддерживать эту добрую волю. Постепенно китайские ученые приходят к европейским методам. В прошлом китайский ученый, зачастую – энциклопедист, прочитавший и сохранивший все, что говорилось и делалось в Китае на протяжении почти 3000 лет, ревниво относился к своим знаниям и почти не сообщал своим соотечественникам и коллегам – из каких книг он черпал информацию. Но сегодня публичные библиотеки множатся, музеи появляются то тут, то там, а в Пекине несколько месяцев назад была основана настоящая «Национальная библио-

---

156 Дуаньфан (1861-1911) был одним из немногих маньчжурских сановников китайского происхождения, считая модернизацию необходимой. Он также был известен как коллекционер китайского и древнеегипетского искусства. Одним из первых он осознал значимость археологических древностей. В 1909 году издал каталог своей коллекции, в том числе описание 430 древних бронзовых изделий. Основная часть коллекций Дуаньфана была продана его наследниками в Метрополитен-музей. В 1909 году он являлся генерал-губернатором столичной провинции Чжили.

тека»¹⁵⁷. Это новое учреждение получило одну из четырех сохранившихся копий великолепной коллекции текстов, собранных в XVIII веке императором Цяньлуном [1711-1799], большая часть которой до сих пор нам неизвестна¹⁵⁸; оно также получило старые издания, сохранившиеся в некоторых дворцах, например, в Жэхе – то, что осталось после сожжения Ханьлинь-юань¹⁵⁹ в 1900 году, единственную копию «Юнлэ дадянь», наконец, и что особенно важно, древние книги Нэй-ко¹⁶⁰. Эта последняя новость кажется пустяком, и никто на самом деле не мог знать в то время, что означает такой подарок. Но когда мы вошли в здания Нэй-ко, где хранились эти книги, и распаковали свертки, то обнаружили, что там находится целая библиотека печатных произведений и рукописей XII и XIII веков, к которым никто не прикасался с XIII века. Да, господа, поскольку это были книги императора, выяснилось, что никто не имел к ним доступа, даже ученые, которые в XVIII веке по поручению императора изучили всю известную на тот момент китайскую литературу. Каталог этой значительной коллекции в настоящее время составляется и должен быть направлен мне, как только он будет завершен. Теперь китайские ученые предлагают в новой Национальной библиотеке, куда будут перевезены эти сокровища, сделать необходимые нам копии под их наблюдением: это говорит о том, как прекрасно они к нам расположены.

Как видите, Господа, я не ошибся, когда говорил вам, что формируются условия для синологических исследований. Я уже рассказал вам о нашей Национальной библиотеке и о библиотеке, которая только что была основана в Пекине. Но мы еще не знаем, чем нас удивят китайские коллекции, привезенные в Берлин и Лондон, которые, несомненно, будут иметь значительный интерес. Туркестан не так неисчерпаем, как Египет; в Турфане листы старых рукописей больше не используются в качестве оконных стекол, как это было

---

157 Пекинская императорская библиотека была основана 9-го сентября 1909 года.

158 «Полное собрание книг по четырём разделам» («Сыку цюаньшу») представляет собой обширную библиотеку книг, отобранных по указу маньчжурского императора Цяньлуна. Оно содержит все самые фундаментальные книги по китайской культуре, объединяющие более трех тысяч произведений, разделенных на четыре основные традиционные библиографические категории (конфуцианская классика, история, философия, литература).

159 Академия Ханьлинь (738-1911) – учреждение, выполнявшее функции императорской канцелярии (её члены часто были советниками императора), комитета по цензуре и литературе, идеологического комитета, высшей школы управления, библиотеки и др. Здание Академии и её библиотека (располагавшиеся рядом с британской дипломатической миссией в Пекине) значительно пострадали во время боксерского восстания в 1900 году.

160 Нэй-ко служила большой канцелярией при династии Мин, которая, в конечном итоге, перешла к династии Цин.

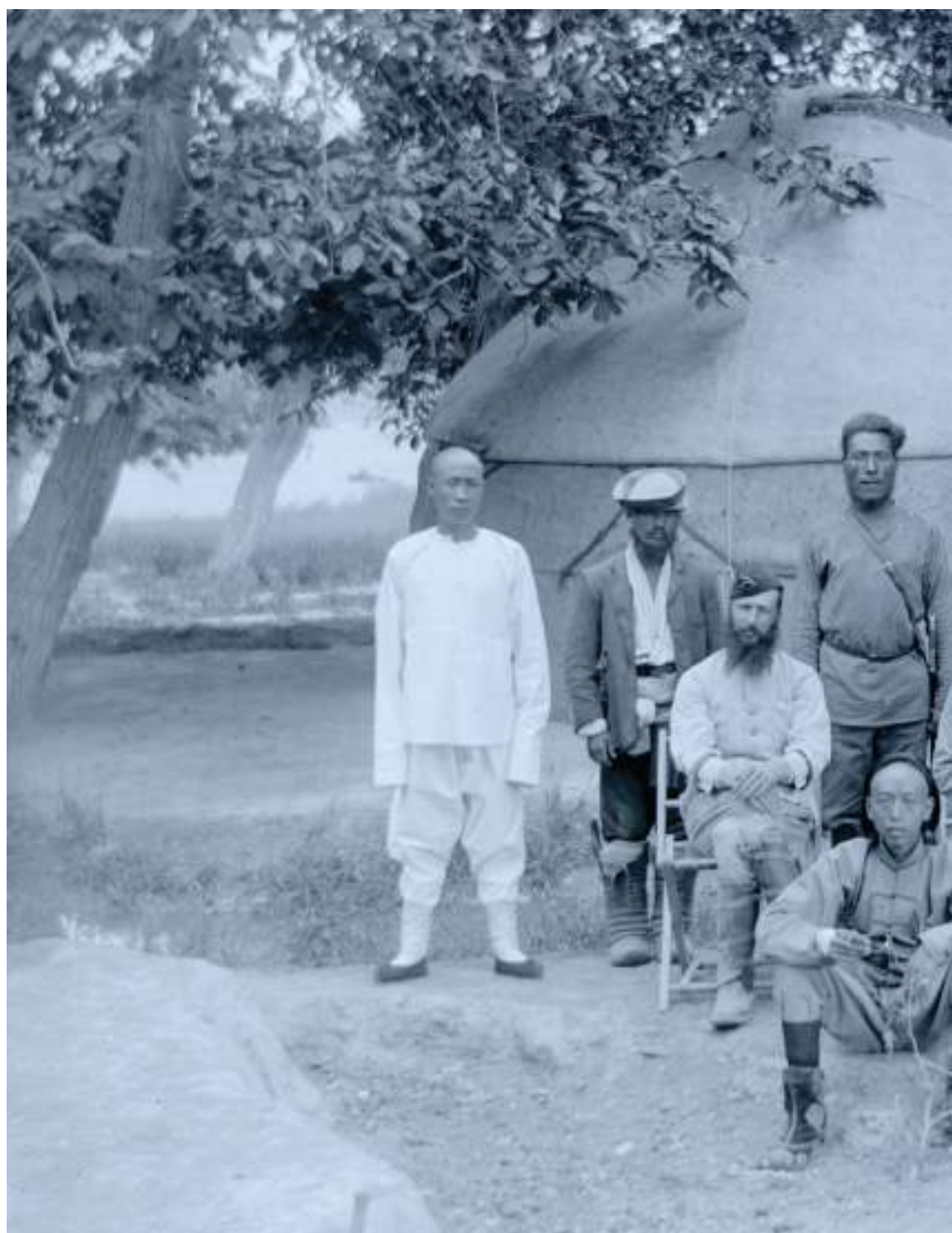
десять лет назад. Но только вчера полковник Козлов¹⁶¹ обнаружил большое количество текстов «си-ся»¹⁶² на севере Ганьсу. Каждый день приносит новые сюрпризы. Область наших исследований постоянно расширяется. В этом множестве новых документов, я надеюсь, вы найдете достаточной и интересной ту часть, о которой сообщает наша миссия. Наша работа не заканчивается на этом, наоборот. Настало время разбирать все и публиковать. Работа предстоит огромная и потребует помощи многих специалистов.

61 Участники французской научной экспедиции (Су-баши, 1907): (слева направо во 2-м ряду) неизвестный, Позыл (?), Ширван Ильязов, Али Ахун (портной Свена Хедина), Симеон Боков, Мир Хаит (?), неизвестный; Вайан, Пеллио и Нуэт на стульях; и Тин впереди (148–149 стр.)

---

161 Пётр Козлов (1863–1935) совершил с 1883 по 1926 годы шесть больших экспедиций в Монголию, Западный и Северный Китай, и Восточный Тибет, три из которых возглавлял лично. Во время Монголо-Сычуаньской экспедиции (1907–1909) Козлов открыл в пустыне Гоби руины мёртвого тангутского города Хара-Хото. В ходе раскопок, проведённых в Хара-Хото в 1908–1909 годах, была обнаружена библиотека, состоявшая из самого крупного свода текстов на тангутском, китайском и др. языках (около 6000 свитков). Среди них — уникальные произведения буддийской литературы, неизвестные ранее и не имеющие параллелей на других языках. Результаты были изложены Козловым в книге «Монголия и Амдо и мёртвый город Хара-Хото» (Петроград: Гос. изд-во, 1923).

162 Си Ся [буквально «Западное Ся», т. е. к западу от исторических земель хунну] является государством тангутов, существовавшим в 1038–1227 годах к северо-западу от китайского царства Сун.

Указатель географических названий

А

Айджахар таш 126
Айляма 112
Ак-Кыңдык 112
Ак-сай 112
Аксу 110
Ак-Таш (река) 89
Алай 6, 7, 19, 21, 73, 75, 79, 82,
89, 92, 98, 113, 162
Александров 46
Алматы 81, 84
Англия 12
Андижан 48, 62, 63, 64, 74
Араванская волость 76
Артуа 13, 15
Арчат Ашу [Арчат-даван] 98
Арчат Булак 98
Афганистан 75, 113
Афины 10
Афрасиаб 41
Африка 70, 79, 80, 86, 115
Ашхабад 45

Б

Бадахшан 22
Бака-Су (река) 129
Бактрия 42
Балх 41, 42, 126, 143
Берлин 139, 146
Бур 128
Бургундия 18
Бухара 19, 38, 74

В

Вахан 22
Владивосток 29

Г

Газыр Кичиг 90
Ганьсу 44, 124, 147
Гиндукуш 134
Гоби 24, 147
Гульча 19, 21, 37, 68, 69, 70, 72, 73, 74, 75, 76,
77, 78, 82, 91
Гульчинка 19, 20

Д

Дальдегер 125
Дарданеллы 29
Дарьяльское устье 79
Датун-фу 142
Джан-Булак (река) 126
Джунгария 113, 124, 126
Дуньхуан 8, 24, 27, 28, 42, 89, 139,
141, 142, 143, 144

Е

Европа 34, 89
Египет 33, 146

Ж

Жэхе 146

З

Зерафшан 38

И

Иген 119, 120, 122
Индияна 29
Индия 11, 12, 19, 33, 45, 57, 70, 83, 109, 110,
117, 134, 143
Индокитай 27, 29
Иркештам 8, 16, 19, 21, 36, 37, 75, 89, 115,
116, 117, 118, 119, 121, 122, 125, 133, 134
Иркутск 29

К

Кавказ 62, 74, 135
Кавлан-Куль [Кабылан-Кол] 68, 69, 71,
72, 76
Каир 10
Калмук-Курган [Калмак-Коргон] 78, 79, 90
Калта Каракол 89, 90
Камбоджа 11, 33, 34
Канджут [Хунза] 118, 134
Карабель 119
Караванкол 68
Карадаван 119
Кара-Дарья 67
Каракой 128
Карангелик 129, 132, 133, 134

Каратай 37, 67, 68, 91
Каратал 125, 129
Караташ 119
Каратегин 19
Каратерек 119, 122
Карашар [Яньци] 95
Катга Кук-Булок [Кок-Булак] 112
Катынарт 37, 91, 93, 94, 110, 112, 113
Кауфман (пик) 94
Кашгар 14, 16, 17, 19, 22, 42, 45, 52, 62,
64, 68, 69, 77, 81, 84, 89, 90, 91, 95,
109, 110, 113, 114, 117, 121, 123, 124, 126,
128, 131, 132, 133, 134, 135, 136, 139
Кашгария 19, 77, 81, 90, 91, 113, 124
Кашмир 42, 143
Кенджут [Канджут] 134
Китай 7, 8, 10, 11, 12, 13, 16, 19, 27, 28, 33,
44, 57, 68, 81, 82, 83, 89, 111, 112, 113,
123, 139, 141, 142, 143, 144, 145, 146
Кичик Каракол 89
Кичил Кук-Булок [Кок-Булак] 112
Коканд 18, 45, 46, 48, 62, 112
Кок-Булак 37, 89, 90, 91, 92
Кок-суу [Алайского района] 84
Контрексевиль 57
Корла 95
Кочеток (река) 119
Кугрым 125
Кумбул 114
Кумбул [Хами] 82, 114
Кумтур 95, 140
Кургачин Ками 124
Куртук-Ата [Куртук-Ата] 37, 79, 87,
88, 89
Курук-Таушхан 86
Куча 14, 22, 95, 108, 109, 110, 139,
140, 141
Куш-Уян 131
Кызыл 110, 140
Кызыл-Арт 94, 110, 112
Кызыл Белес 90
Кызыл-Курган [Кызыл-Коргон] 77, 78, 80
Кызылсу [Кызыл-Суу] 115, 119, 120, 121, 122,
123, 124, 125
Кызыл Үй 89
Кызыл-Үй 125, 128, 129, 132
Кыргызстан 6, 7, 8, 11, 16, 19, 37, 70, 88, 111
Кьянг-нан [Цзянь-нан] 123

Л

Лангар 37, 68, 70, 72
Ланьчжоу 14
Либава [Лиепая] 48
Лион 33, 58
Лоб 111, 113
Лондон 40, 42, 45, 139, 146
Лукчун 111
Лунмынь 142

М

Мады 68
Малайзия 11, 29
Манила 135
Маньчжурия 16, 23, 57
Мараканда 41
Маралбаши 110
Медина 19
Мекка 19, 63, 85
Минусинск 117
Мин-Юл 131, 133, 134
Могао 24, 25, 89, 144
Монголия 29, 147
Монлери 15
Москва 11, 16, 44, 46
Музтагат (хребет) 94

Н

Нагарашалди 110
Нанкин 135
Нарын 110

О

Ош 8, 17, 19, 21, 22, 36, 37, 48, 50, 51, 52, 57,
58, 59, 60, 61, 63, 64, 67, 68, 71, 73, 74, 75,
76, 77, 81, 82, 83, 91, 110, 114, 123, 128, 135

П

Па-де-Кале 15
Пакистан 70
Памир 19, 22, 66, 94, 102, 112, 117, 143
Париж 9, 12, 13, 15, 28, 29, 33, 34, 40, 46, 49,
58, 138, 145
Пекин 10, 11, 13, 23, 24, 27, 29, 39, 48, 57, 66,
70, 76, 82, 123, 124, 145, 146
Персия 45
Порт-Артур 135

Р

Рим 10
Российская Империя 12, 112
Россия 12, 16, 38, 42, 45, 48, 57, 62, 70, 83,
89, 117, 124, 134

С

Саваяр 125
Сакал (река) 121
Самарканд 18, 38, 41, 42, 45, 46, 50, 56, 62,
84, 117
Санкт-Петербург 44, 45, 46, 50, 95, 109,
110, 117, 143
Сарыкамыш 118, 125
Сахалин 68
Семиречье 51, 67, 68, 75
Сен-Мандэ 9
Сиам 11, 33
Сибирь 29, 57, 70, 75, 76
Синьцзян 23, 135, 143
Соединенные Штаты Америки 10
Суван-Куль 119
Суркх Аб 112
Суфи-Курган [Сопу-Коргон] 20, 77, 87

Т

Тагармы 117
Таджикистан 34, 70
Такламакан 24, 110
Талдык 19, 22, 37, 87, 88, 89, 91, 92, 93, 94,
98, 112
Ташкент 18, 39, 44, 45, 47, 48, 49, 50, 57, 62,
63, 66, 69, 74, 98, 135
Таш-Курган 117, 118, 134
Таш-Рабат 129, 132
Терек-Даван 87, 117, 125
Тибет 64, 71, 141, 147
Тонгмурун 37, 94, 111, 113, 114, 115, 116
Тонкин 57
Тумшук 110, 139, 141
Туркестан 12, 13, 14, 15, 17, 19, 22, 23, 28, 42,
45, 48, 50, 51, 52, 56, 57, 58, 63, 64, 69, 70,
71, 74, 81, 92, 95, 109, 110, 113, 114, 126, 127,
131, 135, 138, 139, 141, 143, 146
Турфан 95, 108, 109, 146
Тянь-Шань 52, 140, 143

У-Ү

Узбекистан 70
Узген 52, 57, 64, 65, 66, 67
Үй-Булак 129

Уксалыр [Оксалыр] 124, 125, 128, 131
Улугчат 81, 89, 113, 114, 118, 119, 122, 123, 124,
125, 129
Урук 129, 131
Урумчи 23, 109, 124
Уусоз 112
Уч-Турпан 113
Уч-Тюбе [Уч-Добо] 89

Ф

Фергана 19, 80, 82, 83, 84, 86, 91
Франция 8, 12, 13, 15, 16, 27, 28, 30, 33, 39,
57, 58, 70, 90, 117, 124, 138, 139, 145

Х

Ханой 10
Ханьлинь 146
Хельсинки 16
Хотан 42, 117, 135
Хэнань 142

Ц

Цейлон 11
Центральная Азия 11, 29
Цзинцзин 143

Ч

Чараджы 129
Черняево 42, 62
Чжили 145
Чигирчик Даван [перевал Чыйырчык]
72, 82, 91

Ш

Шампань 18
Шат 129
Шах-Машраб 126, 128
Шейтанды 112
Шур-Булак [Шор-Булак] 126, 128, 129
Шэньси 44, 48, 124, 142, 144

Ю

Юго-Восточная Азия 11, 45, 80
Юнгхазбанд 135

Я

Ялиус 84
Янги Курган 79
Янырык [Жанырык] 79, 80, 86, 115
Япония 79, 80, 86, 115

Указатель имен

А

Абдур Рахман хан 42
Абрамзон С. 88
Авалокитешвара 87
Алексеев А. 51, 68
Алексеев В. 30
Али Ахун 149
Алымбек Датка 21, 60, 74, 75, 82
Ами табха 87, 116
Анзигитов 117, 118
Ансельм Г. [Hypolite Enselme] 57, 117, 135
Аплатун [Платон] 83, 84
Арастуй [Аристотель] 84
Арзамасов 117
Ариф Хаджи 48, 62, 63
Аркым Бай Датка 113
Афак ходжа 90

Б

Бако Ж. [Jacques Bacot] 33
Бали Юлджу 80
Бартольд В. 41
Барт О. [Auguste Barth] 27
Бартус Т. [Theodor Bartus] 95, 109, 110
Бауэр Г. [Hamilton Bower] 12, 110
Бекчурин 116, 117
Березовский М. 95, 109
Березовский Н. 95, 108, 109, 110, 111
Беш Бури 86
Бишоп Х. [Heber Bishop] 39
Блан Э. [Blanc Edouard] 70, 71, 119, 127
Богословский Ф. 38
Болин А. [Adolf Bohlin] 136
Бонапарт Р. [Roland Bonaparte] 13
Бонвало Г. [Gabriel Bonvalot] 21, 57
Бонэн Ш. [Charles Bonin] 57
Брайс В. [Walter Kirkpatrick Brice] 135
Брауне-Хёрберг С. [Sigrid Braune-
Högberg] 136
Буйан де Лакост Э. [Emile Bouillane de
Lacoste] 57, 117, 135

В

Вайан Л. [Léon Vaillant] 13, 14, 22, 44, 47,
49, 53, 71, 76, 77, 78, 80, 84, 85, 93, 110, 115,
116, 123, 124, 128, 133

Ван Ин Ки 124, 125
Ван Та Жен 123
Ван Ходжа 114
Ван Юаньлу 24, 27
Варат Ш. [Charles Varat] 33
Вревский А. 92

Г

Гарнье Б. [Benoit Garnier] 138
Гиме Э. [Emile Guimet] 33
Гренар Ф. [Fernand Grenard] 64
Громбчевский 92, 134
Грум Гржимайло Г. 52
Груссе Р. [René Grousset] 33
Грюнведель А. [Albert Grünwedel] 95,
108, 109, 110, 140
Гунцюань Л. 39, 143, 144

Д

Давид-Неэль А. [Alexandra
David-Neel] 34
Даогуан 23
Делапорт Л. [Louis Delaporte] 33
де Мейнар Б. [Barbier de Meynard] 138
Демьевиль П. [Paul Demiéville] 11
де Ротур Р. [Robert de Rotours] 29
Джахангир-ходжа 90, 112
Дуаньфан 145
Дэ-цзун 143
Дюбай Ж. [Georges Dubail] 123
Дюранд А. [Algeron Durand] 134
Дютрей де Рен Ж. [Jules Dutreuil
de Rhins] 33

Ж

Жедальж А. [André Geldage] 92, 93

И

Иса 77, 80
Иса-Датка 77
Исан-хан 82
Искандер Зулкарнайн [Александр Вели-
кий] 84
И Цзин 11

К

Казимча Хаджи 50, 51, 58, 63, 64
Калмыков А. 45
Кан Тай 11
Капю Г. [Guillaume Capus] 57
Козлов П. 147
Колоколов С. 22, 95
Курманджан Датка 21, 22, 51, 73, 75
Куропаткин А. 74
Куропаткин П. 71

Л

Лаббэ П. [Paul Labbé] 57
Леви С. [Sylvain Lévi] 9
Лигети Л. [Louis Ligeti] 30
Литльдель Г. [George Littledale] 110
Лоци Л. [Lajos Lóczy] 141
Луба Ж.-Ф. [Joseph-Florimont
Loubat] 13, 138

М

Мадали-хан 77
Макартни Дж. [George Macartney] 135,
136
Макартни К. [Catherine Macartney] 136
Макартни Э. [Eric Macartney] 136
Маккатчеон Д. [John McCutcheon] 135
Маннергейм Г. [Gustaf Mannerheim] 7,
16, 17, 18, 21, 32, 37, 42, 44, 45, 46, 48, 49,
50, 53, 54, 56, 57, 62, 63, 64, 65, 66, 68, 71,
72, 73, 80, 89, 92, 94, 111, 112, 113, 115, 116,
117, 123, 128, 129, 132, 133
Марко Поло 11, 127
Маршан Ж.-Б. [Jean-Baptiste
Marchand] 39
Массье И. [Isabelle Massieu] 57
Машраб Б. 126
Моккар Ф. [François Mocquard] 14
Монье М. [Marcel Monnier] 57
Мухаммад Азам хан 42
Мухаммед 80
Мэжи [Maingie] 46, 57
Мюллер Э. [Emile Müller] 46, 57, 58

Н

Немет Д. [Gyula Nemeth] 30

О

Остроумов Н. 45

П

Палицин Ф. 128
Пеллио А. [Alice Pelliot] 46, 93

Пеллио Ш. [Charles Pelliot] 9
Петровский Н. 45, 63, 110, 119
Порт Г. [Hermann Pohrt] 109, 135
Пржевальский Н. 141
Пухарат (Гиппократ) 84

Р

Равель М. [Maurice Ravel] 93
Райков М. 117
Рено М. [Marie Renault] 80

С

Сақы Батыр 90
Сардар Мухаммад Исхак хан 42, 43
Сафдар-Али-хан 134
Свенссон Э. [Ellen Svensson] 69, 136
Сейид Азимбай Мухаммадбаев 48
Сейид Г. 48, 50, 51, 57, 63, 66, 68
Сейид К. 48, 62
Сенар Э. [Emile Senart] 12, 57, 123, 138, 139
Сечени Б. [Bela Szechenyi] 141
Синор Д. [Denis Sinor] 18, 29, 30
Скобелев М. 22, 74, 75, 83, 113
Скупенская-Карвосская М. 29
Сомад [Saumade] 135
Стейн А. [Aurel Stein] 24, 28, 42, 45, 95, 110,
135, 141
Стерн Ф. [Philippe Stern] 34
Субботич Д. 74
Сухарат [Сократ] 83
Сыдыкбек 113
Сюань-Цзан 11

Т

Тай-Цун 144
Тамерлан 33, 38, 39
Тахватуллин 56, 115, 116, 126
Тёрнквист Д. [John Thörnqvist] 69, 136
Тилеке баатыр 76, 82, 84
Тузы Зарипбек Мусака уулу 114

Ф

фон Ле Кок А. [Albert von Le Coq] 42, 95,
109
Фрейзер Д. [David Fraser] 135, 136
Футтерер К. [Karl Futterer] 71, 76

Х

Хазрат Адам 80

Хазрат Али 76

Хакин Ж. [Joseph Hackin] 33

Хан Дарин 112, 113

Хёгберг Л. [Lars Högberg] 136

Хедин С. [Sven Hedin] 52, 64

Худояр-хан 74

Ц

Цзайлан (Герцог Лан) 23, 24

Цзо Цзунтан 124

Цяньлун 146

Ч

Чайковский А. 114

Чингисхан 33, 34, 41

Ш

Шаванн Э. [Edouard Chavannes] 9, 30, 32,
139, 142

Шейбани 38

Ю

Юло Э. [Etienne Hulot] 58

Я

Якуб-бек 89, 113, 114, 121, 122, 123, 124, 126

Ялиус (Гален?) 84

Список карт

а. Маршрут французской научной экспедиции в Центральной Азии (установлен в 1909 г.)	20
б. Маршрут французской научной экспедиции от Оша до Иркештама. ©Тамирис Аллез	36

Список иллюстраций

За исключением тех, в которых упоминается автор и коллекция, все фотографии происходят из коллекции экспедиции Поля Пеллио, хранящейся в национальном музее азиатских искусств им. Гиме и были сделаны Шарлем Нуэтом.

1. Поль Пеллио в Урумчи (1907)	2
2. Луи Вайян, Поль Пеллио и Шарль Нуэт в Куче (1907)	14
3. Этикетка шампанского «Coste-Folcher»	18
4. Цзайлан в своем кабинете в Урумчи, 1908 год. (© G. Mannerheim / Suomalais-Ugrilaisen Seuran-Finnish Heritage Agency)	23
5-6. Гроты Могао, «пещеры тысячи Будд»	25
7. Поль Пеллио в пещере № 17 выбирает рукописи при свечах	26
8. Страницы путевых заметок Поля Пеллио от 26 августа 1906 г.	40
9. Сардар Мухаммад Исхак хан (1851-1909). © «Туркестанский архив»	43
10. Поль Пеллио, Луи Вайян и неизвестный узбек в Ташкенте	47
11. Погрузка растаможенных ящиков французской экспедиции в Андижане. В центре изображения - Пеллио, Вайян и Нуэт. (© G. Mannerheim / Suomalais-Ugrilaisen Seuran-Finnish Heritage Agency)	49
12. Вид Сулейман-Тоо	50
13. Казимча Хаджи, доверенное лицо Сейида Гани в Оше	51
14. Лагерь экспедиции в Оше - (слева направо) Вайян, Пеллио, Маннергейм, на первом плане Нуэт и Тин	53
15. Первая встреча в Оше между участниками экспедиции (Луи Вайяном, Густавом Маннергеймом (позади) и Полем Пеллио) и двумя сыновьями Курманджан Датки, Асанбеком - слева и Маамытбеком - справа	54-54

16. Пятеро казаков конвоя, принадлежащие 2-му Уральскому казачьему полку, сформированному в Самарканде в 1879: (слева направо) Симеон Боков, Игнатий Юнусов, Шакир Рахимжанов, Ширван Ильязов и Тахватуллин	56
17. Кузнец и Казимча Хаджи в Оше	58
18. Улица ремесленников в Оше	59
19. Река Ак-Бура в Оше	59
20. Медресе, основанное в Оше Алымбеком Датка, а затем содержащееся на средства его сыновей	60
21-22. Детские танцы в медресе Оша	60-61
23. Выезд из Оша в направлении конного рынка Узгена во главе с Казимча Хаджи, рядом с ним - Маннергейм и Пеллио	64
24. Узгенская ярмарка лошадей (© G. Mannerheim / Suomalais-Ugrilaisen Seuran-Finnish Heritage Agency)	65
25. Каратай	67
26. Конвой покидает Лангар во главе с Полем Пеллио	71
27. (слева направо) Поль Пеллио, Курманджан Датка, Мамадалибек [Мухамед Алибек] (сын Асанбека) [Путевые заметки Пеллио позволили установить личность внука Курманджан Датки на фотографии], Густав Маннергейм (© G. Mannerheim / Suomalais-Ugrilaisen Seuran-Finnish Heritage Agency)	73
28-29. Два вида на Гульчинский мост, построенный около 1893 г.: мосты строились из арчи – чрезвычайно крепкое и плотное дерево из породы хвойных; очень трудно поддается гниению, даже в воде	74-75
30. Лагерь в Гульче, Вайян (сидящий)	77
31. Калмыкский коргон рядом с Жанырыком	78
32. Лагерь в Жанырыке: Тин (стоящий), Вайян (сидящий)	84
33. Лагерь в Жанырыке: Вайян, сидящий возле юрты справа.....	85
34. Женщины и дети, едущие верхом	86
35. Женщины, едущие верхом рядом с Куртук-Ата	87
36. Подъем на перевал Талдык: Маннергейм фотографирует, рядом с ним Лю и Пеллио; на заднем плане Асанбек и Маамытбек (?) верхом на лошадях	92
37-38. Топографические съемки, проведенные Вайяном и Маннергеймом в верхней части перевала Талдык	93-94

39. Вид на Алайскую долину с нынешнего местонахождения айыла Сары-Таш	96-97
40. Молодая невеста, в честь которой были устроены торжества в Сары-Таше	99
41. Женщины в праздничных костюмах с молодой невестой в центре; все собрались по просьбе Нуэта	100-101
42-44. Сцены из «томаша» или «улок тартмок» – «көк-бөрү»	102-103
45-46. Сцены из «томаша» или «улок тартмок»: «байге» (скачки на лошадях)	104-105
47-50. Сцены из «томаша» или «улок тартмок» – эниш – соревнование по борьбе среди детей верхом на лошадях	106-108
51. Лагерь в Тонгмуруне	115
52. Река Кызыл-Суу в сторону Иркештама	118
53. Во время охоты	120
54. Всадник («ма-дуи»)	122
55-57. Установка юрты, купленной Пеллио в Кашгаре	130-131
58. Хуан Хун Джу, «даотай» Кашгара (© G. Mannerheim / Suomalais-Ugrilaisen Seuran-Finnish Heritage Agency)	132
59. Обед у «даотая» Кашгара: Лю (стоящий), неизвестный китаец, Маннергейм (за Лю), Хуан Хун Джу, Пеллио и Вайян	133
60. В саду Генерального консульства Великобритании в Кашгаре в сентябре 1906 года: (слева направо во 2-м ряду) Джордж Макартни, Шарль Нуэт, Дэвид Фрейзер, Поль Пеллио, Адольф Болин (1873-1964, шведский миссионер), Ларс Хёгберг (1858-1924, шведский миссионер и лингвист); (справа налево в первом ряду) Сигрид Брауне-Хёгберг (1868-1946, член шведской миссии), неизвестная, Эллен Свенссон-Тёрнквист, Катрин Макартни (1877-1949), Джон Тёрнквист сидящий и сын Макартни, Эрик Макартни (1903-1994). (© G. Mannerheim / Suomalais-Ugrilaisen Seuran-Finnish Heritage Agency)	136
61. Участники французской научной экспедиции (Су-баши, 1907): (слева направо во 2-м ряду) неизвестный, Позыл (?), Ширван Ильязов, Али Ахун (портной Свена Хедина), Симеон Боков, Мир Хаит (?), неизвестный; Вайян, Пеллио и Нуэт на ступлях; и Тин впереди	148-149

Содержание

Предисловие, Гзавье Аллез (Перевод Д. Скиба и С. Аллез)	7
Поль Пеллио – уникальная судьба исследователя Азии, Гзавье Аллез (Перевод Д. Скиба и С. Аллез)	9
Национальный музей азиатских искусств имени Гиме (Париж, Франция), Гзавье Аллез (Перевод Д. Скиба и С. Аллез)	33
Путевые заметки Поля Пеллио в Центральной Азии (15 июля – 29 августа 1906 года), (Перевод Ж. Жусубалиевой и Д. Скиба)	35
Отчет г-на Поля Пеллио об экспедиции в Китайский Туркестан (1906-1909) перед Академией Надписей и Изящной Словесности (25-го февраля 1910), (Перевод Ж. Жусубалиевой и Д. Скиба)	138
Указатель географических названий	150
Указатель имен	153
Список карт	156
Список иллюстраций	156

НЕОБЫКНОВЕННАЯ ВСТРЕЧА ФРАНЦУЗА И КЫРГЫЗА – АЛАЙ, 1906 ГОД

Путевые заметки Поля Пеллио
и фотографии Шарля Нуэта

под редакцией Гзавье Аллеза

Перевод

Жамбы Жусубалиева,
Диана Скиба, Сауле Аллез

Редактор Аймира Урустемова

Дизайнер Эмиль Тилеков

Верстка Айжамал Борисова

Подписано в печать 20.10.2023 г.

Формат бумаги 70x100 ¹/₁₆

Объем 10 п.л. Тираж 300 экз.

Отпечатано в типографии «Улуу тоолор».

г. Бишкек, ул. Ж. Бөкөнбаева, 182.

Поль Пеллио [Paul Pelliot] (1878–1945) – один из основателей французского востоковедения. Прежде всего филолог и китаевед одаренный безграничным любопытством, он исследовал многие области и всегда поражал своими лингвистическими знаниями. Французская научная миссия в Центральную Азию, которую он возглавлял между 1906 и 1908 годами, была решающим моментом в истории исследования Китая, Центральной Азии, буддизма и несторианства. Отрывки его путевых заметках, хранящиеся в Национальном музее азиатского искусства им. Гиме и переведенные в эту книгу, представляют собой уникальный документ о кыргызах Алая в 1906 году.

Шарль Нуэт [Charles Nouette] (1869–1910) – независимый парижский фотограф, задокументировал экспедицию по просьбе Пеллио, его фотографии хранятся в музее Гиме. Фотографии, сделанные на юге современного Кыргызстана до сих пор не были опубликованы, в отличие от остальной фотоколлекции. В этой книге они публикуются впервые.

MUSÉE
GUMET